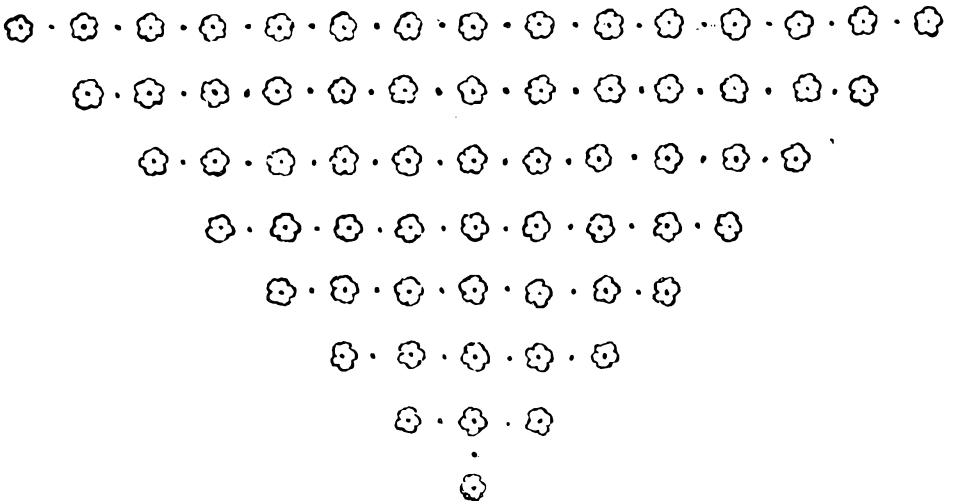

І. М. МАЛЮНЪ

❁ ❁ МОИ ❁ ❁

ВОСПОМИНАНІЯ

І. М. МАЛЕИНЪ.

**МОИ
ВОСПОМИНАНІЯ.**

Съ портретомъ и факсимиле автора.

Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи.

Т В Е Р ь .

Типо-Литографія Н. М. Родіонова, Трехсвятская ул., д. Шиканова.

1910 г.

печатано по распоряженію Тверской Ученой Архивной Комиссіи 1910 г.

Фототипия А. Ф. Дресслера, СПб.

Глава первая.

Время и мѣсто моего рожденія.—Печальная судьба отца.—Дѣдъ мой по матери М. Ф. Лебедевъ.—Отдача священника въ солдаты.—Бѣдность моихъ родителей.—Тяжелая работа отца.

Родился я 1834 года, 20 Мая, ночью, на 21 Мая, на Царя Константина, Мать Елену (какъ объ этомъ выражалась покойная мать моя), въ селѣ Кушалинѣ, Тверского уѣзда.

Дѣдъ мой по отцѣ былъ священникомъ въ селѣ Застолбѣѣ, Бѣжецкаго уѣзда; имя его о. Іоаннъ Лебедевъ. Онъ имѣлъ 6 сыновей, и всѣ сыновья по его желанію носили разныя фамиліи: Лебедевъ, Кревскій, Миловскій, Критскій (4-го Іюля Андрея Критскаго) и отецъ мой Михаилъ Малеинъ (12-го Іюля преподобнаго Михаила Малеина). Трое сыновей были священниками, двое гражданскими чиновниками, а отецъ мой только дьячкомъ, по слѣдующимъ обстоятельствамъ: Господь даровалъ ему прекрасный голосъ, „soprano“, и этотъ голосъ принесъ ему сначала счастье, а потомъ несчастье.

По поступленіи ученика Михаила Малеина въ Духовное Тверское училище, во 2-й годъ, пришелъ въ классъ регентъ Архіерейскаго хора и началъ пробовать голоса учениковъ. У Михаила Малеина оказался очень хорошій „soprano“, и регентъ тотчасъ зачислилъ его въ хоръ пѣвчихъ Высокопреосвященнѣйшаго Серафима, Архіепископа Тверского.

Поступивъ въ хоръ, М. Малеинъ сталъ любимцемъ Владыки; былъ имъ посвященъ въ стихарь и назначенъ въ исполатчики вмѣстѣ съ двоими пѣв-

чими. (Исполатчики во время Архіерейской службы пѣли тріо въ алтарѣ: Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα).

Владыка очень любилъ своихъ маленькихъ пѣвчихъ. Нерѣдко присутствовалъ онъ при ихъ игрѣ въ бабки, надѣляя ихъ при этомъ пряниками и конфетами, а иногда и самъ принималъ участіе въ игрѣ.

Чрезъ нѣсколько времени Владыку Серафима назначили Членомъ Св. Синода, и онъ отправился въ С.-Петербургъ, куда взялъ съ собою и своихъ лучшихъ пѣвчихъ, въ томъ числѣ, конечно, и солиста исполатчика М. Малеина, зачисливъ его кандидатомъ на священническое мѣсто въ двухкомплектномъ приходѣ съ предоставленіемъ въ пользу его— Малеина—половины священническаго дохода. Одѣвался Малеинъ роскошно, носилъ сюртуки изъ сукна по 12 руб. (ассигнаціями) за аршинъ (одинъ сюртукъ такой я донашивалъ при поступленіи въ духовное училище) и манишки изъ голландскаго полотна по 2 руб. асс. за аршинъ (нѣсколько манишекъ осталось и мнѣ). Зимой, въ холода, исполатчика Малеина къ Архіерейской службѣ возили въ наретѣ, дабы у него не испортился голосъ. Все шло такъ прекрасно, что оставалось только благодарить Господа.

Но ничто не вѣчно на землѣ.

Когда отцу моему М. М. исполнилось 16—17 лѣтъ (хорошенько не упомню), у него „спалъ“ (техническое слово) голосъ, и оставаться въ хорѣ пѣвчимъ онъ не могъ.

Явившись ко Владыкѣ, онъ просилъ его оказать ему, Малеину, милость. Владыка сказалъ: „жаль тебя, Малеинъ, но ты самъ знаешь, что по твоимъ лѣтамъ я тебя опредѣлить въ священники не могу, такъ какъ ты еще, по несовершеннолѣтію, не можешь жениться; послужи, пока, причетникомъ, а когда

можно будетъ тебѣ жениться, приходи ко мнѣ, и я дамъ тебѣ священническое мѣсто“.

Утѣшенный и обнадеженный Владыкою, отецъ мой поступилъ причетникомъ, Бѣжецкаго уѣзда, въ село Бережай, гдѣ и служилъ до совершеннолѣтія. Въ теченіи этого времени умеръ Высокопреосвященный Владыка Серафимъ.

По достиженіи возраста, дающаго право жениться и быть священникомъ, отецъ мой явился съ прошеніемъ къ новому Владыкѣ, замѣстителю Архіепископа Серафима, объ опредѣленіи его въ священники, согласно обѣщанію, данному Владыкою Серафимомъ.

Вновь поступившій Архіерей, выслушавъ просьбу отца моего, сказалъ: „я ничего не знаю о прежней твоей службѣ и заслугѣ; кому ты служилъ, съ того и спрашивай!“

Бѣдный отецъ мой, получивъ отказъ отъ Архіерея, со слезами пошелъ въ Д. Консисторію, гдѣ узналъ, что въ селѣ Кушалинѣ имѣется свободное „праздное“ причетническое мѣсто со взятіемъ въ замужество дочери бывшаго священника М. Ф. Лебедева, Маріи Матвѣевны.

Не желая возвращаться въ с. Бережай, отецъ мой отправился въ с. Кушалино, гдѣ и изъявилъ желаніе вступить въ супружество съ матерью моею Марією Матвѣевною, и съ обязательствомъ кормить тещу—Федосью Яковлевну и двухъ свояченицъ Наталью и Анну и занять мѣсто дьячка. Здѣсь считаю нужнымъ объяснить, что жизнь моей бабки по матери и всего семейства бывшаго священника, дѣда моего по матери, была такъ же, какъ и судьба отца моего, самая горестная—несчастная.

Бабка моя Федосья Яковлевна была дочерью священника Якова Кононовича въ селѣ Кушалинѣ;

прапрадѣдъ - Кононъ Гавриловичъ—также былъ священникомъ въ томъ же селѣ Кушалинѣ.

Прадѣдъ Яковъ Кононовичъ слалъ свое мѣсто и принялъ въ домъ студента семинаріи Матвѣя Филипповича Лебедева со взятіемъ въ замужество дочери Якова Кононовича Федосьи Яковлевны.

Священникъ М. Ф. Лебедевъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Кушалинѣ, взятъ былъ во флотъ—священникомъ же.

Пробывъ во флотѣ болѣе двухъ лѣтъ, онъ страстился къ крѣпкимъ напиткамъ и по прибытіи опять въ с. Кушалино не только не оставилъ своей пагубной страсти, но началъ сильно предаваться ей и во время опьяненія былъ строптивъ и буянливъ.

Много Матвѣй Филипповичъ куралесилъ, живя въ Кушалинѣ. Изъ множества случаевъ опишу хотя два.

Одинъ разъ онъ перетаскалъ въ подполь всѣ подушки, перины, сундуки и пр. скарбъ домашній и зажегъ тамъ. Съ трудомъ удалось домашнимъ вытащить его изъ подвала почти въ безчувственномъ состояніи.

Другой разъ Матвѣй Филипповичъ вышелъ на улицу и поставилъ среди ея кровать, на кровать положилъ перину, подушки; около кровати поставилъ столъ, принесъ чернильницу, бумагу, перо и легъ на кровать.

Случилось проѣзжать по улицѣ одному помѣщику; увидя такую обстановку на улицѣ, помѣщикъ удивился и остановился. Матвѣй Ф. закричалъ тотчасъ помѣщику: „сторонись, не мѣшай, здѣсь лежитъ попъ и сочиняетъ прошеніе на свою попадью!“

Всему семейству не рѣдко приходилось ночевать въ гумнѣ, сараѣ, или у кого либо изъ сосѣдей.

Кромѣ того, бабка говорила, что она видѣла, какъ мужъ ея М. Ф. во время молитвы неоднократно и быстро поворачивался то въ одну, то въ другую сторону, какъ будто кто его дергалъ за полы; при этомъ онъ говорилъ ей съ угрозой: „уйди, попадья, а то мнѣ совѣтуютъ убить тебя и показываютъ красивыхъ женщинъ. Убей свою попадью, мы дадимъ тебѣ вотъ любую красавицу!“ Все это бабка приписывала вліянію нечистой силы, хотя, конечно, все это происходило отъ злоупотребленія спиртными напитками (какъ говорятъ, до чертиковъ или до зеленого змія), а я вполне вѣрилъ рассказамъ бабки. Передавала она также и слѣдующее: придя домой пьянымъ, М. Ф. кричалъ: „попадья, давай денегъ!“ А когда та отвѣчала: что нѣтъ денегъ, онъ топалъ ногою и кричалъ: „врешь! деньги у тебя спрятаны на сѣнницѣ подъ такою-то жердью,“ что и соответствовало дѣйствительности.

Не могу точно опредѣлить, долго ли продолжались таковыя дѣянія Матвѣя Филипповича.

Послѣдовалъ на него доносъ, произведено было слѣдствіе, затѣмъ судомъ постановлено было: священника села Кушалина Матвѣя Лебедева лишить священническаго сана и, по лишеніи этого сана, отдать въ военную службу--въ солдаты!

Нѣтъ словъ описывать, какъ тяжело было бабкѣ это извѣстіе.

Поѣхала бабка моя Ѳедосья Яковлевна съ своимъ мужемъ Матвѣемъ Филипповичемъ въ Тверь.

Въ Твери, въ Консисторіи, прочитали ему рѣшеніе Архіерейское и всей Консисторіи, обрѣзали волосы, сняли съ него рясу и подрясникъ и велѣли одѣться какъ обыкновенному человѣку.

Потомъ отправили Матвѣя Филипповича, при бумагахъ, въ Казенную Палату, а оттуда въ Рекрутское Присутствіе.

Предварительно привода М. Ф. въ Рекрутское Присутствіе, его раздѣли до гола, затѣмъ, нагого, повели два солдата по бокамъ съ саблями на голо какъ какого убійцу или государственнаго преступника.

Бабка, какъ взглянула на своего Матвѣя Филипповича въ такомъ видѣ, упала въ обморокъ и не помнитъ, какъ она попала на квартиру свою. Говорили ей, что ее отливали водою, провожали кто то...

Матвѣй Филипповичъ, отданный въ солдаты, писалъ письма бабкѣ (своей женѣ), дѣтямъ своимъ и отцу моему, что въ полку ему жить хорошо, водки онъ уже не пьетъ. Но въ 1838 году письма его, во время пожара, сгорѣли, и адресъ забыть: съ этого года и до настоящаго времени свѣдѣній о немъ никакихъ не получалось, и бабка моя, мать и сестра матери часто горевали объ этомъ. Однажды пронесся слухъ, что въ село Первитино, въ 20 верстахъ отъ Кушалина, пришелъ молодой солдатъ, получившій чистую отставку и съ деньгами, и что въ пьяномъ видѣ солдатъ этотъ хвастался, будто получилъ отставку по милости бывшаго попа въ селѣ Кушалинѣ, Матвѣя Филипповича Лебедева. Отецъ поѣхалъ въ с. Первитино, увидѣлъ этого солдата, но тотъ заперся, что подобныхъ рѣчей не говорилъ, и вообще опредѣленнаго отцу ничего не хотѣлъ рассказать. Могло быть, что М. Филипповичъ съ нимъ послалъ и деньги для передачи своимъ роднымъ семейнымъ. Это еще болѣе опечалило бабку мою, мать и тетку (сестру матери).

Лишившись своего мужа, бабка явилась къ Архіерею, объяснила свое крайне бѣдственное положеніе и просила его не оставить ее умереть съ голоду съ семействомъ. Архіерей отвѣчалъ: „разрѣшаю тебѣ, попадья, пріискать жениха въ домъ со взятіемъ твоей дочери, для прокормленія себя и твоего бѣднаго семейства“.

Но не успѣла бабка воспользоваться милостью Владыки и найти достойнаго человѣка занять Священническое мѣсто со взятіемъ ея дочери, какъ мѣстный старшій священникъ и благочинный с. Кушалина, о. Григорій Пѣвцовъ, уже заранѣе предвидя печальный исходъ судьбы священника Матвѣя Лебедева, подготовилъ дѣло такъ, что, какъ только священника Лебедева лишили сана и отдали въ солдаты, священникъ Пѣвцовъ пріискалъ жениха, который былъ опредѣленъ 2-мъ священникомъ въ село Кушалино со взятіемъ въ замужество его, Пѣвцова, дочери.

Такимъ образомъ бабка моя Ѳедосья Яковлевна осталась съ семействомъ, положительно, безъ всякихъ средствъ и не имѣя ничего въ виду.

На счастье (?) бабки пріѣхалъ случайно въ село Кушалино Архіерей.

Бабка явилась къ Архіерею, упала въ ноги, залилась слезами и просила Архіерея явить ей архипастырскую милость.

Архіерей спросилъ бабку, отъ чего она не приняла въ домъ зятя. Бабка отвѣтила, что, какъ только священническое мѣсто оказалось празднымъ послѣ ея мужа Матвѣя Филипповича, мѣстный священникъ о. Пѣвцовъ (тутъ стоявшій при Архіереѣ) устроилъ свою дочь, выдавъ ее замужъ за человѣка, который

и былъ опредѣленъ во священники въ село Кушалино на мѣсто бывшаго свящ. Матвѣя Ф. Лебедева.

Архіерей, обратясь къ Благочинному Пѣвцову, замѣтилъ: „что это ты дѣлаешь? Не хорошо обижать сиротъ“, а затѣмъ, обратясь къ бабкѣ, сказалъ: „что же мнѣ теперь дѣлать? Ничего не могу подѣлать—мѣсто занято!“

Тогда бабка опять упала къ ногамъ Владыки и со слезами на глазахъ сказала: „Ваше Высокопреосвященство! Здѣсь въ Кушалинѣ есть праздное дьяческое мѣсто, явите Божескую милость, разрѣшите мнѣ, хотя на это мѣсто, принять зятя, мнѣ совсѣмъ нечѣмъ жить съ семействомъ“. Владыко отвѣчалъ: „ну Богъ благословитъ“, благословилъ бабку, сказавъ при этомъ: „пріискивай жениха къ своей дочери!“ И вотъ, какъ я выше объяснилъ, отецъ мой Михаилъ Ивановичъ Малеинъ вступилъ въ супружество съ матерью моею Марією Матвѣвною, женщиною весьма кротою и боязливою.

Трудно было отцу моему содержать и кормить свою семью, которая начала все прибывать.

Сначала родилась одна дочь, потомъ другая, третья, сыновей же пока не было ни одного, а родителямъ моимъ крайне хотѣлось имѣть сына, и вотъ послѣдовало мое рожденіе. Родители мои были очень обрадованы появленію моему на свѣтъ Божій и нарекли мнѣ имя „Іустинъ“, а крестнымъ отцомъ былъ приглашенъ мѣстный священникъ о. І. Судаковъ.

Послѣ меня родились еще три сына: Петръ, Іоаннъ (оба были священниками) и Алексѣй, кончившій курсъ въ Вышневолоцкой кондукторской школѣ и умершій отъ чахотки, вслѣдствіе усиленныхъ занятій. Причетническій доходъ отъ церкви и прихода достигалъ не болѣе 70 руб. ассигнаціями (20 руб. серебра)

въ годъ, а, кромѣ этого, весь причтъ пользовался казенною землею. Каждый причетникъ могъ высѣвать ржи отъ 10 до 14 мѣръ, жита 6—8 мѣръ и овса до 16 мѣръ.

Урожай отъ такихъ посѣвовъ и составлялъ единственную поддержку къ существованію. Но, само собою разумѣется, чтобы получить удовлетворительный урожай, необходимо хорошо обработать землю. Священники держали много скота, нанимали работниковъ и работницъ, сами же только присматривали за работами, а бѣднымъ причетникамъ, чтобы не умереть голодною смертію, приходилось самимъ обрабатывать землю.

И вотъ мой несчастный отецъ, послѣ своей избалованной жизни въ хорѣ, гдѣ онъ получалъ половину священническаго дохода и надѣялся быть въ будущемъ настоящимъ іереемъ, былъ лишенъ этого архіереюскою властію и вынужденъ былъ приступить къ полевымъ работамъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

Сначала все у него не ладилось: не умѣлъ отецъ мой ни справить сохи, ни направить косы, ни пахать, ни косить, но надо было учиться и привыкать, иначе голодъ и безвыходное положеніе.

Отецъ ко всему привыкъ и всему научился, хотя, конечно, не такъ, какъ природный крестьянинъ: самъ пахалъ, сѣялъ хлѣбъ, молотилъ, косилъ траву, убиралъ сѣно, а мать моя и все семейство отца помогали ему въ работахъ, и при этомъ отецъ мой никому никогда не жаловался на свое бѣдное положеніе; постоянно былъ веселъ, любилъ говорить со всѣми и шутить. Про себя говорилъ: „Мишутка, любитъ шутки“. Очень любилъ онъ людей разговорчивыхъ, а о молчаливыхъ отзывался: „у нихъ дубовые языки“. За то всѣ и любили отца моего!

Въ селѣ Кушалинѣ было два священника, діаконъ, два дьячка и два пономаря. Служба при двухкомплектномъ причтѣ была не особенно тяжела, такъ какъ священники служили по очереди, а причетники могли и не всѣ присутствовать при службѣ, исключая всѣхъ царскихъ дней, т. е. рожденія и тезоименитства не только Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника, но и всѣхъ Великихъ Князей и Княгинь. Во всѣ таковыя дни (а ихъ было не мало) отправлялась служба и молебны свое-временно, т. е. именно въ тотъ день, въ который произошло таковое событіе; и къ молебну обязанъ былъ весь причтъ, полностію, являться въ церковь; за неисполненіемъ этого Св. Синодомъ предписано было благочиннымъ и священникамъ строго слѣдить и, аще бы кто дерзнулъ не быть въ церкви въ одинъ изъ таковыхъ торжественныхъ дней, отдавать такового въ монастырь подъ началъ, а при повтореніи—удалять отъ мѣста. Все духовенство боялось такого синодскаго распоряженія и въ точности исполняло оное.

Одинъ изъ таковыхъ торжественныхъ дней былъ, или въ концѣ мая, или 1-го Іюня, хорошенько не упомню, и отцу моему крайне необходимо было вспахать 10-ю полосу, отстоящую отъ села на 2¹/₂ версты.

Вставъ до восхода солнца, отецъ отправился въ поле пахать свою полосу, въ надеждѣ до молебна вспахать ее, такъ какъ къ царскому молебну долженъ былъ приходиться весь причтъ полностію, какъ сказано выше.

Во время пашни отецъ услышалъ благовѣсть къ обѣднѣ, затѣмъ звонъ во вся, далѣе опять звонъ къ „достоиню“, а между тѣмъ полоса остается недопаханною.

Тутъ отецъ мой, видя невозможность докончить пахоту, оставилъ въ полѣ лошадь и соху и побѣжалъ въ село въ церковь. Въ селѣ спрашивали отца: Михаилъ Ивановичъ! Куда такъ бѣжишь, все ли благополучно? Отецъ отвѣчалъ: „некогда, некогда, спѣшу — царскій молебень!“ Тутъ уже зазвонили къ молебну. Отецъ усилилъ свой бѣгъ и въ чемъ пахалъ (домотканный понитокъ — босикомъ) побѣжалъ къ церкви и едва добѣжалъ до церковной двери, упалъ почти безъ чувствъ на порогъ и закричалъ: „слава Богу — поспѣлъ! поспѣлъ!“ А въ это время другой дьячекъ, Иванъ Степановичъ Садиковъ, тянулъ на правомъ клиросѣ: „многая лѣта!“. Богомольцевъ въ церкви никого не было.

Отецъ остановился на паперти, чтобы, какъ говорилъ, перевести духъ и показаться Благочинному и священнику, что былъ у молебна.

Когда весь причтъ выходилъ изъ церкви и дошелъ до паперти, отецъ мой подошелъ подъ благословеніе къ Благочинному. Тотъ спросилъ его: „что стоишь тутъ, Михаилъ Ивановичъ? Никакъ ты не былъ у молебна?“ — О, нѣтъ, нѣтъ, былъ, о. Благочинный! — отвѣчалъ отецъ. — И до сего времени не могу опомниться; съ 10-й полосы до самой церкви все бѣгомъ бѣжалъ; чуть душа-то вонъ изъ тѣла не вышла. Въ дверяхъ-то упалъ, а Иванъ Степановичъ тянулъ мно-о-о-о-гая лѣта.

Отецъ въ этотъ день былъ уже не въ состояніи что-либо дѣлать.

Глава вторая.

Ласка и баловство бабушки. — Новыя бѣдствія отца. — Уколъ глаза. — Станный случай съ коровой. — Пожаръ въ селѣ Кушалинѣ. — Отчаяніе жителей. — Безвыходное положеніе нашего семейства. — Еще несчастіе съ отцомъ.

Родился я хилымъ, слабымъ и капризнымъ. Меня всѣ баловали и ухаживали за мною, преимущественно же бабка Ѳедосья Яковлевна, такъ какъ мать моя Марья Матвѣевна постоянно была при занятіяхъ по хозяйству, а весною и лѣтомъ до осени, съ ранняго утра до поздней ночи, находилась въ полѣ при работахъ.

Помню, бабка мнѣ рассказывала, какъ я, будучи лѣтъ 2½—3, въ одну пятницу (день постный) началъ просить у ней блиновъ (житныхъ, другихъ не пекли), въ 6 или 7 час. вечера. „Бабушка! дай мнѣ блинковъ!“ — Дитятко, Устинушка, сегодня пятница, говорила бабушка, грѣхъ блины ѣсть. — Дай, хочу блиновъ! — Какіе теперь блины, Устинушка? блины пекутъ утромъ, а теперь скоро ночь. — Этотъ разговоръ происходилъ на улицѣ, и я получивъ отказъ отъ бабки, легъ на землю и началъ ревѣть, приговаривая: бабушка, хочу блиновъ!

Рядомъ съ нами жилъ священникъ и мой крестный отецъ І. Ѳ. Судаковъ.

Услышавъ мой плачъ, онъ подошелъ къ бабкѣ и спросилъ ее: „Ѳедосья Яковлевна! Что это у тебя крестникъ-то мой такъ плачетъ?“ — Да вотъ, батюшка, о. Иванъ, блиновъ просить, отвѣчала бабка, а какіе теперь блины — печь топилась рано утромъ, да сегодня и пятница. — Ну, чтожъ дѣлать! Испеки ему какънибудь — вѣдь не пойметъ! — сказалъ о. Іоаннъ. Бабка

что-то замѣсила въ большой желѣзной ложкѣ (поварешкѣ), которую всегда наливали щи и похлебку (слово супъ намъ было неизвѣстно), поставила ложку въ печь, въ горнъ („порскъ“), подержала мѣсиво въ печкѣ, вынула, дала мнѣ, я поѣлъ и успокоился — очень довольный.

Такъ проходила труженическая жизнь моихъ родителей, и среди таковой жизни Господь посѣтилъ отца сначала однимъ несчастіемъ: во время сѣнокоса отецъ укололъ сѣниной глазъ, отъ чего у него появилось на глазу бѣльмо и столь сильная боль, что отецъ нѣсколько недѣль принужденъ былъ сидѣть въ темной комнатѣ. Для лѣченія глаза употреблялось столь сильное лѣкарство, что съ отцомъ случались обмороки; по этой причинѣ онъ пересталъ пользоваться лѣкарствомъ, а въ глазу осталось маленькое бѣльмо до самой смерти отца.

Досужіе люди посовѣтовали отцу для поправленія зрѣнія нюхать табакъ. Отецъ началъ нюхать, а намъ — всѣмъ дѣтямъ своимъ — говорилъ: „лучше курите табакъ, а не нюхайте“.

Затѣмъ Господу Богу благоугодно было ниспослать новыя несчастія на нашу семью. Но прежде приключилось странное происшествіе.

Кто-то пріѣхалъ къ отцу въ телѣгѣ, поставилъ лошадь у воротъ и къ самымъ воротамъ, посрединѣ, бросилъ сѣно лошади; подворотни положено не было.

Лошадь начала ѣсть сѣно, часть котораго попадала и подъ ворота внутрь двора; на дворѣ находилась корова; увидавъ клочки сѣна, она подошла къ воротамъ, начала лизать языкомъ и доставать сѣно изъ подворотни и такъ далеко высунула свой языкъ, что лошадь вмѣстѣ съ сѣномъ откусила ей

положительно весь языкъ. Такъ корова и пропала, лишившись языка.

Отецъ мой, увидѣвъ это, со слезами пришелъ въ избу и сказалъ: „не къ добру, мать (такъ звалъ онъ жену), не къ добру, будетъ намъ какое нибудь большое горе!“

Дѣйствительно, на другой день, а именно 19-го Іюля 1838 года, наканунѣ храмового праздника Св. Пророка Божія Іліи, случился пожаръ въ селѣ Кушалинѣ.

Одна бобылка, жившая на краю села, затопила утромъ 19-го Іюля печь въ своей избѣ, а сама ушла на колодець за водою. Изба была черная, т. е. печь не имѣла трубы, а въ потолкѣ было большое отверстіе, черезъ которое проходилъ дымъ во время топки; надъ устьемъ печи, на подставкахъ положено было нѣсколько сучьевъ и тонкихъ дровъ для просушки.

Около колодца бобылка встрѣтила другихъ бабъ, пошелъ разговоръ за разговоромъ..., а извѣстна поговорка: гдѣ двѣ бабы сойдутся, тамъ торгъ, а гдѣ три—цѣлая ярмарка.

Когда бобылка вошла съ водою въ свою избу, загорѣлись уже дрова, положенныя надъ печью. Увидѣлъ это солдатъ Бѣжецкаго Уланскаго полка (полкъ проходилъ изъ Бѣжецка въ Тверь и ночевалъ въ Кушалинѣ) и хотѣлъ выбить оконную раму и взойти въ избу, но бобылка закричала: „не бей, не бей рамы! Рама-то новая. Обойди кругомъ!“ Пока солдатъ обѣгалъ избу кругомъ, подставки у дровъ подгорѣли, и всѣ дрова упали на шестокъ. Искры и огонь устремились вверхъ въ отверстіе, попали искры на крышу, крыша была соломенная, и моментально загорѣлось нѣсколько домовъ. Время было рабочее-страдное, и

весь народъ изъ села уже ушелъ, или уѣхалъ въ поле, въ домахъ оставались только старые и малые.

Погода стояла жаркая, подулъ сильный вѣтеръ, и огненное пламя распространилось чуть не на версту. О спасеніи чего либо изъ имущества нечего было и думать.

Сгорѣла старинная деревянная церковь во имя Св. Пророка Божія Іліи. Крыша на ней была изъ досокъ не пиленыхъ, а колотыхъ изъ цѣлыхъ бревенъ. Обгорѣлъ иконостасъ въ старинной каменной церкви во имя Смоленской Божіей Матери-Одигитріи, построенной въ 1593 году царемъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, сосланнымъ Борисомъ Годуновымъ въ Кушалино на заточеніе.

Колокола съ колокольни всѣ упали; малые растопились, и мѣдь ушла въ землю. Большой колоколъ въ 102 п. хотя упалъ, но остался цѣлъ. Благодаря усердію пономаря Арсенія Васильевича Николаевского и еще нѣсколькихъ лицъ, мѣстныя иконы изъ иконостаса были вынесены изъ церкви и спасены, хотя не всѣ.

Всего, въ весьма короткое время, приблизительно часа въ два, сгорѣло болѣе 100 дворовъ (всего въ селѣ было до 150 дворовъ), не считая холостыхъ построекъ. Уцѣлѣло отъ пожара не болѣе 40 дворовъ за рѣкою Кушалкою и то благодаря старанію солдатъ Уланскаго полка, проходившаго изъ Бѣжецка черезъ Кушалино въ Тверь и имѣвшаго тутъ дневку (суточную остановку). Солдаты пиками и другими орудіями раскидали мостъ черезъ рѣчку Кушалку и тѣмъ прекратили огонь. Трудно описать то бѣдствіе, которое претерпѣли въ то время жители села Кушалина.

Всѣ они готовились встрѣтить 20-го числа храмовой праздникъ, варили пиво, мыли избы, покупали

разные припасы и пр. и пр., и вотъ, пришлось все это и все имущество бросать кой куда. Боже мой, какой хаосъ представляло изъ себя село Кушалино! рѣчка Кушалка и вся окружная мѣстность: тутъ валялось разное платье, около котораго плакали дѣти, здѣсь въ рѣкѣ боченки и кадки съ пивомъ, которое текло по рѣкѣ, разнообразный скарбъ домашній, далѣе горять сараи, гумна, бани, видны вывезенныя телѣги со сломанными осями и наваленныя разнымъ хламомъ, и среди всего этого бѣгаютъ люди, какъ безумные, а нѣкоторые валялись въ рѣкѣ, чтобы остынуть отъ охватившаго ихъ жара.

Мнѣ было тогда 4 года, и не знаю, какъ очутился я на берегу рѣчки; передо мною въ рѣшетѣ были житные блины, и, сидя на какомъ-то платѣ, я смотрѣлъ и плакалъ. Не вдалекѣ отъ меня впереди горѣлъ хлѣбный амбаръ; по правую сторону у изгороди разставлены были Св. Иконы, вынесенныя изъ церквей, а по лѣвую горѣлъ рядъ домовъ и затѣмъ деревянная церковь во имя Св. Пророка Божія Іліи. Очень хорошо помню, какъ пламя разныхъ цвѣтовъ (краснаго, зеленаго), вѣроятно, отъ красокъ, которыми были окрашены главы церковныя, поднималось высоко, высоко; мнѣ стало и страшно и грустно, и я плакалъ, а около меня никого не было изъ домашнихъ; они спасали, что могли. Къ крайнему прискорбію, отца моего въ это время не было дома.

Рано утромъ 19-го Іюля онъ повезъ на своей лошади Благочиннаго въ село Славново за 14 верстъ. Возвращаясь назадъ, онъ встрѣтилъ одного крестьянина, который, остановивъ отца, сказалъ: „поѣзжай скорѣй домой, Михайло Ивановичъ! У тебя большое, большое горе! Домъ твой со всею стройкою до тла сгорѣлъ, да, говорятъ, и хозяйка-то твоя, тоже, сгорѣла!“

Выслушавъ такое печальное извѣстіе, отецъ мой погналъ лошадь и не помнитъ, какъ доѣхалъ до села.

Домъ отца стоялъ въ центрѣ села, близъ церкви, и отцу приходилось ѣхать до дома болѣе полуверсты.

Вѣхавъ въ село, онъ пришелъ въ ужасъ.

На мѣстѣ домовъ видны были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полуразвалившіяся печи, въ другихъ догорающія бревна, въ третьихъ одинъ горящій пепелъ, раздуваемый вѣтромъ; дорога по улицѣ была завалена горящими головнями; изрѣдка встрѣчался отцу народъ, бродившій около бывшихъ своихъ домовъ; женщины плакали.

Не безъ труда доѣхалъ отецъ до бывшего своего дома, и тутъ, вмѣсто дома, увидѣлъ развалившуюся печь, догорающія бревна и около нихъ бродившую безъ сознанія, въ одной рубашкѣ, мать мою Марію Матвѣевну.

Увидѣвъ ее, отецъ закричалъ: „мать! ты жива? ну, слава Богу, слава Богу!“ Началъ креститься и заплакалъ, произнося все: „слава Богу, слава Богу!“ а вѣдь мнѣ на дорогѣ сказали, что ты, мать, сгорѣла. „Ну, слава Богу, жива, жива!“

Вотъ когда настало, дѣйствительно, безвыходное положеніе отца съ семействомъ изъ семи человѣкъ.

Онъ лишился своего дома, благоустроеннаго еще дѣдомъ моимъ по матери, со всѣми постройками: гумномъ, сараемъ, амбаромъ и пр. и почти всего своего имущества, такъ какъ не находился дома, какъ сказано выше, О страхованіи дома и имущества тогда и понятія не имѣли. Не безъ слезъ вспоминаю объ этомъ и теперь, при писаніи этихъ строкъ!!

Наступала ночь, и нужно было искать пристанища. Отецъ пошелъ въ уцѣлѣвшую часть села и сталъ

просить у крестьянъ помѣщенія для себя съ семействомъ. Прихожане отца любили, и вотъ одинъ крестьянинъ Алексѣй Васильевичъ Говядинка, имѣвшій двѣ избы, а въ срединѣ ихъ свѣтелку съ однимъ итальянскимъ окномъ, уступилъ ее намъ для жительства. Не упомню, какъ мы въ ней размѣщались, но было еще лѣто, и, вѣроятно, всѣ спали въ разныхъ мѣстахъ.

Вставши утромъ, я, прежде всего, смотрѣлъ на мѣсто сгорѣвшаго дома, откуда нѣсколько дней шель дымъ отъ догоравшихъ головней и говорилъ матері: „маменька, маменька! изъ нашего дома то все дымъ идетъ.“ А она отвѣчала: „молись, дитятко, чтобы Господь Богъ послалъ намъ избу!“ И вотъ я встану на колѣнки и начну молиться: „пошли намъ, Господи, избу!! Создай намъ, Господь избу!“

Наступило 20-е Іюля—храмовой праздникъ св. пророка Божія Іліи, а служить было негдѣ. Церковный причтъ поставилъ на кольяхъ вынесенныя изъ церкви святыя иконы и отслужилъ часы и молебень пророку Божію Іліи. Многіе плакали.

Не находя никакого способа къ выходу изъ своего поистинѣ тяжелаго положенія, отецъ мой началъ разѣзжать по деревнямъ прихода и просить у зажиточныхъ прихожанъ дать ему, сколько могутъ, въ займы денегъ. При этомъ отецъ плакалъ, объясняя свое безвыходное положеніе, и кланялся земно.

Въ деревнѣ Вѣдновѣ, нашлись двое крестьянъ Иванъ Спиридоновъ и Терентій Васильевъ, которые сжалились надъ отцомъ и дали ему сколько то денегъ въ займы. За такое одолженіе эти лица были постоянными гостями у отца; во всѣ праздники приходили они, пили и ѣли, какъ дома. Конечно, деньги имъ отецъ уплачивалъ по частямъ.

Бабка моя по отцѣ, жившая у сына чиновника въ г. Кашинѣ, пріѣхала къ отцу, привезла сколько то денегъ и кое что изъ платья, а затѣмъ отправилась въ село Застолбье, гдѣ дѣдъ былъ священникомъ, къ помѣщикамъ Застолбскаго прихода, г.г. Трубниковымъ, съ просьбою оказать помощь ея сыну—моему отцу. Г.г. Трубниковы, помня службу дѣда и уважая бабу, какъ женщину умную, пожертвовали ей для отца свою баню.

Баню эту отецъ перевозилъ въ село Кушалино за 10 верстъ; надрубилъ нѣсколько вѣнцовъ (бревень) вверхъ, и составила изба.

До пожара домъ отца находился въ центрѣ села, близъ церкви, какъ бывшій домъ священническій и старинный, а послѣ пожара отцу отвели мѣсто для стройки около поля, на самомъ краю, гдѣ не было никакого строенія.

Отецъ и вся семья очень грустили объ этомъ, такъ какъ по цѣлымъ днямъ приходилось не видать ни одного человѣка.

Въ свою избу мы перешли около Покрова Пресв. Богородицы. При самомъ концѣ постройки съ отцемъ произошло курьезное и грустное приключеніе.

Когда крыли крышу на избѣ, отецъ, осмотрѣвъ работу, началъ слѣзать сверху избы по лѣстницѣ довольно высокой и крутой; на верхней ступенькѣ лѣстницы лежалъ плотничій большой, острый топоръ.

Когда отецъ вступилъ на послѣднюю ступеньку, топоръ съ верхней ступеньки упалъ на мягкую часть сѣдалища отца съ такою силою, что чуть не отрубилъ ягодку, какъ выражался отецъ, на прочъ. Кровь фонтаномъ потекла изъ раны, отецъ упалъ и былъ приведенъ въ домъ почти безъ чувствъ. Его уложили

въ постель, обвязали рану. Узнавъ о случившемся, пришелъ къ отцу священникъ І. Судаковъ.

„Что съ тобою, Михаилъ Ивановичъ?“ спрашивалъ священникъ.

„Охъ, батюшка о. Иванъ, смѣхъ и грѣхъ! Смѣхъ и грѣхъ!“ отвѣчалъ отецъ.

„Что, что,“ вновь спрашивалъ священникъ.

„Ягодку то самую чуть не на прочъ отрубило.“
Въ постели отецъ пролежалъ долго.

Глава третья.

Новая изба.—Зимнее освѣщеніе.—Спички.—Опредѣленіе времени по пѣтухамъ.—Поимка вора.—Паренье въ печи.—Часто ли отецъ пилъ чай?—Стѣсненія въ Великій постъ.—Говѣльщики.—Красна.—Мой другъ дѣтства И. А. Николаевскій.—Лаконство глиной.

Изба наша была не болѣе 8 аршинъ длиною и шириною; въ ней устроили палаты и сдѣлали изъ глины простую большую печь. Оконъ было три, но рамы были, по крайней мѣрѣ въ теченіи 25 лѣтъ, ординарныя, и зимою стекла во всю раму покрывались льдомъ не менѣе вершка, а къ низу и много болѣе, такъ что ничего не было видно, что дѣлается на улицѣ, да и солнце то было видно туманно. На ночь окна закрывались ставнями, но неплотно придѣланными къ рамамъ; все таки ледъ много оттаивалъ, и съ оконъ текли ручьи на полъ.

Любимымъ занятіемъ моимъ было сѣсть около окна, колотить ножикомъ ледъ и лизать (за что, впрочемъ, всегда бранили меня).

Кругомъ стѣнъ съ 2-хъ сторонъ были лавки: одна длинная, двѣ короткія.

Отъ печи до передней стѣны была устроена перегородка, и мѣсто это называлось чуланомъ.

Около перегородки, съ наружной стороны, стояла скамейка; въ переднемъ углу божница съ иконами и простой бѣлый столъ. Вотъ и все убранство нашего дома.

Изба была холодная; полъ ординарный со щелями; только и житья было на печкѣ и на палатахъ. Лежишь, лежишь на пѣчкѣ, вспотѣешь и начнешь

по брусу, на которомъ держались палаты, перебираться на палаты. Палаты были устроены почти въ уровень съ печкою, около нея и до самой стѣны. На палатахъ въ большіе холода ложилась и вся семья.

Отецъ или мать, когда видѣли меня перебирающимся по брусу на палаты, всегда со страхомъ кричали: „Устинушка, осторожнѣе, не упали!“ Богъ миловалъ, не падалъ.

Для освѣщенія употреблялась исключительно лучина сосновая и березовая.

Сосновая лучина давала много дыма и копоти, а отъ березовой хотя свѣтъ былъ и ярче, чѣмъ отъ сосновой, но дымъ былъ очень ѣдкій.

У передней стѣны около лавки, между оконъ, ставился свѣтецъ: толстый колъ, въ который сверху втыкался желѣзный пруть, развѣтвленный на три или четыре части, а по сторонамъ двѣ скобки съ отверстіями; въ пруть и скобки вставлялась зажженная лучина. Подъ свѣтцомъ ставилась лохань съ водою, куда падали уголья.

Изготовление лучины лежало на обязанности отца и производилось каждодневно довольно продолжительное время съ большимъ стукомъ. На его же обязанности было и наблюдать за свѣтцомъ, т. е. зажигать лучину и смотрѣть, чтобы она не упала, а бабка, мать, тетка моя (свояченица отцова) и сестры сидѣли за прялками, гребнями и пряли.

Огонь добывали (преимущественно отецъ) огнивомъ и кремнемъ. Сожигали тряпки, и изъ нихъ получался трутъ (пепелъ). Отъ удара кремнемъ по огниву получались искры, падающія на трутъ.

Въ искру втыкали спичку. Спички изготовлялись дома. Предварительно приготавливали лучинки — тоненькія, длиною вершка $2\frac{1}{2}$, потомъ разогрѣвали

на огнѣ горючую сѣру и въ нее обмакивали лучинки. Этимъ тоже большею частію занимался отецъ. Вывало, мать говоритъ ему: „Михаилъ Ивановичъ! нѣтъ ни одной спички. Насѣрь спичекъ!“

Появленіе въ продажѣ спичекъ очень обрадовало отца. Онъ говорилъ: „вотъ хорошая выдумка! Для всѣхъ хорошо, теперь и ворами житье; чиркнулъ спичку, вездѣ осмотри и дѣлай, что хочешь!“

Часовъ у насъ не было. Время опредѣлялось по пѣнію пѣтуховъ.

Первое пѣніе пѣтуха считалось въ полночь; второе около двухъ часовъ по полуночи, третье около трехъ часовъ, затѣмъ слѣдовало довольно частое пѣніе пѣтуховъ, что означало приближеніе свѣта.

Отецъ обыкновенно вставалъ раньше всѣхъ и начиналъ будить мать, свояченицу: „вставайте! пѣтухи часто, часто поютъ, скоро свѣтъ!“ Если никто не вставалъ, отецъ повторялъ: „мать, Марья, Анна, Ольга, Катя, Федосья Яковлевна, вставайте всѣ, пѣтухи блажью поютъ!! Совсѣмъ свѣтъ!“

„Мать затопляй печку, да испеки Устинущкѣ блинчиковъ, давно не пекла!“ говоритъ отецъ.

„Ладно, ладно, испеку, Михаилъ Иванычъ, не беспокойся!“ отвѣчаетъ мать.

Услышавъ такой разговоръ, и я встаю съ палатей и бѣгу къ матери; печка уже начинаетъ топиться.

„Маменька, маменька! посади меня на шесточекъ (около самага устья печи съ правой или лѣвой стороны) и испеки блинчочекъ!“ Мать беретъ меня, сажаетъ на шестокъ, и я, поджавши ноги, сижу и съ нетерпѣніемъ жду, когда маменька нальетъ на сковороду блинный растворъ; вотъ налила..,

„Маменька, скоро ли! скоро ли поспѣеть?“—Сію минуту, дитятко.—Вотъ поспѣлъ блинъ! мать снимаетъ его со сковороды и кладетъ на единственную уцѣлѣвшую отъ пожара оловянную тарелку, поставленную мнѣ въ колѣни, мажетъ блинъ гусинымъ саломъ (отецъ всегда держалъ гусей, о чемъ будетъ сказано ниже), и я ѣмъ. Сколько было радости сидѣть на шесткѣ, видѣть, какъ пекутся блины, и ѣсть! Трудно описать! Поѣвши блиновъ, опять отправляюсь на печь, съ печи — на палаты.

Отецъ очень любилъ гусей и постоянно ихъ разводилъ. „Люблю,“ говорилъ онъ, „гусей; они хорошіе сторожа и красивая птица; выйдешь ночью на дворъ, кашлянешь, а они всѣ закричатъ: га, га, га, га, га, га,—сердце радуется!“

И дѣйствительно, гуси доказали отцу, что они хорошіе сторожа. Черезъ нихъ онъ изловилъ вора. Дѣло было такъ: 13-го Сентября, года не упомню, отецъ услышалъ послѣ полуночи на дворѣ громкій крикъ гусей. Выбѣжавъ моментально на дворъ съ зажженною лучиной, онъ увидѣлъ бѣгающихъ овецъ по двору въ какомъ то безпокойствѣ, а гуси продолжали кричать. При дальнѣйшемъ осмотрѣ, отецъ увидѣлъ, что заднія ворота отворены; на сѣнницѣ было развѣшано для сушки бѣлье, его не оказалось; не оказалось также и одной овцы. Тогда отецъ, пришедши въ избу, разбудилъ всѣхъ и сказалъ: „у насъ не ладно! Воры были.“ Обращаясь къ матери, отецъ прибавилъ: „пойдемъ, мать, ловить вора, сряжайся, а я пока схожу къ пономарю Арсенію Васильевичу Николаевскому и попрошу его отправить заутреню вмѣсто меня“ (14-го праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста Господня). Упросивъ Арсенья Васильевича отправить службу, отецъ опять сталъ звать

мать пойти ловить вора. Сколько мать ни отказывалась, отецъ настоялъ на своемъ, и они отправились по направленію къ деревнѣ Бухоловой по единственной дорогѣ, идущей отъ нашей избы. Было темно и холодно, но это не смущало отца, только мать говорила, что ей холодно и напрасно они идутъ.

Отошедши отъ избы около версты, они подошли къ кустарнику, растущему на самой дорогѣ; въ кустарникѣ было болото. Проѣзжающіе объѣзжали это мѣсто. Но отецъ и мать слышатъ, что кто то въ болотѣ кричитъ на лошадей: „ну, ну!“ Подошедши ближе на крикъ, они едва разглядѣли, что въ болотѣ стоятъ три лошади, запряженные въ большую телѣгу; въ телѣгѣ чего то много лежитъ, и что то какъ будто шевелится, а впереди сидитъ человѣкъ, кричитъ на лошадей и бьетъ ихъ кнутомъ. Отецъ шепчетъ матери: „это непременно и есть самый воръ, близко подходить къ нему нельзя, убьетъ; ты иди домой, а я побѣгу въ дер. Бухолово и позову народъ—помочь мнѣ.“ Мать возвратилась домой, а отецъ побѣжалъ въ деревню, до которой было еще около версты.

Прибѣжавъ въ деревню, отецъ началъ стучать въ окна къ нѣкоторымъ крестьянамъ и кричать: „воръ ѣдетъ, помогите поймать вора!“ Нѣсколько человѣкъ выбѣжали на улицу. Увидавъ отца, они спрашивали: „что, случилось, Михаилъ Ивановичъ?“ — „Воръ, воръ меня обокралъ, ѣдетъ сюда.“ Не успѣлъ отецъ сказать это, какъ въ деревню въѣхала тройка лошадей и быстро покатила по улицѣ; крестьяне и отецъ погнались за лошадьми, но догнать не могли. Около Бухолова протекала рѣка Кушалка, а на другой сторонѣ была расположена дер. Русиново, и дорога лежала въ г. Тверь. Черезъ рѣку выше д. Бу-

„Маменька, скоро ли! скоро ли поспѣетъ?“— Сію минуту, дитятко.— Вотъ поспѣлъ блинъ! мать снимаетъ его со сковороды и кладетъ на единственную уцѣлѣвшую отъ пожара оловянную тарелку, поставленную мнѣ въ колѣни, мажетъ блинъ гусинымъ саломъ (отецъ всегда держалъ гусей, о чемъ будетъ сказано ниже), и я ѣмъ. Сколько было радости сидѣть на шесткѣ, видѣть, какъ пекутся блины, и ѣсть! Трудно описать! Поѣвши блиновъ, опять отправляюсь на печь, съ печи — на палаты.

Отецъ очень любилъ гусей и постоянно ихъ разводилъ. „Люблю,“ говорилъ онъ, „гусей; они хорошіе сторожа и красивая птица; выйдешь ночью на дворъ, кашлянешь, а они всѣ закричатъ: га, га, га, га, га, га,—сердце радуется!“

И дѣйствительно, гуси доказали отцу, что они хорошіе сторожа. Черезъ нихъ онъ изловилъ вора. Дѣло было такъ: 13-го Сентября, года не упомяну, отецъ услышалъ послѣ полуночи на дворѣ громкій крикъ гусей. Выбѣжавъ моментально на дворъ съ зажженною лучиной, онъ увидѣлъ бѣгающихъ овецъ по двору въ какомъ то безпокойствѣ, а гуси продолжали кричать. При дальнѣйшемъ осмотрѣ, отецъ увидѣлъ, что заднія ворота отворены; на сѣнницѣ было развѣшано для сушки бѣлье, его не оказалось; не оказалось также и одной овцы. Тогда отецъ, пришедши въ избу, разбудилъ всѣхъ и сказалъ: „у насъ не ладно! Воры были.“ Обращаясь къ матери, отецъ прибавилъ: „пойдемъ, мать, ловить вора, сряжайся, а я пока схожу къ пономарю Арсенію Васильевичу Николаевскому и попрошу его отправить завтра въ мѣсто меня“ (14-го праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста Господня). Упросивъ Арсенія Васильевича отправить службу, отецъ опять сталъ звать

мать пойти ловить вора: Сколько мать ни отказывалась, отецъ настоялъ на своемъ, и они отправились по направленію къ деревнѣ Бухоловой по единственной дорогѣ, идущей отъ нашей избы. Было темно и холодно, но это не смущало отца, только мать говорила, что ей холодно и напрасно они идутъ.

Отошедши отъ избы около версты, они подошли къ кустарнику, растущему на самой дорогѣ; въ кустарникѣ было болото. Проѣзжающіе объѣзжали это мѣсто. Но отецъ и мать слышатъ, что кто то въ болотѣ кричитъ на лошадей: „ну, ну!“ Подошедши ближе на крикъ, они едва разглядѣли, что въ болотѣ стоятъ три лошади, запряженные въ большую телѣгу; въ телѣгѣ чего то много лежитъ, и что то какъ будто шевелится, а впереди сидитъ человѣкъ, кричитъ на лошадей и бьетъ ихъ кнутомъ. Отецъ шепчетъ матери: „это непременно и есть самый воръ, близко подходить къ нему нельзя, убьетъ; ты иди домой, а я побѣгу въ дер. Бухолово и позову народъ—помочь мнѣ.“ Мать возвратилась домой, а отецъ побѣжалъ въ деревню, до которой было еще около версты.

Прибѣжавъ въ деревню, отецъ началъ стучать въ окна къ нѣкоторымъ крестьянамъ и кричать: „воръ ѣдетъ, помогите поймать вора!“ Нѣсколько человѣкъ выбѣжали на улицу. Увидавъ отца, они спрашивали: „что, случилось, Михаилъ Ивановичъ?“ — „Воръ, воръ меня обокралъ, ѣдетъ сюда.“ Не успѣлъ отецъ сказать это, какъ въ деревню въѣхала тройка лошадей и быстро покатила по улицѣ; крестьяне и отецъ погнались за лошадьми, но догнать не могли. Около Бухолова протекала рѣка Кушалка, а на другой сторонѣ была расположена дер. Русиново, и дорога лежала въ г. Тверь. Черезъ рѣку выше д. Бу-

холова находился мостъ, а ниже Бухолова—клады для пѣшеходовъ въ дер. Русиново. Когда тройка покатила на мостъ, крестьяне съ отцомъ побѣжали въ другую сторону къ кладямъ и, пробѣжавъ по нимъ въ Русиново, встрѣтили вора у воротъ въ поле. Ворота были затворены; воръ, спрыгнувъ съ телѣги, началъ отворять ворота, спрашивая при этомъ подоспѣвшій къ нему народъ: „гдѣ дорога въ Тверь?“ Народъ отвѣчалъ: „дорога здѣсь, а это что у тебя въ телѣгѣ за овца, что за бѣлье, а эти вещи?“ и, обращаясь къ отцу, сказали: „да у него, Михаилъ Ивановичъ, очень, очень много въ телѣгѣ вещей.“ Услышавъ шумъ на улицѣ, крестьяне дер. Русиново побѣжали къ телѣгѣ и, увидѣвъ вора, схватили его и начали бить, но отецъ удержалъ ихъ, сказавъ: „братцы, бить нельзя—большой грѣхъ, да и предъ судомъ отвѣчать будете!“

Тогда крестьяне дер. Бухолова, человѣка 4, сказали отцу: „сидись, Михаилъ Ивановичъ, поѣдемъ, а воръ можетъ и добѣжать до села.“ Съ этими словами они привязали его къ оглоблѣ и поѣхали, Отецъ опять просилъ посадить вора, но его не послушали.

По приѣздѣ къ нашей избѣ, крестьяне связали вора и ввели въ избу. Вся семья наша страшно испугалась при видѣ вора. Воръ, просилъ пустить его на печку погрѣться.

Отецъ сказалъ: „ступай, погрѣйся!“ и воръ дегъ на печку, а крестьяне поѣхали откладывать лошадей и выбирать изъ телѣги. И чего, чего не было въ ней: тутъ были хомуты, шлеи, сѣделки, уздечки, бѣлье, овца, украденная у отца, масло коровье, мясо, коробка, холстъ и пр.

Въ церкви въ это время происходила служба—утреня, такъ какъ былъ праздникъ Воздвиженія Креста Господня.

Кто-то пришелъ въ церковь и шепнулъ на ухо другому: „Михайлъ Ивановичъ поймалъ вора, который теперь лежитъ на печкѣ у Михаила Ивановича“. Этотъ шепотомъ передалъ третьему—третій четвертому и т. д. Всякій, кто узнавалъ о такомъ происшествіи, поспѣшно выходилъ изъ церкви, направляясь къ нашей избѣ и входя въ нее. Скоро въ церкви оставалось уже мало народа, а къ концу утрени не было почти никого.

Все, бывшіе въ церкви, пошли не въ свои дома, а въ избу къ отцу, и моментально наполнилась народомъ не только наша изба, но и сѣни, дворъ; лѣстницу испортили; надо удивляться, какъ еще не обломился полъ въ избѣ отъ такого наплыва народа. Многіе стояли на улицѣ, нѣкоторые подставляли дрова и лѣзли въ окна, хватаясь за наличники, которые оборвали вмѣстѣ со ставнями. Такъ велико было у всѣхъ желаніе видѣть вора. Отца замучили вопросами: „какъ это ты, Михайлъ Ивановичъ, изловилъ вора? медаль тебѣ надо дать за поимку вора и за труды!“ Отецъ отвѣчалъ: „праздникъ Господень подуталъ его. Моя овца довела молодца до конца!“

Бабы, не могли видѣть вора, ужасно тѣснились и спрашивали одна у другой: „гдѣ воръ-то, укажи?“ —развѣ не видишь, вонъ іонъ на печи то лежитъ?— „Гдѣ, гдѣ?—да вона!—“, А, а, топерича вижу. Да, іонъ такой же человекъ!“—А ты што думала?

Послѣ любопытныхъ начали приходять лица, потерпѣвшія отъ вора, спрашивая и отыскивая свои вещи. Между таковыми лицами явился и одинъ причетникъ Бѣжецкаго уѣзда, везшій сына въ семинарію. У причетника воръ укралъ лошадь и всю провизію, которую бѣдный причетникъ везъ для своего сына: мясо, масло, сметану, творогъ, муку, а также

и коробку, наполненную латинскими склоненіями и греческими спряженіями. Лошадь и всѣ свои вещи причетникъ получилъ въ цѣлости и очень благодарилъ отца. Явились хозяева и другихъ лошадей и разнаго имущества и также получили все сполна съ благодарностью отцу.

Наконецъ, разошлись всѣ. Воръ, оставшись одинъ, попросилъ отца развязать его и выпустить во дворъ... *exeundi foras...*

Отецъ отпустилъ его и чрезъ нѣсколько минутъ вспомнилъ, что воръ что то долго обратно не возвращается. Выбѣжалъ отецъ на дворъ и увидѣлъ, что воръ отвязываетъ веревочку у двери калитки на улицу, съ цѣлю убѣжать... Отецъ закричалъ на вора: „ты что тутъ дѣлаешь, а?“ не хорошо, не хорошо, вернись обратно, а то я сейчасъ закричу караулъ, явятся мужички, тебя свяжутъ, а прежде жестоко побьютъ“. Воръ послушался отца и сталъ кланяться и просить: „отпусти меня, Михайлъ Ивановичъ, вотъ тебѣ два золотыхъ“. Отецъ на него: „что ты, что ты говоришь неладно, развѣ можно?“ Воръ настаивалъ: „возьми три, четыре золотыхъ, только отпусти!“ отецъ ему: „Христось съ тобой! Ни за какія сокровища не соглашусь тебя отпустить“. Такъ какъ отцу нужно было идти къ обѣднѣ, онъ попросилъ на это время прислать караульныхъ. Старшина прислалъ двоихъ...

Послѣ обѣдни отецъ напоилъ и накормилъ вора и сказалъ: „ну, прости меня, не сердись, не я виноватъ, праздникъ Господень попуталъ тебя“. Приѣхала подвода, вора связали, посадили въ телегу и уложили вещи, оставшіяся неразобранными хозяевами. Отецъ опять повторилъ: „прощай, братъ, не сердись на меня.“ Воръ отвѣтилъ: „нѣтъ, нѣтъ, Михайлъ Ивановичъ, ты добрый и хорошій человекъ!“ Вора повезли въ станъ;

онъ оказался крестьяниномъ Корчевскаго уѣзда, Горицкой волости, по фамиліи Жигаренко, извѣстный всей той сторонѣ рецидивистъ, бѣжавшій изъ Сибири.

Когда въ избѣ нашей было очень холодно, отецъ приносилъ изъ села, гдѣ изготовлялись берда для тканья холста, березовыя стружки, раскладывалъ ихъ въ подпольѣ кучками и зажигалъ. Я очень любилъ въ это время быть съ отцемъ. Тутъ же и смотрѣть на эту затѣю отца.

Большая русская, глиняная печь въ избѣ служила не только для тепла и варки пищи, но была вмѣстѣ и банею. Почти каждый день въ ней кто нибудь парился.

Обыкновенно утромъ кто либо изъ членовъ семьи заявлялъ, что ему сегодня что то нездоровится: или грудь болитъ, или животъ, или поясница. Да по правдѣ сказать, послѣ пожара всѣ были больными на всю жизнь. И вотъ предъ вечеромъ желающій париться по болѣзни просилъ мать убрать въ печи. Это значило вынуть изъ печи все, что стояло тамъ изъ пищи, оставивъ одну горячую воду. Приносили два снопа ржаной соломы и вѣникъ.

Солома постилалась на подъ въ печи, и желающій или желающая (чаще) влѣзали въ печь; подавали имъ шайку и вѣникъ. Печь прикрывали заслономъ, и происходило паренье.

Послѣ пара иногда пили звѣробой, вскипяченнйй заранѣе въ котлѣ, или солодковый корень, и покупалось на пять (1½) копеекъ меду.

Самовара въ домъ не было.

Чая и сахара не покупалось, такъ что, когда отецъ пріѣхалъ въ г. Кашинъ къ своему старшему брату Андрею Ивановичу, и тотъ спросилъ его: а часто ли, братъ, чай-то пьешь? Отецъ отвѣчалъ: часто, братъ, пью, часто, каждый годъ!! каждый годъ!!!

Вообще пища была суровая: щи изъ сѣрой капусты, изрѣдка мясная, затѣмъ картофель, который крестьяне прозвали вездѣсущимъ, въ мундирѣ (нечищенный), или очищенный, приправленный постнымъ масломъ, иногда гусинымъ саломъ и даже жареный. Иногда житная (ячменная) каша и, въ видѣ лакомства, прѣсное молоко, чаще съ творогомъ.

Въ среду и пятницу строго соблюдался постъ, а о продолжительныхъ постахъ и говорить нечего; пищею тогда служили: квасъ, бѣлая кислая капуста (не всегда), рѣдка, щи съ приправою изъ коноплянаго масла, вмѣсто постнаго масла и лука, картофель, только въ мундирѣ. Изрѣдка горохъ—безъ масла, гороховый кисель и овсяный кисель.

Съ наступленіемъ великаго поста, опять приходилось переносить разныя стѣсненія въ жизни.

Въ пятницу на первой недѣлѣ поста, часовъ въ 8 утра, обыкновенно приходили къ намъ изъ разныхъ деревень говѣльщики, человѣкъ до 17, заявляя при этомъ: „мы къ цѣе (тебѣ), Михайло Иванычъ: я баю, у цѣя попросце,“ такъ говорили крестьяне дер. Вѣднова—народъ видный, здоровый (польскіе ли выходцы, или корелы, — хорошенько не знаю). Разговоръ ихъ всегда былъ такой: „я баю, ты баешь, а ты глядитко.“ Если что хорошее говорилъ одинъ, другой отвѣчалъ: „ты бай, сколь на свѣтѣ не худенько ли!“ Отецъ отвѣчалъ имъ: „тѣсненько у меня, да въ тѣснотѣ не въ обидѣ, Богъ дастъ, какъ нибудь размѣстимся.“

Затѣмъ всѣ говѣльщики, оставивъ у насъ въ избѣ свой хлѣбъ, отправлялись къ преждеосвященной обѣднѣ.

Послѣ обѣдни они возвращались въ нашу избу, и мать моя устраивала имъ обѣдъ; сначала приносила рѣдку и заставляла кого либо тереть ее, потомъ

приносила капусту, квасъ, лукъ и въ заключеніе наливала въ большія чашки щи изъ сѣрой капусты, приправленные мукою и лукомъ, но безъ масла.

Отобѣдавши, нѣкоторые говѣльщики отправлялись на печку, большая часть — на палаты, остальные размѣщались на лавкахъ, сидя.

Черезъ нѣсколько времени они уходили въ церковь исповѣдываться. Приблизительно около 5 часовъ по полудни начинался звонъ къ вечернѣ, а послѣ вечерни читалось говѣльщикамъ правило, что продолжалось около 3-хъ часовъ.

Пользуясь уходомъ говѣльщиковъ въ церковь, мы, обыкновенно, садились за столъ поужинать, а послѣ ужина мать придумывала, кому изъ насъ и гдѣ лечь на ночь: кому оставляла мѣстечко на печкѣ, а кому въ чуланѣ за перегородкою, на лавкѣ и на полу.

Около 8 часовъ вечера говѣльщики возвращались изъ церкви къ намъ, и тотчасъ начинались хлопоты по размѣщенію ихъ на ночь.

Отецъ приносилъ нѣсколько сноповъ ржаной соломѣ, и говѣльщики разстилали солому по всему полу избы и укладывались. Палаты также были въ ихъ полномъ распоряженіи, а также часть печи для стариковъ или старухъ. И вотъ вся изба наполнилась простонароднымъ людомъ, который началъ и храпѣть и кашлять, а воздухъ въ избѣ началъ сгущаться и наполняться самымъ разнообразнымъ запахомъ и отъ испареній человѣческихъ, и отъ ихъ одежды, бѣлья, обуви, иногда намазанной дегтемъ, и отъ ихъ портянокъ (анучъ), и къ полуночи уже тяжело было дышать. Часа въ 4 утра говѣльщики вставали, умывались, одѣвались и уходили въ церковь къ утрени, а затѣмъ и къ обѣднѣ. Послѣ этого большая часть

говѣльщиковъ уходила домой, а нѣкоторые оставались и на воскресенье.

Такое нашествіе говѣльщиковъ происходило во всѣ пятницы великаго поста, а на страстной недѣлѣ, начиная съ Четверга, и еще въ большемъ числѣ, до самаго Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Къ большому стѣсненію жизни въ описанной избѣ еще служилитакъ называемыя красна для тканья холста.

Со второй недѣли великаго поста ставили въ избѣ станъ, занимавшій почти четвертую часть всего жилья, для тканья холста, и устраивали такъ называемыя красна, т. е. самую пряжу, предназначенную для тканья; вставлялось бердо; пряжа, или нитки предварительно наматывались на такъ называемыя цѣвки; эти цѣвки вставлялись въ челнокъ; наматываніе цѣвокъ производилось на особыхъ скалкахъ съ шумомъ, но этотъ шумъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ стукомъ, какой получался отъ закрѣпленія каждой нитки послѣ пропуска ея челнокомъ въ изготовляемый холстъ; внизу изготовляемаго холста привязывались двѣ деревянныя подножки, и ткачиха, пропустивъ челнокъ сквозь ткущіеся ею холстъ, нажимала ногою попеременно подножку, а рукою хваталась за бердо и сильно ударяла по холсту, отъ чего дрожалъ полъ и переборка. Работа эта, а слѣдовательно и почти непрерывный стукъ продолжались отъ восхода солнца до заката. Хорошая ткачиха могла соткать въ день до 7 аршинъ холста. Нужна была особая привычка, чтобы равнодушно переносить такой стукъ.

Почти насупротивъ насъ былъ домъ (такая же изба, какъ и наша) пономаря Арсенія Васильевича Николаевского. У него была жена Анна Васильевна, очень умная женщина. Къ ней обращались многіе за совѣтомъ. У нихъ было три дочери и три сына.

Хотя Арсеній Васильевичъ умеръ и не старымъ, но Богъ благословилъ ихъ семейство. Всѣ три сына, Иванъ, Василій и Андрей, получили образованіе, всѣ были чиновниками и первые двое достигли генеральскаго чина (Василій А. живъ и до сего времени).

Старшій сынъ А. В., Иванъ Арсеньевичъ былъ мнѣ ровестникомъ; въ одинъ день начали мы съ нимъ ходить и съ тѣхъ поръ до самой его смерти были самыми искренними друзьями.

Помню, какъ въ первую зиму послѣ пожара Ваня почти каждый день приходилъ къ намъ, и первымъ занятіемъ нашимъ было влѣзть на печь, отломить отъ задней стѣны по куску глины и ѣсть. На другой день я отправлялся къ Ванѣ, и мы также влѣзали на печь и доставали глину, но такъ какъ ихъ печь была устроена изъ кирпича, то глина, находящаяся въ смазкѣ кирпичей, была хуже достоинствомъ, и Ваня, бывало, говорилъ: „Устинушка, у васъ лучше глина. Пойдемъ ѣсть ее къ вамъ.“ — Ъли мы глину года два. До 8-ми лѣтняго возраста ходили мы оба въ бѣлыхъ холщевыхъ, длинныхъ рубашкахъ безъ кальсонъ (портковъ), подпоясывались поясомъ. Припоминаю также, что родители наши намъ говорили, чтобы ночью не задерживать мочи, а ходить въ ведерочку, иначе можетъ случиться каменная болѣзнь. И вотъ однажды, когда я съ Ваней ходилъ лѣтомъ около рѣчки Кушалки по большой травѣ и осока, поднявши рубашки, вдругъ Ваня чуть не со слезами говоритъ: „Устинушка! у меня приключилась каменная болѣзнь!“ Я ему говорю: „и у меня тоже!“ Но, когда вышли изъ осоки и опустили рубашки, каменная болѣзнь прошла немедленно, и мы успокоились.

Глава четвертая.

Обученіе грамотѣ. — Слоги двойные и тройные. — Слова подѣтитлами. — Знаки надстрочные и строчные. — Часовникъ и псалтырь. — Обученіе письму. — Хожденіе въ церковь. — Твердое усвоеніе славянскаго языка.

Въ 1841 году, на 7-мъ году отъ моего рожденія, отецъ началъ учить меня грамотѣ вмѣстѣ съ сестрою Катей.

Предварительно въ одинъ изъ воскресныхъ дней отецъ взялъ меня и сестру Катю въ церковь, гдѣ по окончаніи обѣдни священникъ о. Іоаннъ Судаковъ, мой крестный отецъ, по просьбѣ родителя моего, отслужилъ намъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ.

По окончаніи молебна о. Іоаннъ далъ мнѣ прощору и сказалъ: „учись, крестникъ, хорошенько, будь бакалавромъ!“

Значенія этого слова я не понималъ. Спросилъ отца, и онъ могъ только сказать, что это самый лучший ученикъ въ Академіи.

На другой день отецъ сказалъ: „ну, дѣтushки, давайте помолимся Господу Богу, чтобы Онъ далъ вамъ разумъ и понятіе въ ученіи, молись, мать и ты.“ Помолившись, отецъ велѣлъ намъ сѣсть за столъ, принесъ церковную азбуку, имѣвшую заглавіе: „начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго писанія.“

Указавъ на буквы славянскія, отецъ объяснилъ мнѣ и Катѣ, что изъ этихъ буквъ составляются слоги, затѣмъ слова, а изъ словъ составляются всѣ книги.

Неполнѣ уразумѣлъ я это.

Далѣе отецъ далъ намъ въ руки указки, сдѣланныя изъ лучины, и, открывъ азбуку, сказалъ:

„Ну, говорите за мною: *азъ*,“ показывая при этомъ моею указкою на первую букву; я и Катя безсмысленно повторили: *азъ*; указывая на 2-ю букву, отецъ сказалъ: говорите за мною: *буки*, мы повторили: *буки*, опять ничего не понимая; отецъ продолжалъ: говорите: *вѣди*,“ указывая при этомъ на 3-ю букву, мы повторили *вѣди*, далѣе отецъ показывая на 4-ю букву, сказалъ: это *глаголь*, говорите со мною: *глаголь*; мы повторили.

Тогда отецъ сказалъ: „ну, на первый разъ довольно. Начнемъ сначала: повторяйте за мною: *азъ*, *буки*, *вѣди*, *глаголь*. Вотъ и выучите сегодня эти буквы. Завтра пойдемъ далѣе.“

На другой день, усадивъ насъ за столъ, отецъ спросилъ, не забыли ли мы вчерашнія буквы. „Повторите!“ Мы повторили. Тогда отецъ сказалъ: „теперь я вамъ буду показывать далѣе,“ и показалъ намъ еще нѣсколько буквъ.

Въ теченіи 8—10 дней мы заучили всѣ буквы и приступили къ изученію слоговъ сначала двойныхъ (двухбуквенныхъ), выговаривая: *буки*, *азъ ба—ба*; *вѣди*, *азъ ва—ва*; *глаголь*, *азъ га—га*; *добро*, *азъ да—да* и т. д.; потомъ изучали тройные слоги такимъ образомъ: *буки*, *арцы*, *азъ ра—бра*; *вѣди*, *арцы*, *азъ ра—вра*; *глаголь*, *арцы*, *азъ ра—гра*; *добро*, *арцы*, *азъ ра—дра* и т. далѣе.

Изучивъ тройные слоги, начали изучать названіе буквъ по складамъ, такимъ образомъ:

А. *Азъ*, земля, ерь-съ—*Азъ*.

Б. *Буки*, укѣ, бу-бу, како, иже, ки-ки—*Буки*.

Г. *Глаголь*, люди, азъ, ла-гла, глаголь, онъ, го-го, люди, ерь—*Глаголь*.

Ж. *Живѣти*, иже, жи-жи, вѣди, ять, вѣ-вѣ, твердо, иже, ти-ти—*Живети*.

Ф. Фертъ, есть, фе-фе, арцы, твердо, ерь—
Фертъ.

Х. Херъ, есть, хе-хе, арцы, ерь—*Херъ* и т. д.

Послѣ изученія названія буквъ по складамъ, отецъ сказалъ, что теперь намъ надо выучить слова подъ титлами, что довольно мудрено, и началъ показывать и объяснять титла на буквѣ:

Азъ: Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій, Апостолъ, Апостольскій.

Буки: Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ, благодать, Богоблагодатель.

Вѣди: Владыка, Владычица, владычество, воскресеніе и такъ далѣе по порядку буквъ.

Слово: Святъ, Священникъ, Солнце, сердце, страсть, смерть, Святитель.

Цы: Царь, царица, церковь, царство, царскій.

На изученіе словъ подъ титлами, дѣйствительно, было употреблено много времени, и необходима была большая память, чтобы запомнить и изучить такіа слова.

Въ заключеніе пришлось еще познакомиться съ знаками надстрочными и строчными.

Названіе этихъ знаковъ меня много смѣшило, и хотя отецъ и говорилъ, что эти знаки можно и не учить, тѣмъ не менѣе я постарался выучить ихъ, вотъ они:

1) оксія	12) глаголь-титло Ѧ
2) iso	13) добро-титло Ѧ
3) варіа	14) онъ-титло Ѧ
4) камора	15) рцы-титло Ѧ
5) краткая	16) запятая ,
6) звательцо Ѧ	17) двоеточіе :
7) апострофъ ^	18) точка

8) кавыка	19) вопросительный . . ;
9) ерокъ	20) удивительный . . !
10) титло	Бѣ 21) вмѣстительный . . (.)
11) слово-титло . . .	Гѣ

Окончивъ и изучивъ всю эту азбучную премудрость, я съ Катей началъ читать помѣщенные въ азбукѣ утреннія и вечернія молитвы, затѣмъ сокращенный катехизисъ, составленный простымъ, понятнымъ слогомъ, кратко и ясно.

Въ той же азбукѣ помѣщены были гражданскимъ шрифтомъ (или печатью, какъ тогда называли) священные изрѣченія, начинающіеся словами: „буди благочестивъ, уповай на Бога и люби Его всѣмъ сердцемъ.“

Послѣ азбуки отецъ далъ намъ для изученія „Часословъ.“ Потомъ онъ привезъ намъ изъ города Кашина отъ своего брата другой Часословъ съ киноварью, и тутъ вышло большое недоумѣніе: кому дать новый часовникъ мнѣ, или Катѣ, а очень хотѣлось обоимъ имѣть новый часовникъ.

Я просилъ часовникъ себѣ, Катя себѣ, оба плакали. Наконецъ, мать и отецъ стали просить меня, чтобы я уступилъ часовникъ Катѣ, такъ какъ она бережливѣе меня и аккуратнѣе.

Послѣ усиленной общей просьбы я не безъ горести отдалъ часовникъ Катѣ, очень обрадовавшейся.

Для дальнѣйшаго образованія необходимо было изученіе и псалтиря.

Въ одно утро отецъ принесъ псалтирь и сказалъ намъ: „помолитесь Господу Богу, дѣтушки, съ сегодняшняго дня вы будете учить псалтирь.“

Послѣ молитвы, мы сѣли за столъ, отецъ, открывъ псалтирь, показалъ намъ на первой страницѣ

изображеніе Св. Царя Давида съ перомъ въ рукѣ и сказалъ:

„Это Святой Царь Давидъ, онъ самъ и написалъ Псалтирь, перекреститесь и поцѣлуйте его.“ Я очень удивился, что Царь Давидъ могъ написать такой большой псалтирь. Мы поцѣлювали изображеніе Св. Царя Давида. Отецъ сказалъ: „теперь читайте первый псаломъ.“ Мы перекрестились и начали читать: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста и на сѣдалищѣ губителей не сѣде“ и т. д. Прочитали весь псаломъ два раза. Отецъ сказалъ: „ну, довольно на первый разъ, перекреститесь, закройте псалтирь и садитесь ѣсть горячій картофель.“

Съ этого дня мы каждый день учили псалтирь. Сестра Катя лучше меня училась и болѣе старалась, но на нее обращали менѣе вниманія, отецъ и мать говорили: „тебѣ, Катя, не въ школу идти.“...

Кромѣ умѣнія читать, для поступленія въ училище необходимо было научиться нѣсколько и писать.

Отецъ боялся меня учить писать, говоря, что у него почеркъ старинный, но дѣлать было нечего: кромѣ него, некого было просить.

Сшилъ мнѣ отецъ тетрадь изъ синей бумаги, очинилъ гусиное перо и заставилъ писать палки //, потомъ малыя буквы: а, б, в и т. д.; черезъ нѣкоторое время принесъ прописъ и велѣлъ писать складки.

1-й складокъ былъ *„Америка очень богата серебромъ.“*

2-й складокъ: *„Трудности преодолеваютъ прилежаніемъ.“*

3-й складокъ: *„Прилежаніе и раченіе доставляютъ намъ пользу и великую славу.“*

Все это я и писалъ на своей тетради.

Сестра Катя писала менѣ, такъ какъ ее отвлекали на другія женскія работы.

Во всѣ воскресные и праздничные дни заставляли меня ходить въ церковь къ утрени и обѣднѣ, и я ходилъ и становился на правый клировъ къ своему отцу.

Предъ уходомъ въ церковь я всегда просилъ у отца денегъ подать на блюдо, но отецъ былъ такъ бѣденъ, что нерѣдко у него въ домѣ положительно не было ни гроша. Чтобы скрыть это отъ меня, онъ говаривалъ тогда: „я подамъ и за тебя, Устинушка, а ты ступай такъ.“ И я, недовольный отказомъ, не зная истинной причины, уходилъ въ церковь.

Со мною вмѣстѣ становился и незабвенный другъ мой Ваня Николаевскій. Становились на клиросъ нѣкоторые крестьяне и пѣли вмѣстѣ съ причетниками.

Среди нихъ были любитель пѣнія, отставной военный писарь Антонъ Кузьмичъ, имѣвшій хорошій голосъ, басъ, и нѣсколько мальчиковъ.

Послѣ каждой обѣдни А. К. давалъ каждому мальчику и намъ съ Ваней, хотя мы еще не умѣли пѣть, по грошу (2 копѣйки), а въ двенадесятые праздники по копѣйкѣ серебромъ.

На эти деньги мы съ Ваней (во время лѣта) покупали, въ тотъ же день, шляпки (бабки, костяшки).

На грошъ давали десять паръ, и мы проигрывали ихъ крестьянскимъ ребятишкамъ.

Зимою играли съ сестрами: я съ Катей, Ваня съ Надей. Кромѣ того, была у насъ подруга дочь священника села Градницъ, сирота Павла. Ее мы очень любили, а, разсердившись, дразнили: Павка, желтая пупавка, на что она очень обижалась.

Особенно любилъ я быть въ церкви за утреней въ Вербное Воскресеніе и Пасху.

Разъ произошелъ такой случай: въ Вербное Воскресеніе мать изъ сожалѣнія не разбудила меня къ утренѣ, и я проснулся, когда кончилась утренняя и зазвонили къ ранней обѣднѣ. Узнавъ, что утренняя служба кончилась, я началъ плакать и не хотѣлъ ничѣмъ утѣшиться отъ слезъ. Тогда отецъ сказалъ мнѣ: „Устинушка! утѣшься, вотъ звонятъ къ ранней обѣднѣ, пойдемъ въ церковь, я дамъ тебѣ вербу, куплю свѣчку, и ты будешь стоять со мною на клиросѣ съ вербою и свѣчкою.“ Я отвѣтилъ отцу, что за обѣдней не стоять съ вербою, но отецъ сказалъ: „за ранней обѣдней можно;“ и вотъ я пошелъ въ церковь (отецъ ранѣе ушелъ), пришелъ къ отцу на клиросъ съ вербою въ рукахъ; отецъ засвѣтилъ мнѣ свѣчку и далъ въ руки, говоря: „вотъ тебѣ верба и свѣчка, держи въ рукахъ и молись.“ Не прошло и пяти минутъ, какъ съ лѣваго клироса пришелъ пономарь Иванъ Дмитриевичъ Никольскій и, безцеремонно задувъ мою свѣчку и взявъ изъ моей руки вербу и свѣчку, сказалъ: „теперь не стоять съ вербой, на то была заутреня, а ты вѣрно проспалъ ее, дожидайся слѣдующаго года!“

Трудно описать то огорченіе и ту печаль, какія нанесъ мнѣ И. Д. Никольскій своими словами. Слезы брызнули изъ моихъ глазъ. Отецъ, укоризненно посмотрѣвъ на пономаря Никольскаго, сказалъ: „ну, что тебѣ, И. Д., за охота раздражать ребенка.“ Мнѣ же отецъ ничего не сказалъ. Всю обѣдню я просто-жалъ печальный и мало молился Богу. По приходѣ домой я все пересказалъ матери и опять долго плакалъ.

Когда я могъ порядочно читать псалтирь, отецъ заставлялъ меня на клиросѣ читать псалмы, установленные для часовъ предъ литургіею, а послѣ обѣдни приводилъ съ собою въ алтарь, гдѣ служившій священникъ, мой крестный отецъ, І. Ѳ. Судаковъ, давалъ мнѣ половину просфоры, а иногда и цѣльную, говоря: „старайся, крестникъ, учись хорошенько“, а отецъ при этомъ говорилъ: „цѣлуй скорѣе руку у отца крестнаго!“ Получивъ просфору, я бѣжалъ домой съ радостію и, какъ только входилъ въ избу, кричалъ: „маменька, маменька! крестный далъ мнѣ цѣлую просфору, вотъ она!“ Мать отвѣчала: „ну, вотъ, дитятко, и слава Богу! Что же ты, читалъ часы?“ „Читалъ, маменька,“ отвѣчалъ я.

Изученіемъ чтенія по славянской печати и русской-гражданской и писаніемъ по двумъ линейкамъ закончилось мое домашнее образованіе. Объ ариметикѣ и грамматикѣ я не имѣлъ и понятія, но твердо изучилъ и усвоилъ славянской языкъ, и вотъ, для примѣра, изложу свое письмо, писанное мною другу моему Ивану Арсеньевичу Николаевскому, во время пребыванія его студентомъ Московскаго университета. Нужно замѣтить, что я очень боялся собакъ, особенно съ тѣхъ поръ, когда меня однажды укусила маленькая собаченка.

По окончаніи курса въ семинаріи, какъ-то я пріѣхалъ изъ Кушалина въ Тверь. Остановившись въ Заволжской части, я отправился за покупками въ городскую часть, перешелъ Волжскій мостъ и сталъ подыматься на берегъ по направленію къ Знаменской церкви и вдругъ подъ самыми ногами увидѣлъ лежащую большую черную собаку. Ничего не сообразивъ, я побѣжалъ въ другую сторону, а навстрѣчу попались мнѣ два человѣка, которые и сказали мнѣ:

„былъ же ты человекъ, что испугался мертвой собаки.“ Это меня такъ поразило, что по приходѣ на квартиру я тотчасъ написалъ И. А. Николаевскому слѣдующія строки:

„Единожды ходящу ми по Богоспасаемому граду
„Тѣри и прешедшу рѣку, именуемую Волгу, егда
„уклонихся на шую страну, узрѣхъ азъ пса ле-
„жаща, вельми черна и зѣло страшна, очи имуща
„смѣжени, ноги же протяжени, длина его яко два
„лакта, высота же одинъ локоть, и начахъ по обы-
„чаю со скоростію веліею уклонятися на десную
„страну, и се срѣтоста мя два мужа и рекоста ми:
„не бойся, господине, лежащъ бо песъ умре; и, възъ-
„имѣхъ дерзновение, приблизився ко псу и егда уви-
„дѣхъ его умерша, возблагодарихъ Господа и съ ми-
„ромъ поидохъ далѣе.“

Это письмо Иванъ Арсеньевичъ читалъ въ аудиторіи своимъ товарищамъ, и всѣ признали за мною знаніе славянскаго языка и смѣялись.

Глава пятая.

Сборы въ духовное училище. — Прощаніе съ родными. — Первая впечатлѣнія отъ Твери. — Зданіе училища. — Квартира. Визиты къ ректору и учителю. — Первое посѣщеніе класса. — А и Б. — Урокъ чистописанія. — И. Е. Введенскій.

Наступало время отправлять меня въ Тверь, — въ школу. Я началъ скучать, не разставался съ сестрой Катей, съ ней былъ постоянно днемъ и спалъ ночью вмѣстѣ. Она меня, вѣроятно по наставленію отца, утѣшала, говорила, что я въ городѣ увижу много интереснаго, тамъ много церквей, большіе дома — каменные, двухъэтажные, большія рѣки; въ школѣ будетъ много товарищей и пр. и пр., и что она съ радостію поѣхала бы въ городъ, да ея не берутъ. Я все слушалъ и не могъ сообразить, почему въ городѣ много церквей, какіе дома каменные, двухъэтажные, такъ какъ до этого времени изъ села Кушалина никуда не выѣзжалъ и не имѣлъ понятія даже о каменныхъ домахъ.

Отецъ заказалъ сапожнику Ермолаю сапоги для меня, самые простые — булочками (какъ тогда называли) и кожаную сумку (теку) для ношенія книгъ въ школу; мать нашила бѣлья, въ томъ числѣ и нѣсколько штукъ портковъ, доселѣ не надѣвавшихся мною.

Назначенъ былъ день отъѣзда.

Отецъ наканунѣ отъѣзда просилъ священника и крестнаго отца моего І. Ѳ. Судакова отслужить молебень Спасителю и Божіей Матери. Послѣ молебна отецъ Судаковъ опять сталъ говорить мнѣ: „учись хорошенько, крестникъ, будешь бакалавромъ;“ благословилъ меня, далъ просфору и какую-то серебряную монету — не упомню.

Затѣмъ начались приготовленія къ отъѣзду. Отецъ призвалъ какого-то мужичка, велѣлъ заколоть ему овцу, потомъ просилъ его поправить телѣгу, которая чинилась всякій разъ предъ отъѣздомъ въ городъ.

Въ самый день отъѣзда мать напекла слобныхъ житныхъ лепешекъ, наварила яицъ и баранины, наклала горшокъ масла, творогу, сметаны, насыпала въ мѣшокъ пуда два ржаной муки, мѣру картофеля, и особо завернула въ холстъ часть мяса—баранины, наканунѣ битой. Потомъ мать принесла откуда-то лубочную коробку, въ которую и уложила бѣлье и почти всю провизію.

Когда все это было приготовлено, отецъ сказалъ: „кажется, теперь все, что нужно взять съ собою, готово, я пойду запрягать лошадь, а самъ какъ-то секретно вызвалъ въ сѣни мать и всѣхъ домашнихъ и сказалъ: „никто не смѣй плакать при прощаньѣ, а кто заплачетъ, того по пріѣздѣ изъ города больно побью!“ Я не находилъ нигдѣ мѣста, то выбѣгу на улицу и на погостъ, то сяду къ сестрѣ Катѣ и все смотрю на нее, то подбѣгу къ матери или бабушкѣ и спрашиваю ихъ: „скоро-ли поѣдемъ?“

Отецъ запрягъ лошадь въ телѣгу, поставилъ предъ окномъ, наложилъ въ телѣгу сѣна и овса въ мѣшокъ, потомъ вдвоемъ съ матерью вынесли коробку и все, что было приготовлено и уложили въ телѣгу. Затѣмъ мать одѣла меня въ какой-то халатъ нанковый и сказала: „ну вотъ, дитятко Устинушка, теперь ты совсѣмъ готовъ, прощайся со всѣми нами, учись въ школѣ хорошенько, не горюй, отецъ будетъ къ тебѣ пріѣзжать!“ Отецъ велѣлъ всему семейству присѣсть на долгую лавку. Присѣли. „Теперь встаньте,“ сказалъ онъ, „помолимся Господу Богу, чтобы Онъ Царь Небесный, послалъ намъ благополучный путь,

а Устинушкѣ здоровье и успѣхи въ наукахъ.“ Помолвившись, отецъ сказалъ: „а теперь, Устинушка, прощайся со всѣми нами.“ Я подошелъ къ отцу; онъ перекрестилъ меня, поцѣловалъ и сказалъ, увидѣвъ, что я плачу: „не плачь, Устинушка, Богъ дастъ тебѣ хорошую память, ты будешь учиться прилежно, учителя тебя полюбятъ, я къ тебѣ буду прїѣзжать, а на Рождество Христово тебя отпустятъ на двѣ недѣли, пойдешь со мною по приходу славить Христа, я за тобою прїѣду пораньше, какъ отпустятъ.“

Потомъ я подошелъ къ матери; она также перекрестила меня, поцѣловала и сказала: „будь здоровъ, Устинушка, живи посмирнѣе, старайся учиться хорошенько, а мы съ отцомъ будемъ тебя беречь.“ Далѣе я прощался съ бабушкой, теткою Анною Матвѣвною и послѣ всѣхъ съ сестрою Катей.

Всѣ, согласно наказу отца, старались быть веселыми и скрывали свое грустное настроеніе, всячески утѣшая меня, и всѣ вышли изъ избы.

Мать усадила меня въ телѣгу, отецъ сѣлъ впереди, и мы отправились въ г. Тверь, отстоящій отъ села Кушалина въ 32 верстахъ.

Вмѣстѣ съ нами выѣхалъ пономарь Арсеній Васильевичъ съ своимъ сыномъ, незабвеннымъ другомъ моимъ, Ваней Николаевскимъ.

По дорогѣ все насъ занимало: и поля, и лѣса, и деревни.

Предъ каждою почти деревнею мы слѣзали съ телѣги, спрашивали своихъ отцовъ, какая деревня, далеко ли до города, кто живетъ въ деревнѣ и пр.

Ѣхали мы довольно долго, такъ какъ лошади у нашихъ отцовъ были не особенно рысисты.

Наконецъ, показался городъ. Ваня закричалъ мнѣ: „Устинушка! Я вижу городъ!“ И я въ отвѣтъ закричалъ: „и я вижу!“

Вотъ въѣхали въ Тверь по Большой Бѣжецкой улицѣ. Я закричалъ: „Ваня! я вижу каменный домъ, вотъ и другой!“ Отцы наши сказали: „Это пригородъ, а городъ-то дальше.“ Но непривѣтливо встрѣтили насъ жители города, торговцы Затверецкой части, извѣстной и до сего времени подъ именемъ Азѣи, — народъ вообще довольно грубый.

Первый торговецъ, при проѣздѣ нашемъ, кричалъ: „кутья прокислая! кутья прокислая!“

Второй: — „Христовы жеребчики! Христовы жеребчики! Иго, го, го! Иго, го, го! Иго, го, го!“

Третій торговецъ, вышедши изъ своей лавки на середину улицы и повернувшись лицомъ къ первымъ двумъ торговцамъ, громко закричалъ: „что вы насмѣхаетесь надъ ними?“ и при этомъ снялъ свою фуражку и, махая ею по воздуху, во время нашего проѣзда, выкрикивалъ: „это все будущіе архіереи! Будущимъ архіереямъ наше нижайшее! Будущимъ архіереямъ наше нижайшее!“ Мы отъѣхали далеко, а торговецъ продолжалъ все кричать: „наше нижайшее! наше нижайшее!“ Но все это мало насъ занимало. Мы болѣе интересовались видомъ рѣки Тверцы, вдоль берега которой ѣхали, и все чаще попадавшимися намъ по дорогѣ каменными домами, до сего времени нами невиданными.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали по городу, тѣмъ болѣе росло наше любопытство и удивленіе при видѣ многихъ церквей, рѣки Волги, набережной улицы и построенныхъ на ней сплошныхъ каменныхъ двухъ этажныхъ домовъ; мы, не переставая, спрашивали

своихъ родителей о всемъ видѣнномъ, такъ что они не успѣвали намъ отвѣчать.

Вотъ подъѣхали къ Тверецкому мосту; у моста стояли барки съ хлѣбомъ, мы засмотрѣлись на эти суда; переѣхавъ мостъ, отцы наши указали намъ на Отрочъ монастырь, стоящій съ лѣвой стороны, и мы поѣхали прямо отъ моста по Верховской улицѣ. Отѣхавъ немного, мы увидѣли на той же лѣвой сторонѣ одноэтажное каменное зданіе; родители наши поспѣшили намъ объяснить, что это и есть самое училище, куда мы будемъ ходить учиться. Что-то грустное и страшное почувствовалъ я! Зданіе было не высокое, расположенное въ одну линію, окрашенное желтою краскою, уже довольно отцвѣтшею; окна большія, числомъ около 12—14, со старыми, грязными рамами и стеклами; крыша тесовая, старая. Вообще зданіе было непривлекательное. Проѣхавъ вдоль училища, мы повернули направо къ Троицкой церкви и, миновавъ ограду церковную, поѣхали по Первой Троицкой улицѣ, гдѣ, на 2-мъ кварталѣ, стоялъ довольно старый одноэтажный, деревянный домъ мѣщанки—вдовы Анны Григорьевны Пироговой, у которой мы и остановились.

Взошедши въ домъ, мы увидѣли своихъ земляковъ—дѣтей другаго дьячка села Кушалина (Садикова) — Петра и Леонтія Ивановичей Садиковыхъ—и еще троихъ неизвѣстныхъ квартирантовъ. Мы поздоровались со всѣми. Затѣмъ изъ чулана вышла къ намъ хозяйка-женщина пожилая. Къ ней отцы наши обратились съ просьбою пустить насъ къ себѣ на квартиру. Она отвѣчала, что у ней тѣсненько, но дѣлать нечего, если ваши землячки согласны принять къ себѣ вашихъ дѣтей, пусть они остаются. Конечно, съ Садиковыми родители наши переговорили

ранѣ; они изъявили согласіе, и мы остались. Хозяйка продолжала: „вѣроятно, отцы, какъ васъ звать не знаю;“ (родители наши назвали свои имена и отчества, и та, обращаясь къ нимъ, продолжала) „вѣроятно, вамъ Михайлъ Ивановичъ и Арсеній Васильевичъ, извѣстны условія, при какихъ я содержу квартирантовъ: цѣна за квартиру въ годъ 20 рублей, ассигнаціями (5 р. 71½ коп. сер.); харчи всѣ ваши, мой приварокъ—капуста, лукъ, иногда квасъ, печеніе хлѣбовъ и изготовленіе изъ вапихъ продуктовъ обѣда и ужина; моя обязанность также и стирка бѣлья. Баня черезъ 10 дней.“

Отцы наши на все согласились и только просили хозяйку не оставить насъ, а въ банѣ и помытъ. При этомъ отецъ въ чуланѣ что то далъ хозяйкѣ, или холстъ, или полотенце—не упомню.

Въ этотъ день мы никуда не ходили, такъ какъ устали отъ дороги.

На другой день отецъ повелъ меня къ ректору Дух. училища. Ректоромъ былъ Каѳедральнаго Собора Протоіерей, магистръ богословія, Іуаннъ Яковлевичъ Ловягинъ, жившій около Собора въ казенномъ домѣ; поэтому мнѣ съ отцомъ пришлось итти довольно далеко отъ Троицкой улицы въ Городскую часть къ Собору. Вотъ увидѣлъ я Волгу, пошли съ отцомъ по мосту, меня поразила своею широтою Волга и самый мостъ, далѣе увидѣлъ я лавки и дома большіе - каменные; на все смотрѣлъ я съ любопытствомъ и все спрашивалъ у отца, что это за дома, что за лавки, а когда начали приближаться къ Собору, я съ изумленіемъ смотрѣлъ на величественный храмъ, на большія главы его и на колоссальную колокольную, пришелъ въ ужасъ и говорю отцу: „тятенька, тятенька, я боюсь итти!!“ Отецъ всячески ободрялъ

меня, и, такимъ образомъ, дошли мы до дома, занимаемаго о. Ректоромъ. Съ чернаго хода, по узкой лѣстницѣ, мы вошли въ кухню верхняго этажа и просили прислугу доложить о насъ отцу Ректору.

Черезъ нѣсколько минутъ прислуга провела насъ въ комнату о. Ректора, повидимому, кабинетъ, гдѣ лежало нѣсколько книгъ, и едва мы стали около двери, вышелъ къ намъ о. Ректоръ. Это былъ довольно высокій человѣкъ, толстый, рыжій.

Увидѣвъ его, отецъ поклонился земно, подошелъ подъ благословеніе. О. Ректоръ спросилъ его: „что скажешь, отецъ?“ „Съ просьбою къ Вамъ, Ваше Высокоблагословеніе, о. Ректоръ, примите сына вотъ этого (я стоялъ и дрожалъ отъ страха) въ училище,“ — отвѣтилъ мой родитель. — „Который годъ ему?“ — Восемь лѣтъ исполнилось; съ 21-го Мая пошелъ девятый, — „Надо подать прошеніе!“ сказалъ Ректоръ. Тутъ отецъ мой подалъ прошеніе и всунулъ въ руку Ректора серебряный рубль. Ректоръ, прочитавъ прошеніе, спросилъ, привита ли мнѣ оспа, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ спрашивать отца, читать и писать научилъ ли онъ меня.

Отецъ отвѣчалъ, что я часто читалъ въ селѣ, въ церкви, часы. Тутъ Ректоръ, взявъ со стола маленькій служебникъ, открылъ его и, указавъ пальцемъ на страницѣ, сказалъ: „ну читай это!“ Я началъ скороговоркою читать: „Велій еси Господи и чудны дѣла твоя, и ни едино же слово“... Ректоръ прервалъ меня словами: „читай рѣже!!“

Я испугался, слезы брызнули изъ глазъ, и началъ читать, запинаясь: „ве-л-ій еси Господи и чуд-ны дѣла тв-о-я.“ Ректоръ, увидѣвъ мое смущеніе, сказалъ: „ну, довольно, довольно!“

Затѣмъ, обратясь къ отцу, онъ спросилъ его: „а пѣть не училъ ты своего сына?“ Отецъ, ударивъ себя рукою по боку, сказалъ: „виновать, о. Ректоръ, пѣть то не училъ!“— Жаль, что не училъ, пѣніе то имъ трудно дается,—сказалъ о. Ректоръ, а потомъ спросилъ: „отецъ! а обиходъ то церковный купилъ?“—Нѣтъ, не покупалъ, да и не знаю, какой нужно купить,—отвѣчалъ родитель мой. Тогда о. Ректоръ сказалъ, что у него есть продажные обиходы; онъ взялъ продавать ихъ на комиссію по 1 р. за экземпляръ и за комиссію по 5 коп. съ обихода, *только по 5 коп.* Отецъ удивился дешевизнѣ 5 к. за комиссію, досталъ свою кожаную мошну, вынулъ оттуда рубль и 5 коп. серебр. и вручилъ о. Ректору. О. Ректоръ принесъ обиходъ, озаглавленный такъ: „Обиходъ нотнаго церковнаго пѣнія на цефаутномъ ключѣ“, и передалъ отцу, сказавъ: „ну, теперь, ступайте вы къ учителю 1-го класса Александру Семеновичу Быкову, и ты, отецъ, передай ему, что былъ у меня съ сыномъ и что я принялъ твоего сына въ первый классъ“. Затѣмъ, погладивъ меня по головѣ, добавилъ: „а тебѣ, птенецъ, желаю хорошенько учиться и вести себя смирно, чтобы отецъ твой радовался, видя твое хорошее ученіе и поведеніе. Ну, съ Богомъ!“

Въ тотъ же день пошли мы съ отцомъ къ учителю Александру Семеновичу Быкову.

А. С. Быковъ былъ человѣкъ простодушный, въ то время холостой (впослѣдствіи былъ Священникомъ и Протоіереемъ Троицкой церкви), словоохотливый, принялъ насъ любезно, послѣ того какъ мой отецъ далъ ему въ руку рублевикъ, едва ли не послѣдній, и передалъ, какъ насъ принялъ о. Ректоръ.

А. С. сказалъ мнѣ, чтобы завтра я приходилъ въ классъ. Отецъ униженно просилъ А. С. не оставить меня своимъ вниманіемъ, на что тотъ отвѣчалъ ему: „если вашъ сынъ будетъ хорошо учиться и меньше шалить, все будетъ хорошо, вѣдь и намъ учителямъ пріятно видѣть и имѣть хорошихъ учениковъ,“ а, обращаясь ко мнѣ, А. С. добавилъ: „слышишь, Малеинъ, что я говорю? старайся, учись прилежнѣе, отцу будетъ пріятно получать хорошіе отзывы о тебѣ, а, выучившись, самъ будешь учителемъ или Священникомъ, или чиновникомъ—бариномъ; ученому вездѣ открыта дорога, такъ ли я говорю, отецъ?“ —Истинно такъ, истинно такъ, Ваше Высокоблагородіе, Александръ Семеновичъ! отвѣчалъ мой родитель, кланаясь ему. „Ну, теперь ступайте съ Богомъ, а завтра въ 8 час. утра приходи, Малеинъ, въ школу.—Какой онъ у тебя, отецъ, маленькій!“ заключилъ А. С. Родители наши остались еще на ночь съ нами, чтобы утромъ проводить насъ въ школу. Легъ я съ отцомъ вмѣстѣ на полу, на войлокѣ, привезенномъ изъ дома, но спалъ плохо, часто просыпался, все думая, что утромъ надо итти въ училище.

Вставши довольно рано, мы смотрѣли на квартирантовъ, какъ они собирались въ классъ, укладывая въ сумку свои книги. Когда всѣ ушли изъ картиры, отправились и мы съ своими родителями въ училище. Пришли мы въ училще, когда уже начались классы, и Александръ Семеновичъ былъ въ классѣ.

Вызвавъ его въ корридоръ, родители наши повторили свою просьбу о принятіи меня и Вани Николаевского въ число учениковъ 1-го класса.

А. С. Быковъ сказалъ нашимъ родителямъ: „вы ступайте домой! а ты, Малеинъ, и ты, Николаевскій, взойдете со мною въ классъ“ и, отворивъ дверь,

сказалъ: „ну, идите!“ Вошедши въ классъ, мы остановились около двери. Всѣ ученики, при входѣ учителя, встали и шепотомъ говорили: „новички, новички.“ А. С. сказалъ: „вотъ къ вамъ еще прибыли два новичка“ и, указавъ намъ на послѣднюю парту, прибавилъ: „ну, вотъ, пока и сядьте тутъ.“

Усѣвшись за парту на скамьѣ, мы съ любопытствомъ и страхомъ осматривали своихъ товарищей.

Парта была изрѣзана ножичкомъ. На моемъ мѣстѣ была вырѣзана буква А, а на мѣстѣ Вани Б. Увидѣвъ это, Ваня, шепнулъ мнѣ: „Устинушка, на твоёмъ мѣстѣ вырѣзанъ Азъ, а на моемъ Буки. Значить, твое первое мѣсто, а мое второе. Давай, пересядемъ, уступи мнѣ твое мѣсто и сядь на мое.“ Я согласился и сталъ пересаживаться. Замѣтилъ это А. С. и закричалъ на насъ: „эй вы, новички, что тамъ дѣлаете, что вамъ не сидится смирно, смотрите, у меня есть розга, она васъ живо усмирить!“ Слово „розга“ произвело на насъ магическое дѣйствіе. Мы сѣли, какъ вкопанные въ землю: Ваня на моемъ мѣстѣ, а я на его мѣстѣ. Съ того времени Ваня во всемъ стоялъ впереди меня и умеръ уже.

Занятія въ классѣ начинались съ 8 час. утра и продолжались до 12 часовъ.

Въ 12 часовъ отпускали на обѣдъ до 2 часовъ по полудни.

Съ 2 часовъ занятія опять возобновлялись до 4 часовъ по полудни и затѣмъ вовсе прекращались въ тотъ день.

Вечернія занятія происходили въ теченіи 3-хъ дней для чистописанія и въ теченіи 2-хъ дней: вторникъ и пятницу, для пѣнія; въ субботу вечернихъ занятій не было.

Просидѣвъ въ классѣ до 12 часовъ, мы пришли въ квартиру обѣдать. Здѣсь отцы наши, разспросивъ насъ, какъ мы сидѣли въ классѣ, объявили намъ, что послѣ 2-хъ часовъ имъ надо ѣхать домой. Мы упросили ихъ, что они вызовутъ насъ изъ класса проститься.

Ученикъ 4 класса, Л. И. Садиковъ, послѣ обѣда, сшилъ намъ по тетрадкѣ, налінейалъ по двѣ строчки, очинилъ два гусиныхъ пера, и мы, вложивъ тетрадки въ кожаныя сумки (теки), отправились въ классъ.

По прибытіи въ классъ, вошелъ и А. С. Быковъ; прочиталъ первый ученикъ молитву „Царю Небесный.“ Учитель Быковъ сказалъ: „теперь садитесь, возьмите свои тетрадки и пишите на нихъ съ прописей, что угодно, въ двѣ строчки, по одной страницѣ, да только хорошенько и тетрадей не марать, а кто будетъ худо писать, или тетрадь марать, того буду сѣчь.“

Только мы расположились съ Ваней писать, какъ очередной ученикъ (о роли ихъ будетъ сказано ниже), услышавъ стукъ въ дверную скобку, вышелъ въ корридоръ и, вошедши тотчасъ въ классъ, заявилъ Александру Семеновичу, что Малеина и Николаевского спрашиваютъ; А. С. сказалъ: „пусть идутъ!“

Мы вышли изъ класса и въ корридорѣ увидѣли своихъ родителей. Они намъ сказали, что зашли съ нами проститься; мы всѣ горько заплакали. Потомъ отцы сказали намъ, чтобы мы не тосковали и не плакали, а старались хорошенько учиться, и что они опять скоро пріѣдутъ къ намъ побывать.

Простившись съ родителями, мы пошли въ классъ и не могли удержаться отъ слезъ, которыя, за немѣнѣемъ платковъ, утирали руками. Увидѣвъ это, А. С. закричалъ на насъ: „Николаевскій, Малеинъ! Что вы глаза-то трете руками?“ — Глаза засорили,

А. С. — отвѣчали мы ему. „Какъ такъ, случилось что то странное? Заразъ двое засорили глаза, какой это вѣтеръ пахнулъ на васъ? Посмотрите-ка кто-нибудь на улицу, не вдутъ ли ихъ отцы?“ Одинъ ученикъ отвѣтилъ, что сію минуту мимо училища проѣхали двое причетниковъ. „Ну такъ я и зналъ,“ сказалъ А. С. „Вотъ чѣмъ засорили Малеинъ и Николаевскій свои глаза! Смотрите! У меня есть розга, которая живо протретъ вамъ глаза!“ Слово „розга“ опять возымѣло на насъ всесильное дѣйствіе, и мы принялись за чистописаніе вмѣстѣ со всѣми учениками.

Многіе писали на синей бумагѣ, каждый съ своей прописи.

Я опять началъ писать: *Америка очень богата серебромъ* и другіе складки, какъ сказано выше.

А. С. сидѣлъ за столомъ и чинилъ перья. Всѣ писали гусиными перьями, и только скрипъ ихъ былъ слышенъ въ классѣ.

Цѣлый ворохъ перьевъ лежалъ предъ А. С., и постоянно къ нему приходили то съ перьями для очинки пера, то отходили отъ стола, получивъ вновь очиненное перо.

Вдругъ раздается по всему классу возгласъ: „Асеклянда Семеновицъ, пело не везетъ!“ — Что, что, кто тамъ кричить? — спрашиваетъ А. С.

Повторяется тотъ же возгласъ: „Кто это просить?“ Отвѣчаютъ нѣсколько учениковъ: „Иванъ Введенскій!“ — Введенскій! Давай сюда свое перо, и я поправлю его, авось либо повезетъ, — говоритъ А. С., смѣясь.

Здѣсь считаю умѣстнымъ пояснить, что картавившій такъ потѣшно ученикъ, Иванъ Евфимовичъ Введенскій, былъ сынъ священника села Козлова, Вышневолоцкаго уѣзда. Всѣ жители какъ села Козлова, такъ и всего Козловскаго прихода были корелы, и о. Введенскій пере-

велъ на корельскій языкъ Евангеліе отъ Матѳея, чрезъ что получилъ извѣстность. Сынъ о. Е. Введенскаго И. Е. Введенскій окончилъ въ 1855 году курсъ семинаріи вмѣстѣ со мною по 1-му разряду съ званіемъ студента, и о. Введенскій пожелалъ сдать свое мѣсто своему сыну, который, женившись, пріѣхалъ въ Тверь посвящаться.

Архіереемъ въ Твери былъ Филоѳей (впослѣдствіи Кіевскій Митрополитъ), человѣкъ строгой жизни, суровый.

Назначенъ имъ былъ день для посвященія студента Введенскаго въ Трехсвятскомъ (Архіерейскомъ домѣ).

Предъ посвященіемъ Введенскій долженъ былъ исповѣдаться у іеромонаха. Послѣ исповѣди, когда преосвященный Филоѳей вышелъ изъ своихъ комнатъ въ алтарь, чтобы черезъ алтарь выйти на середину церкви для облаченія, іеромонахъ, исповѣдывавшій ставленника Введенскаго, поклонился въ ноги Преосвященному и, вставши, что-то сказалъ тихо ему. Преосвященный также что-то тихо отвѣтилъ іеромонаху.

Началась обѣдня, наступило время посвященія Введенскаго. Онъ вышелъ на середину церкви съ 2-мя иподіаконами, и одинъ изъ нихъ уже возгласилъ: „Повели,“ но далѣе ни отъ кого не послѣдовало никакого продолженія...

Иподіаконы и студентъ В. стояли въ недоумѣніи. Служба обѣдни пріостановилась...

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ алтаря протодіаконъ и началъ читать обыкновенную эктенію, получивъ извѣщеніе отъ Преосв. Филоѳея, что ставленника не будетъ...

Послѣ обѣдни, студентъ Введенскій земно поклонился Архіерею, а онъ ему сказалъ: „не могу тебя рукоположить, ступай, объяви объ этомъ своему родителю!“

Студентъ Введенскій, пріѣхавъ въ Козлово, передалъ слова архіерея своему отцу. Отецъ поѣхалъ въ Тверь, гдѣ, представившись Преосвященнѣйшему Филовею, получилъ отъ него тотъ же отвѣтъ. Затѣмъ о. Введенскій поѣхалъ въ Петербургъ къ митрополиту Григорію, лично знавшему священника Введенскаго, съ жалобою на Преосвящ. Филовея и съ просьбою посвятить его сына во священника.

Митрополитъ Григорій, выслушавъ священника Введенскаго, лично просилъ Преосв. Филовея посвятить студента Введенскаго на отцово мѣсто, но Архіерей Филовей остался непреклоннымъ и, будто бы, сказалъ Митрополиту Григорію: „рукоположите Вы, Ваше Высокопреосвященство, студента Введенскаго, а я не могу.“

Но Митрополитъ внѣ своей епархіи, безъ согласія мѣстнаго Архіерея, не можетъ никого посвятить ни во священника, ни во діакона.

Такъ студентъ Введенскій, оставшись непосвященнымъ, вынужденъ былъ поступить на гражданскую службу и въ послѣднее время, по слухамъ, былъ ревизоромъ Контрольной Палаты въ Самарѣ.

Это былъ единственный случай непосвященія въ Тверской епархіи, почему мною и изложенъ такъ подробно.

По окончаніи класса чистописанія, всѣ ученики подали свои тетради Александру Семеновичу, который взялъ ихъ на домъ для разсмотрѣнія. Черезъ нѣсколько дней нѣкоторые ученики за плохое писаніе были наказаны стояніемъ на колѣняхъ въ классѣ около парты. На моей тетради А. С. было написано: „видно стараніе.“

Глава шестая.

Жизнь въ Твери.—Варгазинскіе калачи.—Классъ пѣнія.—
Розги.—Очередные ученики.—Мой неудачный дебютъ.

Пришедши изъ класса въ 4 ч. пополудни, вечеромъ, всѣ квартиранты вмѣстѣ за однимъ столомъ и при одной сальной свѣчѣ готовили уроки.

Выучивши уроки, ужинали, а потомъ пожились спать кто на палатахъ, кто на печкѣ, а кто и на полу, постлавши свои войлоки.

Утромъ нѣкоторые вновь просматривали свои уроки, потомъ спрашивали у хозяйки хлѣбъ, ѣли его, а часть клали въ теку, чтобы въ классѣ перекусить. Изрѣдка покупали мы у Варгазина на дому такъ называемый Варгазинскій калачъ, извѣстный и до сего времени, стоившій пять коп. ассигнаціями (1½ к. сер.) небольшого размѣра, и 10 к. ассигн. (около 3 к. сер.) большого размѣра, причемъ при появленіи съ 1840 г. новыхъ монетъ: 1 к. сер., 2 к. сер., 3 к. сер., когда приходилось платить за калачъ вмѣсто 2-хъ пятакѣвъ или большой гривны, 3 коп. серебр.—одною монетою, требовали отъ Варгазина особаго калача за денежку, такъ какъ три копейки серебромъ на ассигнаціи стоили 10 коп. съ денежкой, и Варгазинъ давалъ на денежку маленькій, маленькій калачикъ. Десятикопеечнаго калача мнѣ достаточно было на три дня.

Положивъ въ теку калачи и хлѣбъ, или часть калача, я съ Ваней отправлялись въ школу, повѣсивъ теку черезъ плечо. На дорогѣ мѣщанскіе ребята дразнили насъ: „кутъя, кутъя, въ теку на...“ Такъ каждодневно происходило наше хожденіе въ школу, конечно, исключая праздники и Воскресные дни.

Приближались уроки пѣнія. Сначала намъ учитель объяснилъ и велѣлъ заучить названіе нотъ: уть, ре, ми, фа, соль, ля, высшее фа съ перечеркою, потомъ такты, полтакты, четверть такта, восьмая такта; тактъ имѣетъ 4 маха рукою, полтакта 2 маха, четверть одинъ махъ, восьмая половина маха. Далѣе, на какой чертѣ при пяти нотныхъ линейкахъ стоитъ: уть, ре и т. д. Такимъ образомъ на первой бѣленькой черточкѣ стоитъ уть; на 2 черточкѣ ре и т. д. За незнаніе этого наказывали стояніемъ на колѣняхъ на срединѣ класса около парты; изрѣдка и розгами (ударовъ 5).

Приближался и классъ пѣнія. Задано было выучиться пѣть по нотамъ голосомъ: уть, ре, ми, фа соль и т. д.

Наканунѣ, вечеромъ, квартирантъ Иванъ Петровичъ Бутягинъ, басъ семинарскаго хора, спросилъ меня: „Устинушка! У васъ завтра пѣніе послѣ обѣда?“ Я отвѣтилъ грустно: „пѣніе, Иванъ Петровичъ!“ — Неси обиходъ! Давай я поучу тебя! — Вѣроятно, мой отецъ просилъ Бутягина объ этомъ. Я принесъ обиходъ. Бутягинъ раскрылъ его и, показывая на нотную азбуку, сказалъ: „ну видишь, напечатано: уть; пой со мною въ одинъ голосъ: ууутъ“ и своимъ басомъ затянулъ: уууутъ, а я своимъ дѣтскимъ голосомъ совершенно въ другой тонъ: уть! „Не такъ, не такъ!! ты возьми пониже, теперь немного повыше. Все не такъ“, говорилъ И. П. Я заплакалъ. И. П. сказалъ: „не плачь. Богъ дастъ, по маленьку привыкнешь! Ну, отдохни немного!“ Такъ И. П. просидѣлъ со мною часовъ до 11 ночи, и я кое какъ усвоилъ себѣ пѣніе, но на вечерній классъ пришелъ со страхомъ. Дѣло обошлось благополучно. Въ слѣдующіе классы пѣнія Александръ Семеновичъ заставилъ пѣть заразъ всѣхъ учениковъ

(а насъ было слишкомъ 70) четвертныя ноты, такимъ образомъ: утъ, утъ, утъ, утъ. Ре, ре, ре, ре. Ми, ми, ми, ми. Фа, фа, фа, фа, все постепенно повышая до верхняго фа съ перечеркою, а потомъ также постепенно понижая. Выходило что то громкое и смѣшное, такъ что проѣзжавшіе мимо училища останавливались и съ изумленіемъ слушали столь оригинальное пѣніе. Черезъ нѣсколько времени послѣ начала классовъ пѣнія А. С. разсердившись на кого то, закричалъ: „пошелъ къ порогу, высѣчь его!!“

Провинившійся дошелъ до порога, легъ на полъ около двери, раздѣлся, такъ какъ въ классѣ всѣ сидѣли въ верхнемъ платьѣ, не снимая ничего. Полъ былъ грязный; никогда не мыли его, а только мели грязною метлою.

Очередной ученикъ взялъ въ руку лозу и началъ провинившагося стегать по обнаженной мягкой части тѣла.

При первыхъ ударахъ провинившійся закричалъ: „Александръ Семеновичъ, простите, не буду, не буду!!“ Услышавъ крикъ и при столь невиданномъ доселѣ зрѣлищѣ, я и Ваня вскочили съ своихъ мѣстъ на скамейки, чтобы хорошенько разсмотрѣть, что дѣлается. А. С. тотчасъ замѣтилъ насъ и закричалъ: „вы, новички, что встали, чего не видали! Розги что ли захотѣли? за этимъ дѣло не станетъ!“ Конечно, мы сію секунду сѣли на свои мѣста и дрожали отъ страха.

Опять какъ то А. С. велѣлъ одного ученика высѣчь, но исполненіе наказанія не послѣдовало, такъ какъ виноватый заявилъ, что у него болитъ та часть тѣла, по которой стегаютъ, что подтвердилъ и очередной ученикъ.

Здѣсь кстати сказать объ очередныхъ ученикахъ.

Очередные ученики мѣнялись каждый день по порядку сидѣнія за партой въ классѣ. Садились они около двери.

На обязанности ихъ было выходить въ корридоръ, когда происходилъ стукъ въ дверную скобку, и узнавать, кто и по какому случаю стучалъ, кого нужно видѣть, или что передать учителю и проч.

На ихъ же обязанности было изготовленіе розги и сѣченіе виновнаго, если таковое случалось въ тотъ день.

И вотъ очередь дошла и до меня. Товарищъ объявилъ мнѣ, что я завтра очередной. Это было въ концѣ Октября.

Пришелъ я домой грустный. Нужно было приготовить розгу и принести въ классъ. За неизготовленіе сѣкли самого очереднаго.

Пошелъ въ огородъ искать прутьевъ, но не нашелъ ничего подходящаго. Обратился къ хозяйкѣ съ просьбою. Та связала мнѣ какой то пучекъ изъ старой метлы. Съ этимъ пучкомъ пошелъ я въ классъ, держа его подъ пальто. По приходѣ въ классъ сѣлъ на послѣдней скамьѣ у двери, а розгу положилъ за доску, на которой писали цифры; ко мнѣ подошли товарищи и начали спрашивать меня: „Малеинъ! ты сегодня очередной, лозу то принеси, покажи?“ Я досталъ и подалъ товарищамъ. Они, взглянувши на лозу, засмѣялись и сказали: „ну, братъ, Малеинъ, тебя за такую лозу самого высѣкутъ! А сѣчь то умѣешь?“ Я отвѣчалъ: „нѣтъ, не умѣю!“ — Ну такъ, какъ же быть?

Цѣлый день просидѣлъ я очереднымъ въ большомъ страхѣ. Но, благодареніе Господу, день прошелъ благополучно, и въ розгѣ надобности не послѣдовало. Вообще, Александръ Семеновичъ рѣдко кого наказывалъ.

Въ томъ же Октябрѣ мѣсяцѣ послѣдовала пересадка насъ на новыя мѣста.

Меня и Ваню посадили на первую парту. Рядомъ со мною посадили Іосифа М. Малинина. Малининъ, усѣвшись, началъ толкать меня, а я его. Произошелъ нѣкоторый шумъ.

Увидѣвъ это, Александръ Семеновичъ закричалъ на насъ: „Малининъ, Малеинъ! Что вы шумите, какъ *голицы*? Сидите смирно!!“

Во всѣ воскресные и праздничные дни насъ заставляли ходить въ церковь къ утрени и обѣднѣ.

Всенощныхъ послѣ 14 Сентября не служили нигдѣ, исключая Владимірской церкви по особому разрѣшенію отъ Архіерея. Къ утрени начинали звонить въ 4 часа утра, и надо было приходиться къ началу службы. За неисполненіемъ этого строго слѣдили особые старшіе; они записывали въ журналъ свой, кто приходилъ поздно въ церковь или кто худо стоялъ: смѣялся, часто оборачивался назадъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто и проч.

Журналъ свой старшіе послѣ Воскресенья, или праздника, подавали инспектору, и онъ провинившихся наказывалъ розгами.

Такъ какъ обѣдню священникъ служилъ не тотчасъ послѣ утрени, то приходилось уходить изъ церкви на квартиру и снова идти въ церковь по звону къ обѣднѣ, что было затруднительно особенно въ худую погоду и зимою. Ходили мы къ Троицкой церкви, что за Волгою.

И про звонъ въ этой церкви кѣмъ-то было составлено опредѣленіе: „пономарица, пеки блины, пономарица, пеки блины!! Нѣту дровъ! нѣту дровъ!“ (Нужно читать скороговоркою). А объ звонѣ въ От-

рочѣ монастырѣ: „монахъ въ Стрѣлкѣ (кабакъ по близости монастыря) опился, монахъ въ Стрѣлкѣ опился!“ Все это передавали мнѣ товарищи. Они передавали о звонѣ и въ другихъ церквахъ, но я забылъ, да и слава Богу, что позабылъ!!

Передъ Рождествомъ Христовымъ была снова пересадка, и я занялъ 3-е мѣсто и очень боялся, чтобы не посадили меня на первое мѣсто, такъ какъ въ воображеніи мнѣ представлялось, что первый ученикъ долженъ все знать и отвѣчать на всѣ вопросы, а потомъ какъ-то и удивительно, если кто изъ начальниковъ спросить учителя: кто у васъ первый ученикъ? А учитель отвѣтитъ: Іустинъ Малеинъ. Охъ, какъ страшно!!

На послѣдней недѣлѣ предъ Рождествомъ Христовымъ, А. С. сказалъ намъ, что 21-го Декабря насъ отпустятъ домой, и чтобы мы черезъ день подали ему билеты для подписи.

Потомъ А. С. началъ шутить съ нами: „Вотъ поѣдете домой къ своимъ родителямъ, то-то рады будете!! Малеинъ! Ты кого всѣхъ больше любишь?“ спросилъ А. С. Я отвѣтилъ: „бабушку!“ Многіе на меня засмѣялись. А. С. снова спросилъ: „почему бабушку?“— Я точно также люблю и мать, но она меньше со мною бываетъ, особенно лѣтомъ, цѣлые дни проводить въ полѣ, а бабушка сидитъ со мною и все сказки говоритъ,— отвѣтилъ я А. С.

Далѣе А. С. продолжалъ: „наступитъ Рождество „Христово, поѣдете вы съ отцами по приходу славить по всѣмъ деревнямъ, а какихъ, какихъ деревень у насъ нѣтъ, и съ какими названіями! Напримѣръ, на моей родинѣ есть деревня Ванютино, а „на твоей родинѣ, Малеинъ, какія есть деревни?“ говоритъ А. С., обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣчаю: „Вѣдново, Бухолово, Дуловское, Чернево, которое жители зовутъ Чортовымъ. Всѣ онѣ барскія, гг. Хвостовыхъ, и поголовно всѣ ходятъ по міру. Спросишь кого изъ нихъ: откуда ты? Отвѣчаютъ: съ Чортова! Хвостовы! Въ сосѣднихъ, ближнихъ селахъ деревни: Ляхово, Страхово, Настасино, Наквасино и много другихъ смѣшныхъ названій.“

Глава седьмая.

Первыя Рождественскія вакаціи. — „Славленье“ вмѣстѣ съ отцомъ. — Помѣщики Кегели. — Помѣщица Храмцова. — Петръ Григорьевичъ. — Жизнь крестьянъ зимою. — Игры у проруби. — Занятія пѣніемъ съ отцомъ. — Деревня Холопово.

Наступило 21-е Декабря, и мы получили билеты. Насъ отпустили до 8-го Января.

Отецъ пріѣхалъ за мною еще утромъ 21-го Декабря. Не могу описать той радости, съ какою я встрѣтилъ своего отца, и нетерпѣнія дожидаться того часа, когда мы поѣдемъ изъ города домой. Отецъ велѣлъ мнѣ взять обиходъ съ собою, чтобы дома поучить пѣнію.

По пріѣздѣ домой, мать, бабушка, сестра Катя и всѣ домашніе встрѣтили меня съ радостію, а мать и со слезами: „Устинушка! сколь ты худъ да малъ! Вѣрно, во всемъ классѣ менѣе тебя нѣтъ никого?“ — Нѣтъ, маменька! Петръ Козыревъ меньше меня! отвѣтилъ я.

Отецъ говоритъ матери: „пробери печь да вымой Устинушку! Ты посмотри на его руки!“ А на рукахъ у меня были болячки.

Мать взяла меня съ собою въ печь, вымыла, надѣла чистое бѣлье и все смотрѣла на меня, и говорила, какъ я худъ. Отецъ отвѣчалъ: „ну, будемъ беречь Устинушку, изжаримъ гуська!“

Вотъ, слава Богу, дождались мы и Великаго Праздника Рождества Христова!

Я пошелъ къ утренѣ, которая продолжалась долго; у меня озябли ноги, руки, и вообще весь я прозябъ, — церковь была холодная; раза три во время утрени я входилъ въ алтарь и тамъ у жаровни грѣлся.

Послѣ утрени уговорились мы: двое Садиковыхъ, Ваня Николаевскій и я итти славить Христа между своими духовными.

Спѣвшись предварительно въ домѣ моего отца, мы пошли къ старшему священнику І. Ѳ. Судакову.

Прославили у него Христа, и онъ далъ намъ всѣмъ денегъ, — мнѣ 5 коп. сер., какъ его крестнику.

Отъ священника о. Судакова отправились ко второму священнику Н. І. Срѣтенскому.

Отъ него къ діакону и ко всѣмъ причетникамъ.

Въ каждомъ домѣ пѣли ирмосъ: Христосъ рождается... Тропарь: Рождество твое Христе Боже нашъ... Кондакъ: Дѣва днесъ Пресущественнаго рождаетъ... и Ирмосъ: Любити убо намъ... Въ заключеніе: Многая лѣта! Вездѣ намъ давали деньги...

По приходѣ домой, отправился я съ отцомъ, другимъ дьячкомъ Садиковымъ и его дѣтьми въ село славить Христа у крестьянъ.

Отецъ мой, и дьячекъ Садиковъ взяли мѣшки, такъ какъ за славленіе платили гдѣ деньгами: отцу и Садикову по 2 и по 3 коп. сер., а намъ, большею частію, по грошу, изрѣдка 1 коп. сер., а гдѣ и овсомъ — каждому по чашкѣ хлѣбной. Овесъ мы и высыпали въ мѣшки.

Обходивъ дворовъ 10 — 12, мы пошли домой, такъ какъ время приближалось къ звону къ обѣднѣ.

Зазвонили къ обѣднѣ, приблизительно часовъ въ 8 утра, если не позднѣе, хотя утренья кончилась около 5 часовъ утра. Звонъ продолжался долго, а самая обѣдня и еще много дольше, такъ что изъ церкви домой мы пришли часовъ въ 11 утра.

Отощавъ во время поста отъ суровой пищи, мы съ великимъ удовольствіемъ и радостію разговѣлись,

чѣмъ Богъ послалъ. Не забыть былъ и гусь, какъ самое главное и лакомое кушанье.

По заведенному обычаю, весь причтъ села Кушалина въ 1-й день Рождества Христова ѣздилъ славить къ мѣстнымъ помѣщикамъ.

Отецъ послѣ обѣда запрягъ свою лошадь, взялъ меня и пригласилъ ѣхать на своей же лошади и священника Судакова.

Когда мы уѣли и выѣхали на улицу, то увидѣли, что выѣзжаютъ изъ своихъ дворовъ и всѣ члены причта: священникъ Срѣтенскій, діаконъ Морковинъ, дьячекъ Садиковъ съ своими дѣтьми, пономарь Никольскій и пономарь Николаевскій съ сыномъ Ваней.

Всѣ мы поѣхали черезъ деревни: Вельшино и Наденское въ сельцо Перелого къ помѣщикамъ Кегелевымъ.

Вошедши въ домъ, мы всѣ приглашены были пройти въ залъ, гдѣ, остановившись предъ иконою, начали пѣть сначала ирмосъ: Христосъ рождается, потомъ тропарь: Рождество Твое Христе. Боже нашъ и пр., какъ сказано выше.

Пѣніе выходило стройное и умилительное.

По окончаніи пѣнія, помѣщикъ Леопольдъ Феликсовичъ Кегель пригласилъ священниковъ и діакона садиться въ залъ, а жена Леоп. Ф., Ольга Андреевна Кегель, подойдя къ отцу и другимъ причтникамъ, сказала: „а вы, Михайла Ивановичъ, Иванъ Степановичъ, Иванъ Дмитріевичъ и Арсеній Васильевичъ, пожалуйста сюда“ и, отведя насъ въ комнату, смежную съ передней, дополнила: „расположитесь здѣсь!“

Конечно, и мы послѣдовали за своими родителями.

Здѣсь считаю нужнымъ описать личности владѣльцевъ с. Перелогъ.

Леопольдъ Феликсовичъ Кегель былъ маіоромъ Бѣжецкаго Уланскаго полка, высокій ростомъ, толстый, рыжій и вообще не только видный, но и страшный мужчина, къ тому же имѣлъ громкій голосъ и обладалъ большою силою.

Разъ онъ ударилъ за что-то своего старосту Іустина Евфимова, и тотъ три дня лежалъ. Крестьяне его 'очень боялись, говорили, что и въ лѣсу имъ онъ являлся. Очень часто въ разговорахъ употреблялъ выраженіе: „дда, шельмовство!“

Познакомился онъ съ своею женою Ольгою Андреевною въ дер. Тихоревѣ во время стоянки полка.

Ольга Андреевна, урожденная Пыпина, — дворянка маленькаго роста, но красивая.

Гостила она въ деревнѣ Тихоревѣ у помѣщицы Анны Дмитріевны Храмцовой (объ этомъ она лично рассказывала мнѣ, когда я былъ учителемъ ея дѣтей, о чемъ будетъ сказано ниже), и какъ-то разъ изъ окна увидѣла проходившаго мимо офицера, обратила на него свое вниманіе. Высокій ростъ его и мужественный и стройный видъ поразили Ольгу Андреевну. Она тотчасъ передала Аннѣ Д. Храмцовой, что сію минуту видѣла офицера высоченнаго и такого страшнаго, что едва ли какая барышня согласилась бы выдти за него замужъ, а вѣдь все-таки найдутся и такія.

Однако офицеръ этотъ все таки познакомился съ О. А. и сталъ ея мужемъ. Ольга Андреевна добавила, что суженаго на конѣ не объѣдешь.

Когда мы усѣлись въ отведенной намъ комнатѣ, пришелъ Л. Ф. съ графиномъ водки и началъ угощать нашихъ родителей. Лакеи принесли пирогъ и

подали чай. Отецъ мой похвалилъ водку, что было очень пріятно Л. Ф. и онъ сказалъ: „дда! шельмовство! Водку я самъ настаиваю и худой пить не люблю!“

Предъ уходомъ Ольга Андреевна пришла къ намъ и дала мнѣ и Ванѣ по 5 коп. сер., а отецъ мнѣ говоритъ: „цѣлуй скорѣ ручку барынѣ!“

Отъ Кегелевыхъ поѣхали мы въ дер. Тихорево къ помѣщицѣ Аннѣ Дмитріевнѣ Храмцовой. Анна Дмитріевна Храмцова была горничною у гг. Храмцовыхъ, и штабсъ-ротмистръ Храмцевъ женился на ней, такъ какъ она была въ молодости очень красива.

Въ описываемое время (1842—1843 гг.) она была уже старухою и вдовою. Доставшихся ей отъ мужа крестьянъ дер. Тихорева она отпустила на волю на льготныхъ условіяхъ, но крестьяне плохо относились къ ней.

А. Д. Х. очень любила почетъ, и въ церкви, за лѣвымъ клиросомъ, устроила себѣ за особую рѣшеткою возвышенное мѣсто и сидѣніе или скамью, и когда стояла на своемъ мѣстѣ, изъ за стѣны ея не видно было иконостаса и служенія, а особенно когда къ ней приходили и становились вмѣстѣ пріѣзжіе господа. Крестьяне богомольцы были этимъ недовольны.

По прибытіи въ домъ, началось такое же пѣніе, какъ у гг. Кегелевыхъ. По окончаніи пѣнія, духовенство расположилось въ двухъ комнатахъ. Началось угощеніе. Распоряжался староста А. Д., онъ же и церковный староста Петръ Григорьевичъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ.

Не видный собою, маленькій, худощавый, онъ былъ неутомимымъ труженикомъ для церкви Божіей. Вѣчная ему память!!

Когда въ 1838 году сгорѣла деревянная церковь (какъ было писано выше), въ церковной кружкѣ денегъ было 30 рублей ассигнаціями.

Петръ Григорьевичъ заявилъ священникамъ и прихожанамъ, что надо строить церковь. Всѣ начали просить Петра Григорьевича приложить стараніе. И онъ дѣйствительно всѣ силы свои, все умѣніе, не жалѣя и средствъ своихъ, употребилъ на постройку Храма Божія. Постоянно ѣздилъ въ Тверь и въ другія мѣста къ купцамъ и именитымъ лицамъ, у всѣхъ просилъ помощи и получалъ. Прихожанъ просилъ жертвовать на построеніе церкви хлѣбомъ, для чего заставлялъ ихъ составлять приговоры на пожертвованіе по мѣрѣ зерна съ души: ржи, ячменя или овса. Самъ ѣздилъ по деревнямъ и собиралъ хлѣбъ и всѣ пожертвованія, нѣсколько разъ въ годъ.

Крестьяне дер. Вѣднова согласились, почти безвозмездно, дѣлать кирпичи; крестьяне другихъ деревень обязались доставлять лѣсъ, обжигать кирпичъ и подвозить его къ мѣсту постройки церкви.

Крестьяне прочихъ деревень уговорились копать бутъ, возить песокъ, известъ, воду и проч. Однимъ словомъ, весь приходъ, воодушевленный П. Григорьевичемъ, какъ одинъ человѣкъ, старался чѣмъ нибудь оказать усердіе и помощь для построенія Церкви Божіей.

И Господь благословилъ доброе начинаніе блаженной памяти старосты Петра Григорьевича и стараніе и усердіе ко Храму Божьему всѣхъ прихожанъ села Кушалина, около 2000 человѣкъ.

Лѣтъ черезъ 7—8 былъ выстроенъ великолѣпный храмъ о трехъ престолахъ въ рядъ: средній престолъ во имя Сошествія Святаго Духа; по правую

сторону: во имя Святаго Пророка Божія Іліи и по лѣвую—во имя Святителя Николая Чудотворца. Иконостасъ весь рѣзной, вызолоченный, иконы и стѣнная живопись исполнены художниками: Зуевымъ и Ф. И. Нѣмцовымъ.

Освященіе средняго престола производилъ Архіепископъ Григорій, впослѣдствіи Митрополитъ С.П.Б. Освященіе престола во имя Прор. Божія Іліи—Архіепископъ Гавріилъ и освященіе престола во имя Святителя Николая Чудотв.—Архимандритъ Желтикова Монастыря—Платонъ.

Просидѣвъ у А. Д. до вечера, угостившись добре и получивъ мзду, мы всѣ отправились по домамъ.

Продрогшія лошади поскакали, а родители наши, подъ хмѣлькомъ, надумали еще хвастать своими лошадьми, чья лошадь перегонитъ другую.

У моего отца лошадь была рысистая, и онъ погналъ ее, опередилъ двухъ лошадей, а затѣмъ сани раскатились, онъ упалъ изъ саней и попалъ подъ сани ѣхавшей сзади лошади.

Я и сидѣвшій со мною священникъ Судаковъ остались въ саняхъ и очень испугались, не зная, что случилось съ отцомъ послѣ паденія, но, благодареніе Господу, отецъ немного ушибся, такъ какъ былъ глубокой снѣгъ, и, вернувшись къ намъ въ сани, на спросъ свящ. Судакова, не ушибся ли, отвѣчалъ: „ничего, ничего, это воробушекъ изъ саней слетѣлъ“. Этою поѣздкою и закончился первый день праздника Рождества Христова.

По пріѣздѣ домой, отецъ, убравъ лошадь, сказалъ: „теперь можно лѣзть и на кошачьи горы,“ т. е. на печку.

На другой день праздника, рано утромъ пошелъ я съ отцемъ и пономаремъ Никольскимъ славить по

селу. Священники не ходили славить, они постомъ ѣздили по деревнямъ съ такъ называемою постною молитвою, и имъ прихожане щедро насыпали въ мѣшки овесъ.

Проходили до полдень и очень проголодались.

Пошли домой, пообѣдали и опять до поздней ночи все ходили по селу, такъ какъ въ селѣ было болѣе 100 домовъ, и очень устали.

Предъ отходомъ ко сну, отецъ сказалъ матери, чтобы она растворила блины и завтра истопила печь до свѣта, такъ какъ мы поѣдемъ славить въ дер. Вѣдново, а деревня большая.

Мать проснулась очень рано, затопила печь и разбудила меня ѣсть блины. Отецъ всталъ уже ранѣе и принесъ въ избу хомутъ и шлею, чтобы отогрѣть, а то трудно запрягать лошадей.

Поѣвши блиновъ и гусятинки, отецъ пошелъ закладывать лошадей, а я началъ одѣваться. Еще до разсвѣта мы выѣхали съ отцомъ изъ дома и пріѣхали въ Вѣдново, отстоявшее отъ села въ 5 верстахъ, очень рано.

Остановились мы у дома кр. Ивана Спиридоновича—пріятеля отца. Мужики и бабы, увидя насъ, кричали: „славильщики пріѣхали! Рождайки пріѣхали!“ По входѣ въ домъ, И. С. сказалъ: „добро пожаловать, Михайло Иваныцъ! А это твой малышъ то?“ Отецъ отвѣчалъ: „мой, Иванъ Спиридоновичъ!“

— Небось, я баю, іонъ у тебя ужъ учитца?— „Какъ же, учится въ городѣ; за квартиру плачу за него 20 рублей,“ отвѣчалъ отецъ.

— Двадцать рублей, ты бай, сколь ни маленько ли! Я баю, М. И., нужно ихъ приготовить?—

Послѣ разговоръ мы пропѣли, что полагалось.

И. С. насыпалъ отцу въ мѣшокъ рѣшето овса и половину рѣшета на мою долю.

Отъ И. С. мы пошли въ слѣдующій домъ.

Нужно замѣтить, что всѣ крестьяне деревни Вѣднова зимою жили въ особыхъ маленькихъ избушкахъ—зимовкахъ, поставленныхъ нерѣдко позади двора, и чтобы попасть въ такую избенку, нужно было пройти весь дворъ, мимо лошадей, коровъ, овецъ и пр. Самыя зимовки всѣ были черныя, т. е. безъ трубъ, а во время топки открывалось въ потолокъ особое отверстіе надъ печью, дверь же отворялась настежь.

Тѣдкій дымъ наполнялъ всю хату чуть не до полу. Въ это время, для дополненія картины, впускали въ избенку куръ, иногда овецъ, свиней, гдѣ таковыя были, и въ заднемъ углу привязывали теленка, только что появившагося на свѣтъ Божій...

Малолѣтнія дѣти лежали на печкѣ, покрытыя шубами.

При такой обстановкѣ приходилось ходить въ избенки чуть не до полденъ, т. е. до времени, когда прекращалась топка печи.

Но и послѣ этого положеніе насъ, славельщиковъ, было не много лучше. Вся деревня Вѣдново занималась изготовленіемъ изъ сосноваго лѣса большихъ корзинъ (мостинъ для ношенія сѣна и соломы).

Для дѣланія корзинъ употреблялась дрань, которая предварительно распаривалась въ печи, отъ чего въ избѣ былъ сильный угаръ, и, кромѣ этого, вся маленькая избушка была завалена этою дранью и дѣлаемыми корзинами.

О пищѣ нечего было и думать. Нигдѣ и ничѣмъ не угощали. Уже предъ вечеромъ отецъ выпросилъ

для меня у своего пріятеля Терентія Васильевича молока, а самъ такъ и остался голоднымъ.

За славленіе платили исключительно овсомъ: въ зажиточныхъ домахъ по рѣшету; въ бѣдныхъ по маленькой чашкѣ. Отецъ носилъ овесъ въ мѣшкѣ съ собою, пока не наполнялся мѣшокъ; затѣмъ бралъ другой. Съ Вѣднова набирали мѣшка 3—4. Послѣ Вѣднова каждый день я ѣздилъ съ отцомъ въ другія деревни до самаго новаго года (1 января) славить.

Затѣмъ съ Ваней я проводилъ почти цѣлые дни на улицѣ. Любимымъ нашимъ занятіемъ было кататься на скабуркѣ. Скабуркою называлась скамейка длиною съ аршинъ. Нижняя доска ея искусственно замораживалась (*oletum vassae*), и вотъ на такой скабуркѣ мы и катались, или попеременно возили одинъ другого.

Кромѣ этого, любили мы ходить по льду рѣчки Кушалки и засорять льдомъ проруби, гдѣ происходило полосканіе бѣлья, называя таковое дѣйствіе взятіемъ крѣпости или города.

Бѣдныя женщины, приходя на проруби для полосканія бѣлья и видя прорубь заваленною льдомъ, съ руганью уходили къ другой проруби, но и тамъ то же находили. Тогда онѣ возвращались домой и просили мужей, отцовъ, или дѣтей прочистить проруби. Тѣ исполняли это съ большою бранью учинившихъ сіе.

Вечеромъ отецъ сажалъ меня за обиходъ, говоря: „Устинushка! теперь у насъ нѣтъ никакого дѣла, давай я поучу тебя пѣнію“ и начнетъ учить: „ну пой! по нотамъ: ми, ре, ми, фа, соль, фа, ми, ре, утъ, ре,“ потомъ по тексту: Все-е-мі-і-і-рную сла-а-ву и т. далѣе. А то и такъ было: проснешься утромъ рано,

отецъ увидить меня и спросить: ты ужъ, Устинушка, проснулся, поди на печку, погрѣйся! Мать, дай ему поѣсть молочка!“ Мать подаетъ мнѣ на печь въ маленькой деревянной чашкѣ молока. Поѣвши, отецъ говорить: „ну теперь, У., я принесу тебѣ обиходъ, давай маленько поучимся.“

Сядемъ мы съ отцомъ на печку, засвѣтитъ онъ лучинину, воткнетъ ее въ стѣну и начнетъ учить меня пѣть опять сначала по нотамъ, потомъ по текстамъ.

Особенно трудно было мнѣ заучить: „съ нами Богъ!“ По нотамъ это выходило такъ: фа, ля, соль, фа, соль, фа, ми, ре, утъ, ре, ми, ре, ми, фа, соль и т. д.

По текстамъ: съ на,-а,-а,-ми,-и,-и,-и Бо,-о,-огъ, ра,-а-зу,-у,-мѣйте, язы-и-и-и-ц-цы-ы-ы и т. д. Въ теченіе шести дней отецъ научилъ меня многому, такъ что я уже теперь не боялся пѣнія, пройдя впередъ далеко изъ того, что нужно будетъ изучать.

Прошли праздники, приближалось время опять ѣхать въ Тверь. 6-го Января, вечеромъ, я сходилъ къ своему о. крестному Судакову прописать на моемъ билетѣ надпись о моемъ поведеніи. Онъ написалъ, что во все время отпуска я велъ себя хорошо; въ церковь Божію ходилъ неопустительно. 8-го Января, утромъ, начала меня мать снаряжать въ дорогу, опять укладывая разную провизію и при этомъ спросила меня: „чай, Устинушка, ѣхать то тебѣ въ школу не очень хочется?“ Я отвѣтилъ ей: „и радъ бы, маменька, гусь на свадьбу не итти, да за крылышки тащатъ.“

Что, что ты говоришь, У.?—переспросила мать. И повторилъ: „Откуда ты слышалъ это?“—Слышалъ, маменька!!—А и дѣйствительно не помню, отъ кого первый разъ я услышалъ эту пословицу.

Окончивъ сборы, я поѣхалъ съ отцомъ въ городъ.

Одновременно выѣхалъ изъ села и Арсеній Васильевичъ Николаевскій съ сыномъ своимъ Ваней. Ъхали вмѣстѣ. По дорогѣ, передъ деревнями выходили изъ саней, чтобы посмотрѣть надпись на столбѣ, — какая деревня, и вотъ передъ деревней „Холопово“ я съ Ваней побѣжали къ столбу. Арсеній Васильевичъ закричалъ намъ: „ну читайте, какая деревня!“

Доска съ надписью на столбѣ названія деревни была нѣсколько покрыта снѣгомъ, и мы прочитали: „деревня Каюпово.“

„Ну, какая же деревня, отвѣчайте,“ спросилъ А.В. Мы отвѣчали: дер. „Каюпово.“ — „Ахъ вы срамники, неучи, читать-то неумѣете! Чему васъ тамъ въ школѣ-то учать. Вотъ, какъ начну васъ этимъ кнутомъ (у него въ рукахъ былъ кнутъ) стегать по спинѣ, такъ будете знать, какъ надо читать!“ проговорилъ Арсеній Васильевичъ. Сконфуженные мы сѣли въ сани и болѣе не любопытствовали.

Глава восьмая.

Возвращеніе въ Тверь.—Петръ Козыревъ.—Первая Пасхальная вакація.—Службы Страстной недѣли.—Опять хожденіе по приходу.—„Мускатель.“—Хороводы.—Угощеніе у крестьянъ.—Трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ.—Отъѣздъ въ Тверь.—Волга въ разливѣ.—Ученье послѣ Пасхи.

Пріѣхали въ городъ на прежнюю квартиру и въ тотъ же день къ вечеру пошли съ родителями своими являться къ Александру Семеновичу съ билетами. По приходѣ, отцы наши подали А. С. билеты и при этомъ по одному сер. рублю денегъ всунули ему въ руки. А. С. сказалъ: „спасибо, отцы, погодите я вамъ поднесу по рюмочкѣ водочки.“ Принесъ графинъ и наливъ рюмку, подалъ отцу моему; отецъ, выпивъ, сказалъ: „какая у васъ, А. С., водка-то хорошая: и украшена и уквашена!“—Хороша?—переспросилъ А. С.—Ну, выпей, отецъ, другую! Отецъ выпилъ и благодарилъ А. С. Потомъ А. С. точно также угостилъ водкою и Арсенія Васильевича, а я и Ваня стояли и смотрѣли.

Затѣмъ родители наши спросили А. С.: „хорошо ли учатся наши дѣти-то у васъ?“

А. С. отвѣчалъ: „учатся хорошо и ведутъ себя очень хорошо. У меня они: Николаевскій, Малеинъ и Митропольскій (сынъ свящ. села Астраганцы) самые лучшіе ученики. Не безпокойтесь о нихъ!“

Отецъ мой сказалъ: „спасибо вамъ, А. С., что хвалите нашихъ дѣтей-то, намъ это всего дороже.“

— Хорошіе, хорошіе ученики ваши дѣти, ступайте съ Богомъ и будьте покойны за нихъ,—проговорилъ А. С.

И мы всё довольные вышли отъ А. С.

Устроивши насъ на квартирѣ, родители наши на другой день уѣхали домой, а мы начали, по прежнему, ходить въ училище.

По пѣнію я оказалъ большіе успѣхи, и потому А. С. посадилъ около меня Петра Козырева, чтобы я его училъ пѣнію. У этого Козырева былъ надѣтъ овчинный тулупъ, покрытый крашениной (холстомъ крашенымъ), а воротникъ, чуть не до половины спины, собачій, издававшій весьма непріятный запахъ. И я, не перенося такого запаха, сидѣлъ, отвернувшись отъ Козырева.

Увидѣвъ это, А. С. закричалъ на меня: „Малейнъ! Что же ты сидишь, отвернувшись отъ Козырева, что же ты не учишь его?“

— Да, А. С., отъ Козырева худо пахнетъ!— отвѣчалъ я.

„Что такое? Худо пахнетъ, чѣмъ?“—продолжалъ спрашивать А. С.

— У него—Козырева—воротникъ на тулупѣ собачій,—со слезами на глазахъ отвѣтилъ я.

Все таки Козыревъ остался сидѣть со мною.

Незамѣтно время прошло до масляницы. На масляницу отпустили утромъ въ четвергъ, и опять отецъ пріѣхалъ за мною.

Въ чистый же понедѣльникъ снова отецъ повезъ меня въ городъ, такъ какъ на первой недѣлѣ заставляли насъ говѣть въ городѣ. Приобщались мы въ Отрочѣ монастырѣ.

Припоминаю, что когда на исповѣди духовникъ спросилъ меня, не имѣю ли я какихъ особыхъ грѣховъ, я отвѣчалъ ему, что въ чистый понедѣльникъ ѣлъ съ масломъ, а духовникъ отвѣтилъ мнѣ: „ты

нарушилъ постъ!“ *O sancta simplicitas!* Какъ измѣнился я теперь! только и могу сказать: „Господи, помилуй меня грѣшнаго и прости мои прегрѣшенія!“

Ученіе постомъ шло довольно вяло, безъ особенныхъ приключеній.

На вербной недѣлѣ А. Семеновичъ сказалъ намъ, чтобы мы подавали билеты, такъ какъ въ субботу насъ отпустить домой.

Отецъ опять пріѣхалъ за мною въ пятницу, а въ субботу насъ отпустили утромъ и выдали билеты. Мы съ радостію поѣхали; кажется, и Ваня поѣхалъ вмѣстѣ, въ родительскій домъ съ своимъ, блаженный памяти, дорогимъ заботливымъ отцомъ къ любящимъ меня такъ горячо: матери, бабушкѣ, сестрамъ и теткѣ, которыя уже всѣ, исключая одной сестры Кати, окончили свою труженическую жизнь. Вѣчная память имъ всѣмъ!! Опять всѣ съ великою радостію встрѣтили меня, и, разумѣется, вечеромъ мать вымыла меня въ печи и дала чистое бѣлье.

На другой день по пріѣздѣ, въ Вербное Воскресеніе, я съ Ваней уже стояли въ церкви съ вербой и свѣчой съ великою радостію.

Страстная недѣля была для насъ самымъ тяжелымъ временемъ.

Начиная съ страстного понедѣльника, каждодневно заставляли меня ходить въ церковь ко всѣмъ службамъ: будили рано къ утренѣ, а потомъ посылали къ часамъ и вечернѣ; до часовъ не давали ничего ѣсть, а и по окончаніи-то часовъ питались кое чѣмъ: капуста кислая съ квасомъ и лукомъ, тертая рѣдька, картофель въ мундирѣ, иногда горохъ, кисель гороховый, кисель овсяный безъ масла, щи изъ сѣрой капусты, и все это мы ѣли съ охотою, ожидая Свѣтлаго и Великаго Праздника Воскресенія Христова.

По окончаніи службы родители наши занимались въ церкви чисткою лампадъ, подсвѣчниковъ, паникадилъ и проч.

Я и Ваня также помогали имъ, и это занятіе намъ доставляло удовольствіе. Чистка происходила почти во всю Страстную недѣлю. Великую Пятницу и Великую Субботу проводили всѣ съ благоговѣніемъ.

Въ Пятницу утромъ, кромѣ бабушки, отправлялись въ церковь къ утренѣ, которая начиналась часовъ съ 4-хъ, слушать чтеніе 12 Евангелій, но священники, не знаю почему, читали Евангелія въ алтарѣ, такъ что и на клиросѣ не вполне слышно было, что они читали, а о стоящихъ среди и сзади церкви нечего и говорить. Утренняя продолжалась около четырехъ часовъ.

Въ 11 часовъ утра начинались часы, такъ называемые, царскіе. Въ 4 часа пополудни—вечерня. Въ Великую Субботу къ утренѣ начинали звонить въ 3-мъ часу утра, и служба продолжалась до 6 часовъ утра, и также всѣ мы были въ церкви.

Въ 10 час. утра зазвонили къ обѣднѣ, а окончилась она во 2-мъ часу пополудни.

Не много уже оставалось часовъ до наступленія Свѣтлаго Христова Воскресенія, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали этого часа и дня.

Вся изба наша была переполнена ночевальщиками, мужчинами и женщинами, которые лежали и на полу, и на лавкахъ, и на палатахъ, и на печкѣ.

Воздухъ въ избѣ былъ тяжелый.

Вотъ услышали мы благовѣстъ къ утренѣ. Всѣ богомольцы моментально проснулись, встали и начали одѣваться и умываться, поднялся шумъ, толкотня, каждому хотѣлось пораньше идти въ церковь, чтобы занять мѣсто поудобнѣе.

По уходѣ всѣхъ и мы начали собираться въ церковь. Я выпросилъ у матери сюртукъ, и она неохотно дала мнѣ его. Сюртукъ былъ длинный, суконный, перешитый изъ отцовскаго сюртука, когда отецъ былъ еще архіерейскимъ пѣвчимъ. Брюкъ я не имѣлъ никакихъ.

Ваня также пришелъ въ церковь въ сюртукъ.

Погода стояла холодная, церковь, тоже холодная, была съ чугуннымъ поломъ.

И мы, я и Ваня, стояли въ однихъ сюртукахъ, дрожали отъ холода, но находили какое-то необъяснимое удовольствіе надѣвать въ Свѣтлый Праздникъ сюртукъ.

Стояли мы на правомъ клиросѣ. Народу въ церкви было очень много. Служили два священника, и утренняя продолжалась болѣе двухъ часовъ, а со звономъ часа три. Черезъ часъ послѣ утрени, начался звонъ къ обѣднѣ. Обѣдня также продолжалась довольно долго.

Послѣ обѣдни пришли къ намъ изъ разныхъ деревень прихожане, пріятели отца, и мы всѣ вмѣстѣ, за однимъ столомъ, разговѣлись.

Тотчасъ послѣ закуски, пришелъ къ отцу церковный сторожъ и сказалъ: „Михайла Ивановичъ! Тебѣ о. Иванъ велѣлъ немедленно идти къ нему, говоритъ, пора по приходу ходить — богоносцы съ иконами уже давно ушли.

Отецъ спросилъ сторожа, не знаетъ ли онъ, куда богоносцы пошли съ иконами, сторожъ отвѣтилъ, что хорошо не знаетъ, а, кажется, пошли къ кабаку.

Отецъ сказалъ мнѣ: „одѣвайся, Устинушка, скорѣе, пойдемъ со мною!“

Пришли мы къ отцу Судакову. Я похристовался съ нимъ, онъ далъ мнѣ яйцо и спросилъ меня: „и ты, крестникъ, хочешь ходить съ нами, ну ладно, хорошо, ходи, ходи!“

Обратясь къ отцу, о. Иванъ сказалъ, что цѣловальникъ звалъ къ себѣ, и мы сначала и пойдѣмъ къ нему.

Отецъ отвѣчалъ: „какъ вамъ, батюшка, угодно будетъ.“

Пришли мы въ помѣщеніе питейнаго дома къ цѣловальнику, пользовавшемуся большимъ почетомъ среди жителей.

Богоносцы съ иконами стояли въ переднемъ углу.

Тутъ же были: діаконъ Михаилъ Егоровичъ Морковинъ и пономарь Иванъ Дмитріевичъ Никольскій, и тотчасъ начали пѣть молебенъ. Послѣ молебна цѣловальникъ просилъ батюшку и всѣхъ насъ присѣсть.

Когда иконы вынесли изъ дома, мы всѣ сѣли, цѣловальникъ предложилъ намъ чай, закуску и водку.

О. Иванъ отъ водки отказался, тогда цѣловальникъ сказалъ: „ну, бѣленькаго выкушайте, батюшка!“

Бѣленькое было, такъ называемое, „Мускатель“, издѣліе Кашинскаго купца Терликова, продававшееся за виноградное вино и стоившее 25 коп. сер. за бутылку — послабже и 30 коп. за бутылку — покрѣпче. Терликовъ нажилъ на этомъ винѣ 20 милліоновъ рублей ассигнаціями.

Въ Твери сильно торговалъ этимъ виномъ купецъ Коняевъ, нажившій также сотни тысячъ рублей. Почти въ каждомъ домѣ покупалось это вино.

О купцѣ Н. В. Терликовѣ я слышалъ отъ жителей гор. Кашина, когда жилъ въ этомъ городѣ и состоялъ на акцизной службѣ.

Между прочимъ, мнѣ передавали, что какой-то каторжникъ въ Сибири заявилъ, что ранѣе онъ жилъ въ Кашинѣ и занимался съ купцомъ Терликовымъ поддѣлкою кредитныхъ билетовъ.

Терликовъ, услышавъ объ этомъ, до того перепугался, что сдѣлался боленъ и просилъ казначея пересмотрѣть всѣ его кредитные билеты, которые посылалъ со своими молодцами (приказчиками) безъ счета въ мѣшкахъ. Казначей нѣсколько дней и ночей сидѣлъ надъ разсматриваніемъ этихъ денегъ и также безъ счета сдавалъ ихъ тѣмъ же молодцамъ, а эти, сколько имъ совѣсть позволяла, передавали Н. В. Терликову; онъ же, когда ему молодцы заявляли, что принесли деньги изъ казначейства, отвѣчалъ: „положите ихъ въ сундукъ, изъ котораго брали.“

Такимъ образомъ всѣ эти молодцы понабрали изрядную сумму денегъ и сдѣлались богачами-капиталистами, а одинъ молодецъ, М. И. З., кромѣ этого утащилъ у Терликова и секретный рецептъ, какъ готовить виноградныя вина. Фирма его и до селѣ существуетъ въ г. Кашинѣ. Другимъ же молодцамъ, говорятъ, деньги въ прокъ не пошли.

О. Иванъ выпилъ рюмку бѣленькаго и закусилъ.

Затѣмъ хозяинъ сталъ угощать простою водкою діакона и отца. Они выпили. Пономарь отъ водки отказался, и ему цѣловальникъ налилъ бѣленькаго, пономарь выпилъ; наконецъ, цѣловальникъ подошелъ ко мнѣ и сталъ наливать рюмку „бѣленькаго.“ Я не зналъ, какъ поступить: выпить хотѣлось, а боялся отца и крестнаго, священника о. Ивана. Отецъ вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ: „выпей, Устинушка! Это слабое вино, ничего не будетъ!“ Я выпилъ, и мнѣ понравился этотъ „Мускатель“.

Всѣ мы тутъ посидѣли порядочно — выпили и закусили изрядно и въ добавокъ получили по нѣскольку копѣекъ денегъ.

Довольные, мы отправились въ слѣдующіе дома, гдѣ также нерѣдко приглашали выпить и закусить, послѣ молебна. И пили и ѣли нѣсколько разъ!!

А на улицѣ уже было большое веселье. Многіе, подвыпивши и пошатываясь, ходили по улицѣ, напѣвая пѣсни; иные, встрѣчаясь одинъ съ другимъ, христосовались, обнимались и такъ шли, горячо разговаривая, и, наконецъ, оба падали... Не обошлось дѣло и безъ брани.

На мосту черезъ рѣчку Кушалку парни и дѣвицы устроили хороводъ, плясали и пѣли хороводныя пѣсни; вотъ для примѣру одна:

„Сказали мнѣ про зайнюку:

Не живъ, не здоровъ,

Сказали мнѣ про сѣраго:

Гулять нейдетъ.

Зайнюка по сѣничкамъ

Ходилъ да гулялъ,

Топы, топы.

Сѣренькій по новымъ

Разгуливалъ, гулялъ,

Топы, топы.

Некуда зайнюкъ выпрыгнуть,

Некуда сѣренькому выскочити,

Ужъ какъ семеро воротъ

Крѣпко заперты стоятъ,

У каждаго воротъ

По три сторожа стоятъ,

Всѣ сторожа

Во ряды гулять ушли,

Они ключики съ замочковъ

По кармашкамъ разнесли.
Не хочу тафты,
Золотой парчи,
Хочу ситчику,
Полосатенькаго,
Беру дѣвицу за рученьку,
Расхорошенькую...”

Ходили мы по селу съ иконами и пѣли молебны до вечерни, а къ вечернѣ начали звонить около сумерекъ.

У вечерни народу было не много. Многіе были уже не въ состояніи итти въ церковь Божію.

На другой день Свѣтлаго Христова Воскресенія служба кончилась рано, и мы въ томъ же составѣ отправились опять въ село пѣть молебны.

Все шло такъ же, какъ и вчера: служили молебны, неоднократно присаживались, пили и ѣли, народъ также по улицамъ ходилъ веселый; пѣли пѣсни; дѣвицы устраивали хороводы.

Въ Четвергъ на Пасхѣ изъ деревни Вѣднова прислали двѣ подводы за нами.

На одной помѣстился священникъ о. Судаковъ съ діакономъ М., а на другой я съ отцомъ и пономарь Н.

Въ деревнѣ встрѣтили насъ радушно.

Жители были народъ довольно зажиточный и религіозный.

Въ первомъ же домѣ, у котораго мы остановились, хозяинъ просилъ священника отслужить молебенъ съ водосвятиемъ.

Мы всѣ пошли во дворъ; ворота были отворены; дворъ густо устланъ соломой.

Лошади, коровы и вся скотина были загорожены въ разныхъ мѣстахъ. Посреди двора былъ поставленъ столъ, накрытый бѣлою скатертью. На столѣ стояла большая чашка съ водою, на которую священникъ положилъ Крестъ; кругомъ стола стали богоносцы съ иконами.

Началось молебствіе, причемъ кромѣ насъ и животныя воздвигали свой гласъ.

Со двора, по освященіи воды, пѣли въ домѣ.

Лѣстница и полъ въ избѣ также устланы были соломой. Въ избѣ, въ переднемъ углу, стоялъ большой столъ, также накрытый, на столѣ хлѣбъ для духовенства. Подъ столомъ сѣно.

Къ Пасхѣ всѣ жители изъ зимовокъ перебирались въ лѣтнія избы, которыя были тщательно вымыты и украшены нѣсколькими лубочными картинами.

Въ домѣ также начали пѣть пасхальный молебенъ.

По окончаніи молебна хозяинъ, приложившись къ кресту и Св. иконамъ, со всѣми нами похристосовался и далъ по яйцу, потомъ сталъ расплачиваться: за водосвятіе 70 к. асс., за молебенъ 70 к. асс., діакону 35 к. асс., отцу и пономарю по 21 к. асс., мнѣ 5½ к. асс. (мѣдный пятакъ).

Затѣмъ, поклонившись земно съ женою священнику, хозяинъ просилъ его присѣсть: „Я баю, батюшка, о. Иванъ, послѣ молебна-то, помолившись, присядьте у меня, разоблачитесь, закусите маленько!“

— Не много еще находили-то, Терентій Васильевичъ, не устали и не проголодались,—отвѣчалъ о. Иванъ.

„Нѣтъ ужъ, какъ хотите, а сдѣлайте милость—присядьте, закусите!“ просилъ хозяинъ.

— Ну, чтожъ дѣлать, готовься, Терентій Васильевичъ!—Терентій В. закричалъ на жену: „ну, стряпуха, давай все, что тамъ у тебя есть!“

Священникъ и діаконъ сняли облаченія, и всѣ мы сѣли за столъ.

Хозяйка принесла большой житный пирогъ съ овсяною крупкою и яйцами и разрѣзала его на части. Потомъ принесла на деревянной тарелкѣ большой кусокъ варенаго мяса и также начала его рѣзать; разрѣзавши, принесла баранины, чуть не половину барана; эту уже началъ рѣзать самъ хозяинъ. Хозяйка принесла соленыхъ огурцовъ и въ заключеніе прыжниковъ-жемковъ.

Хозяинъ поставилъ на столъ полуштофъ обыкновенной водки и бутылку бѣленькаго „Мускателя.“ Когда все это было поставлено на столъ, хозяинъ, взявъ въ руки полштофъ и стаканъ, подошелъ къ священнику и сказалъ: „благословите, батюшка!“ Священникъ благословилъ. Тогда хозяинъ, наливъ стаканъ водки, просилъ священника выпить, а священникъ отвѣтилъ: „тебѣ, Т. В., Богъ велѣлъ, выпей самъ!“ Т. В. три раза перекрестился и выпилъ. Выпивъ, онъ снова налилъ стаканъ и поднесъ священнику, а тотъ сказалъ: „развѣ не знаешь, Т. В., я водки не пью, подноси діакону и Михайлѣ Ивановичу.“

— Я баю, батюшка о. Иванъ, совѣмъ забывалъ! Ну я сейчасъ бѣленькаго налью! Прости ужъ!—Налилъ бѣленькаго и поднесъ о Ивану; онъ выпилъ и началъ закусывать.

Затѣмъ хозяинъ сталъ угощать виномъ дьякона, отца моего, а потомъ „бѣленькимъ“ пономаря и меня; я, взглянувъ на отца, который ничего мнѣ не сказалъ, выпилъ, и всѣ мы приступили къ закускѣ.

Тѣмъ временемъ хозяйка дома, взявъ въ руки большой, деревянный, крашеный ковшъ съ двумя лошадиными головками на верху, подошла къ священнику, поклонилась и просила благословить ковшъ, такъ какъ она пойдетъ за пивомъ. Получивъ благословеніе, она отправилась въ подполъ (ходъ около печи), тамъ налила въ ковшъ пива, поднесла къ священнику и просила его откусать ея пивца.

О. Иванъ сказалъ ей: „ну-ко-ся сама-то прежде попробуй!“ Она попила и опять просила о. Ивана, но онъ отказался.

Хозяйка пошла угощать пивомъ дьякона, всѣхъ насъ и всѣхъ гостей, бывшихъ въ избѣ. Всѣ пили и всѣ хвалили.

Посидѣвъ немного времени у Т. В., мы отправились въ слѣдующій домъ, гдѣ обстановка избы была та же; также все было вымыто, вычищено, на полу постлана солома, а на передней стѣнѣ около божницы развѣшаны лубочныя картины.

Во время молебна пономарь Никольскій, толкнувъ меня, указалъ пальцемъ на одну картину. Я всмотрѣлся пристально и очень удивился изображенію на этой картинѣ.

На картинѣ было написано красками: „трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ“. Самая картина раздѣлена на двѣ половины. На одной половинѣ изображено: сидятъ нѣсколько человѣкъ благочестивыхъ за столомъ, чинно, въ прямомъ положеніи, лица у нихъ серьезные, въ рукахъ ложки, посреди стола стоитъ большая чашка, наполненная какою-то жидкостью, и всѣ они ѣдятъ изъ этой чашки, а Ангелъ Господень съ крыльями стоитъ около обѣдающихъ и близъ чашки и благословляетъ.

На другой половинѣ той же картины изображено: сидятъ, также за столомъ, нечестивые съ ложками въ рукахъ, но сидятъ не чинно, развалившись, толкаются и смѣются; предъ ними большая чашка съ жидкостью, и они ѣдятъ изъ этой чашки, а надъ чашкой дьяволъ съ рогами сидитъ орликомъ и пакости дѣлетъ въ самую чашку.

Эта картина встрѣчалась въ нѣсколькихъ домахъ, но потомъ нигдѣ не могъ я отыскать ея...

Когда отслужили молебны домахъ въ 5 — 6, опять начали хозяева приглашать закусить, и опять о. Иванъ сначала отказывался, но потомъ соглашался, снималъ ризу и садился; разумѣется, и мы усаживались за столомъ, причемъ было и нѣкоторое разнообразіе въ кушаньяхъ.

Вмѣсто житнаго пирога подавался пшеничный изъ 2-го сорта муки, вмѣсто говядины и баранины — телятина, въ дополненіе къ этому крупеникъ на сковородѣ, молочная житная или овсяная каша, но верхомъ угощенія почитался подаваемый медъ въ сотахъ, который я тогда такъ любилъ, а теперь не могу ѣсть.

О водкѣ, бѣломъ винѣ (Мускатель) и пивѣ нечего и говорить. Это въ каждомъ домѣ считалось существенною принадлежностью къ столу.

Такимъ образомъ закуски эти повторялись чуть не каждый часъ и, разумѣется, всякій разъ съ возліаніемъ...

Въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ домахъ о. Иванъ, получивъ плату за молебенъ, вынималъ изъ за пазухи маленькую, толстую тетрадь и, обращаясь къ хозяевамъ, примѣрно къ Арсенію, говорилъ такъ: „а что же, Арсеній, за духовность-то когда же отдашь? вѣдь за тобою числится старыхъ три гривны, да новыхъ

семь гривенъ, цѣлый рубль!“ Арсеній кланялся земно и просилъ еще повременить: „Я баю, батюшка о. Иванъ, отдамъ, повремени, нужда все!“ Иногда о. Иванъ получалъ за духовность сполна, или часть, и отмѣчалъ въ своей тетрадкѣ. У отца Ивана положено было за духовность (за исповѣдь и причащеніе) брать съ каждой души по 10 коп. ассигнаціями (3 коп. сер.).

Въ каждомъ домѣ, кромѣ общей платы за молебень, давали еще поручныхъ: діакону отъ 35 к. до 52½ коп. асс., отцу и пономарю отъ 20 к. до 35 к. асс., мнѣ иногда грошъ 2 к. (½ к. сер.), иногда и пятакъ (1½ коп. сер.), такъ что я со всего прихода набиралъ до 6 рублей ассигнаціями.

Въ Пятницу на Пасхѣ, вечеромъ, окончилось наше хожденіе по приходу.

Въ Субботу, по окончаніи службы, дьяконъ, отецъ и пономарь пошли къ о. Ивану дѣлить доходъ. Священникъ взялъ себѣ половину денегъ, а другую половину раздѣлилъ поровну остальнымъ членамъ причта, при чемъ дьяконъ и отъ другого священника также получалъ причетническую часть.

Въ Омино Воскресенье истекалъ срокъ моего отпуска.

Вечеромъ я отправился къ о. Ивану съ билетомъ для сдѣланія надписи о моемъ поведеніи во время отпуска. О. Иванъ, конечно, написалъ прекрасный обо мнѣ отзывъ, благословилъ меня, какъ своего крестника, пожелалъ быть бакалавромъ и далъ 20 к. сер., за что я поцѣловалъ его руку.

Въ понедѣльникъ надо было ѣхать въ Тверь. Еще въ Воскресенье послѣ обѣда отецъ позвалъ какого-то мужичка чинить телѣгу...

Рано утромъ начался нашъ сборъ въ городъ, какъ и прежде. Мать начала ставить въ телѣгу: ведерку творогу, горшокъ сметаны, корзинку яицъ, мѣшокъ картофеля, часть баранины, въ маленькой корзинкѣ слобныхъ житныхъ лепешекъ, а отецъ поправлялъ въ телѣгѣ всѣ эти продукты, вздыхалъ и говорилъ: „не знаю, мать, какъ Богъ насъ донесетъ до города; говорятъ, дорога чистая гибель.“

Послѣ обычнаго прощанія съ матерью и всѣми домашними мы поѣхали въ Тверь.

Одновременно отправился и Арсеній Васильевичъ Николаевскій съ Ваней.

И дѣйствительно, дорога была чистая гибель.

Едва мы отъѣхали двѣ версты до села Рождества, какъ лошади наши, чѣмъ дальше шли, тѣмъ болѣе вязли въ грязи. Почти вся дорога проходила лѣсомъ, почему крестьяне и прозвали ее сибирною дорогою, такъ какъ и Царь Симеонъ Бекбулатовичъ Годуновымъ сосланъ былъ въ село Кушалино, какъ въ ссылочное мѣсто, о чемъ сказано выше.

Бабка моя Федосья Яковлевна говорила, что при дѣдахъ ея около Кушалина жили разбойники, которые на праздники пріѣзжали въ село, и крестьяне угощали ихъ виномъ и пивомъ, причемъ бабка дополняла, что въ то время у каждого зажиточнаго крестьянина были свои ситки, и они сами сидѣли (приготовляли) вино; даже и у дѣдовъ ея были въ подполѣ такіе же ситки.

Разбойники, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе становились нахальными, и крестьянамъ стало тяжело угощать ихъ и давать подарки; поэтому всѣ крестьяне согласились истребить разбойниковъ, для чего запаслись ружьями, и, когда въ одинъ празд-

никъ разбойники пріѣхали верхомъ на лошадяхъ въ село, крестьяне напоили ихъ виномъ и пивомъ до пьяна.

Когда же пьяные разбойники съ пѣснями поѣхали изъ села, крестьяне съ двухъ сторонъ изъ оконъ начали стрѣлять въ разбойниковъ и всѣхъ ихъ убили и зарыли въ одну могилу, которую, по словамъ бабки, знали многіе крестьяне.

Но я нѣсколько уклонился отъ описанія своей поѣздки въ городъ; продолжаю.

Отѣхавъ 15 верстъ, отцы наши нашли необходимымъ сдѣлать остановку, такъ какъ лошади уже не могли далѣе идти, да и сами мы также всѣ устали. Остановились въ деревнѣ Василевѣ, гдѣ былъ кабакъ.

Арсеній Васильевичъ Николаевскій сказалъ отцу: „пойдемъ, Михаилъ Ивановичъ, выпьемъ!“ Отецъ отвѣчалъ: „охъ! Арсеній Васильевичъ, выпить-то смерть хочется, да денегъ жалко;“ обратясь ко мнѣ, отецъ спросилъ меня: „али выпить, Устинушка? вѣдь я очень усталъ, я выпью только на пятакъ!“ Я отвѣтилъ, чтожъ можно на пятакъ и выпить! Отцы наши сходили въ кабачекъ и выпили на пятакъ! Тутъ мы всѣ и закусили яйцами, сдобными лепешками и бараниной.

Послѣ отдыха потащились далѣе; дорога была все такая же грязная; лошади едва вытаскивали ноги изъ грязи и глины. Вотъ уже осталось три версты до города.

Въ 2-хъ верстахъ отъ города, на берегу рѣки Тверцы, расположена деревня „Глазково.“ Подѣзжая къ деревнѣ, мы съ ужасомъ увидѣли, что вся она въ водѣ: нѣкоторыя избы покрыты водою до самой крыши, нѣкоторыя покривились на бокъ, иныя упали

впередъ носомъ, а одна изба перевернулась задомъ напередъ. Нельзя было видѣть безъ слезъ такое зрѣлище!!

Жители всѣ выѣхали изъ деревни со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ на близъ лежащую горку, гдѣ и расположились. Нѣкоторые зажгли костры и что-то варили на нихъ, другіе устроили что-то въ родѣ шалашей, въ которыхъ лежали и сидѣли мужчины и женщины, а около нихъ бѣгали дѣти, иные же безцѣльно бродили взадъ и впередъ, опустивъ голову. Невдалекѣ отъ нихъ пасся скотъ: тутъ были и лошади, и коровы, и овцы, и козы, и свиньи; тутъ же ходили и гуси, и куры. По словамъ Глазковцевъ, такое бѣдствіе постигло ихъ отъ необыкновеннаго разлива рѣки Волги, и они уже третій день находятся тутъ и не знаютъ, долго ли имъ придется такъ бѣдствовать.

Обыкновенною дорогою нельзя было въѣхать въ городъ, пришлось далеко объѣзжать.

По въѣздѣ въ городъ мы увидѣли такое же зрѣлище.

Набережная улица рѣки Тверцы также вся была въ водѣ; по нѣкоторымъ улицамъ Затверецкой части плавали лодки, въ которыхъ и доставляли обывателей въ ихъ дома. По берегу рѣки Тверцы стояло много лодокъ для перевоза. Это былъ своего рода промыселъ для бѣдныхъ жителей этой части.

Мы расположились на одномъ постояломъ дворѣ, и такъ какъ съ лошадью невозможно было переправиться черезъ Тверцу въ Заволжскую часть, чтобы попасть въ квартиру, то, отдохнувъ, мы взяли часть своихъ вещей и пошли къ лодочникамъ, которые и согласились перевезти насъ на другую сторону за три коп. сер. съ cadaго человѣка.

Сѣли мы въ лодку у Никитской церкви, а приплыли къ оградѣ Отроча Монастыря далѣе башни, причемъ замѣтили, что большая часть башни была въ водѣ и у написанныхъ на стѣнѣ башни Святыхъ Угодниковъ Арсенія Чудотворца и Михаила Благовѣрнаго видны только головы, хотя они изображены были во весь ростъ и въ увеличенномъ видѣ.

Набережная рѣки Волги, ниже устья Тверцы, также была затоплена водою.

Далѣе за городомъ виднѣлась какая-то затопленная деревня.

Не могу описать, съ какимъ удивленіемъ и страхомъ я смотрѣлъ на это огромное водное пространство и на стоявшія въ водѣ всякаго рода строенія, а плаваніе въ лодкѣ доставляло мнѣ большое удовольствіе, хотя и соединенное со страхомъ. По Волгѣ плавали въ разныхъ мѣстахъ лодки съ народомъ, переправлявшимся съ одной стороны рѣки на другую.

Раза три намъ пришлось переплывать съ своими вещами черезъ Тверцу, и лодочники уже стали брать съ насъ за перевозъ дешевле.

Устроившись на квартирѣ, мы пошли съ билетомъ къ Александру Семеновичу. Похристосовались съ нимъ, дали ему по яйцу, а отцы наши по 1 руб. денегъ. А. С. опять поднесъ отцамъ водки и спросилъ, какъ мы доѣхали до города. Отецъ мой отвѣчалъ: „не говорите, А. С., чистая погибель дорога“.

Ученье послѣ Пасхи пошло обычнымъ порядкомъ до наступленія теплой погоды, а потомъ что дальше, то тяжелѣе становилось сидѣть въ классѣ. Воздухъ спертый; необыкновенная жара въ классѣ... Появляется жажда, а при училищѣ въ то время не было близко и колодца. Пойдешь въ сторожку и

увидишь въ корридорѣ у сторожа ведро съ водою, припадешь къ ведру и начнешь съ жадностью пить изъ ведра. Вдругъ выходитъ сторожъ и, увидя пьющаго воду, кричитъ: „ты, што тутъ дѣлаешь? воду пьешь? развѣ я обязался для васъ таскать воду съ Тверцы? Давай грошъ!“—Степанъ, у меня нѣтъ, принесу.—„То-то принесу!! Ну пей, пей!“

Ходили мы въ классъ въ нанковыхъ халатахъ босикомъ, брюкъ не имѣли, оттого на ногахъ были такъ называемыя „цыпки“ (кожа трескалась и сочи-лась кровь).

Глава девятая.

Приготовленія къ публичному экзамену.—Цвѣты.—Торжество.—Лѣтнія каникулы.—Новая квартира.—А. Т. Городецкій.—Кривая колодка.—Клементій Алексѣвичъ.—Обвалъ потолка въ училищѣ.—Путешествіе домой пѣшкомъ на Пасху.

Наступилъ Іюль мѣсяцъ. Въ первыхъ числахъ начались экзамены въ 3 и 4 классахъ, а потомъ постепенно во 2-мъ и у насъ въ 1-мъ.

Пришелъ къ намъ о. Ректоръ, спросилъ нѣкоторыхъ учениковъ изъ Священной исторіи и ушелъ. На 15-е Іюля назначенъ былъ публичный экзаменъ.

Всѣхъ учениковъ дней за пять отпустили по квартирамъ для приготовленія къ экзамену. Ученикамъ первыхъ трехъ классовъ приказано было нарвать въ полѣ васильковъ и поповъ (родъ ромашки); нанизать на нитку того и другого цвѣтка по сажени и сдать въ 4-мъ классѣ старшему ученику.

Въ замѣнъ этого можно было принести нѣсколько садовыхъ цвѣтовъ: піона, розы, левкоя, гвоздики, петуніи и пр. и пр. И вотъ для полученія этихъ цвѣтовъ мы ходили по Твери и, гдѣ находили предъ домами палисадники съ цвѣтами, останавливались, снимали картузы и стояли до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не показывался изъ дома. При видѣ кого-либо, мы начинали просить дать намъ цвѣточковъ для публичнаго экзамена. Въ нѣкоторыхъ домахъ намъ давали кое какихъ цвѣтовъ, и мы, низко кланяясь, благодарили дающихъ; въ другихъ домахъ со смѣхомъ отказывали въ нашей просьбѣ.

Весь 4-й классъ былъ занятъ убранствомъ зала, въ которомъ долженъ состояться публичный экзаменъ.

Изъ еловыхъ вѣтвей было сдѣлано 12 столбовъ, по 2 столба въ рядъ, а между ними проходы. Столбы поставлены были кругомъ. Изъ цвѣтовъ было сдѣлано нѣсколько люстръ, вензелей съ инициалами: Г. А. Т. (Григорій, Архіепископъ Тверской), расположенныхъ вверху между столбами.

Въ потолкѣ, родъ карниза, вколоты были болотные цвѣты, такъ называемые кувшинчики, головками внизъ,

На полу былъ разостланъ большой коверъ, сдѣланный изъ живыхъ цвѣтовъ: главнымъ образомъ изъ васильковъ, поповъ, толщиною въ четверть аршина, съ большимъ, двуглавымъ орломъ посрединѣ и съ инициалами.

По срединѣ зала, въ кругу между столбами, поставленъ былъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ кистями золотыми. По сторонамъ: кресла и стулья. На столѣ нѣсколько букетовъ изъ собранныхъ (выпрошенныхъ) учениками.

15-го Іюля въ 9 часовъ утра собрались въ залъ начальство, учащіе и учащіеся. Пришли Архіерейскіе пѣвчіе. Всѣ стояли въ ожиданіи пріѣзда Архіерея. Пріѣхали также: Губернаторъ, Директоръ гимназіи, Городской голова и другія почетныя лица города.

Вдругъ раздался звонъ въ одной церкви, затѣмъ въ другой, третьей. Всѣ встревожились: начальство и учащіе изъ зала вышли на троттуаръ. Вотъ пріѣхала карета съ Архіереемъ.

Начальство вывело его изъ кареты и подъ руки повело въ залъ. Едва Архіерей вступилъ въ дверь, какъ пѣвчіе запѣли: „днесь благодать Святаго Духа на съ собра...“ и послѣ: „исъ полла эти, деспота“.

Затѣмъ стали подходить къ Архіерею для благословенія: Губернаторъ, Директоръ гимназіи и всѣ начальствующіе и учащіе. Благословивъ всѣхъ, Архіерей сѣлъ по срединѣ стола. Тогда сѣли и всѣ приглашенныя лица.

Тотчасъ изъ за столбовъ вышелъ одинъ ученикъ на середину и, ставши ниже ковра, началъ говорить рѣчь.

Послѣ рѣчи Архіерей вызвалъ одного ученика по списку и сталъ задавать вопросы по какому-то предмету, не упомяну. Потомъ вызвалъ другого.

Произносились еще рѣчи на латинскомъ ¹⁾ и греческомъ языкахъ, но все это, разумѣется, было показное. Спрашивали первыхъ учениковъ. О чемъ будутъ спрашивать, заранѣе было извѣстно.

Экзаменъ продолжался болѣе двухъ часовъ.

По окончаніи экзамена пѣвчіе запѣли: „Тебе Бога Хвалимъ“. Архіерей всталъ и началъ прощаться со всѣми, опять благословляя каждого, кромѣ учениковъ.

По уходѣ Архіерея, котораго опять начальствующія лица, подъ руки повели и посадили въ карету, и другихъ приглашенныхъ лицъ, намъ, ученикамъ всѣхъ классовъ, прочитали переводные списки! Я и Ваня были переведены во 2-й классъ съ похвальными книжками: „Ходи въ домъ Божій съ особымъ усердіемъ,“ Слово Высокопреосвященнѣйшаго Григорія, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, сказанное при освященіи... церкви (не упомяну, какой, и книжка утеряна). Намъ выдали билеты, какъ ученикамъ II класса, съ прописаніемъ, что увольняемся въ домъ родителей срокомъ отъ 15 Іюля до 1 Сентября 1843 года,

¹⁾ Латинская рѣчь начиналась такъ: „Eminentissime antistes, fautor litterarum optime, vosque viri doctissimi...“

а, кромѣ этого, мнѣ и Ванѣ Николаевскому—по означенной, наградной книжкѣ. Радости нашей не было предѣловъ.

По приходѣ на квартиру, мы изорвали тетради чистописанія, чернильницы разбили о камень, перья изломали. Однимъ словомъ, не знали, что намъ дѣлать отъ радости.

Къ вечеру 15-го Іюля пріѣхалъ отецъ за мною.

За Ваней также пріѣхалъ отецъ. 16-го, рано утромъ, мы выѣхали изъ города и около полудня пріѣхали домой.

Едва подъѣхали къ дому, какъ я выскочилъ изъ телѣги и, увидя встрѣчавшихъ насъ мать, бабушку и всѣхъ семейныхъ, закричалъ: „маменька! меня перевели во 2-й классъ и дали мнѣ и Ванѣ по похвальной книжкѣ, а отпустили насъ до 1 Сентября.“ Мать со слезами на глазахъ отвѣчала: „Ну, и слава Богу, Устинushка, вотъ теперь и отдохнешь!“ Бабушка, тетка, сестры и братъ, маленькій Петя,—всѣ, также, съ радостью обнимали и цѣловали меня.

На другой день по пріѣздѣ я и Ваня отправились на рѣку Кушалку ловить рыбу рѣшетомъ.

Рубашки свои мы подняли и засучили до самаго воротника, а шею обернули портками, какъ шарфомъ. Ловили пискарей, небольшихъ плотицъ и менюшекъ (маленькій налимъ). Ваня былъ искуснѣе меня въ ловитвѣ, а у меня, большею частію, рыба изъ рѣшета выскакивала обратно въ воду, и я чуть не плакалъ съ досады, а Ваня смѣялся надо мною.

На слѣдующій день мы отправились въ лѣсъ, „Сосуновку“ за грибами. Здѣсь я больше находилъ грибовъ, такъ какъ Ваня былъ близорукъ, и я надъ нимъ подтрунивалъ.

Во время сѣнокоса мы помогали своимъ родителямъ ворошить и грести сѣно, а вспотѣвши, все купались въ рѣкѣ Кушалкѣ безъ всякаго стѣсненія.

Во время жатвы хлѣба я приносилъ своимъ жнеямъ завтракъ и въ шапкѣ воду изъ ключа, такъ какъ у жней была большая жажда отъ сильнаго солнечнаго зноя и тяжелой работы, а Ваня даже и жалъ. Учили и меня жать, но я, владѣя лучше лѣвою рукою, не могъ держать серпъ въ правой и жать; тогда отецъ сказалъ: „оставьте его (меня), а то срѣжетъ правую руку, и нельзя ему будетъ писать.“ Такъ меня и освободили отъ жатвы.

Когда поспѣло жито, меня заставляли собирать упавшіе при жатвѣ колосья.

Во все воскресные и праздничные дни я ходилъ въ церковь, становился на клиросъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Ваней, за что отъ Антона Кузьмича и получали по грошу, а иногда и по 1 копѣйкѣ серебромъ, которыя мы въ тотъ же день и проигрывали въ бабки крестьянскимъ ребятишкамъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ ходили почти всемъ семействомъ за ягодами—брусникою.

Отправлялись обыкновенно утромъ и собирали ягоды чуть не до вечера, претерпѣвая и голодъ, а болѣе—жажду.

Не рѣдко, во мху, пили воду изъ подъ ноги. Нажмешь крѣпко ногою мохъ, покажется вода, и вотъ пригоршнями обѣихъ рукъ берешь эту воду и пьешь.

За ягодами приходилось ходить далеко, верстъ 8—9 отъ села.

Такъ проводили мы каникулярное время.

Приближался Сентябрь мѣсяцъ.

Въ послѣднихъ числахъ Августа опять отслужилъ намъ молебенъ О. Іоаннъ Судаковъ, не позабывъ также пожелать мнѣ быть бакалавромъ.

31-го Августа я сходилъ къ О. Іоанну съ билетомъ. Онъ сдѣлалъ на билетѣ самую хорошую надпись обо мнѣ, благословилъ меня и далъ какую то серебряную монету, пожелавъ при этомъ хорошихъ успѣховъ.

Въ тотъ же день отецъ опять призвалъ мужика чинить телѣгу. Мужикъ, осмотрѣвъ телѣгу, сказалъ: „надо бы, Михайло Иваныцъ, новую телѣжонку огорить!“—Надо бы, надо бы, да все животы коротки, суймытоне хватаетъ, почини ужъ какъ нибудь эту,—отвѣтилъ отецъ. Крестьянинъ принялся чинить.

1-го Сентября мы всѣ встали рано утромъ. Послѣ завтрака начались обыкновенные сборы съ поклажею въ телѣгу разныхъ съѣстныхъ продуктовъ, затѣмъ прощаніе со всѣми, и наконецъ, мы поѣхали.

Отецъ говорилъ: „дорога, славу Богу, теперь хорошая; Богъ дастъ, не поздно пріѣдемъ въ городъ.“

По пріѣздѣ на квартиру съ нами случился неожиданный сюрпризъ. Хозяйка объявила намъ, что болѣе не намѣрена держать квартирантовъ и что бы мы пріискали себѣ новую квартиру.

Озадаченные такимъ заявленіемъ мы пошли искать себѣ квартиру.

На 2-й Троицкой улицѣ мы нашли квартиру въ двухъ-этажномъ домѣ мѣщанки Мавры Григорьевны (фамилію не упомяну), гдѣ уже жило нѣсколько квартирантовъ, съ нами еще поселился родственникъ Вани Николаевского Ваня Груздовъ. Такъ мы и жили трое. Намъ дали прозвище: Груздову Волкъ, Ванѣ Николаевскому Лисица, мнѣ Заяцъ.

Прозвища эти вполне соответствовали каждому изъ насъ.

Груздовъ, имѣя отличныя способности, заболтался еще въ 4-мъ классѣ училища, пересталъ учиться, началъ дѣлать разныя шалости, попалъ въ военную службу, въ острогъ, и... мы потеряли его изъ виду.

Николаевскій, красивый собою, учился отлично, умный, но былъ не безъ хитрости и первенствовать надъ нами.

Я отъ природы былъ трусливый, всего боялся—настоящій заяцъ.

Переселившись на новую квартиру, пошелъ я съ отцомъ являться къ учителю 2-го класса Александру Тимофеевичу Городецкому съ билетомъ.

Встрѣтилъ насъ А. Т. ласково, отецъ, при билетѣ, далъ А. Т. въ руку 1 р. и просилъ его не оставить меня своимъ вниманіемъ. А. Т. сказалъ, что слышалъ отъ А. С. Быкова о Малейнѣ и Николаевскомъ, какъ о хорошихъ ученикахъ, и, обратясь ко мнѣ, дополнилъ: „учись такъ же хорошо и у меня, Малейнъ!“ Я со страхомъ отвѣтилъ: „буду стараться!“ По приходѣ отъ учителя домой, я сталъ просить у отца купить мнѣ: карандашъ, чернильницу, бумаги и перьевъ. Отецъ спросилъ меня: „вѣдь была у тебя чернильница, куда она дѣвалась?— Не знаю, отвѣтилъ я. „Оставались перья и бумага? Гдѣ же все это?“ я опять отвѣчалъ: не знаю.— „Надо было все это убирать, вотъ теперь иди и покупай!“ отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ отецъ и принужденъ былъ все это купить для меня.

Въ концѣ Сентября отецъ пріѣхалъ въ Тверь посѣтить меня на новой квартирѣ и привезти мнѣ домашнихъ харчей, которыми я только и питался.

Я началъ просить отца заказать мнѣ сшить новые сапоги на косу колодку, такъ какъ имѣющіеся у меня сапоги стали плохи, къ тому же они шиты булочками, и надо мною смѣются. Отецъ отвѣчалъ: „охъ, ужъ эта мнѣ *кривая колодка*—терпѣть не могу! Ну, пойдемъ къ сапожнику—укажи, къ какому?“

Къ Григорію Андреевичу,—отвѣчалъ я. Г. А. былъ изъ дворовыхъ барскихъ людей, шилъ обувь весьма прочно, бралъ хорошую цѣну, но, замѣчательно, никогда не могъ сшить сапоговъ въ пору, сошьеть или велики, а больше тѣсные.

При приходѣ нашемъ, сапожникъ показалъ намъ готовые сапоги на косу колодку, очень красивые. Я примѣрилъ ихъ и, хотя они были тѣсны, сказалъ отцу: „сапоги въ пору!“ Отецъ отвѣтилъ: „смотри, не тѣсны ли,—вѣдь нога растетъ!“ А сапожникъ, желая продать, увѣрялъ, что сапоги раздадутся, и я просилъ отца купить эти сапоги.

Отецъ началъ, нехотя торговаться и что то дорого заплатилъ за эти сапоги—кажется, полтора цѣлковыхъ.

Сапоги же оказались тѣсными, и я съ трудомъ надѣвалъ ихъ, но молчалъ.

Новая квартира отстояла далѣе отъ училища; приходилось ранѣе уходить изъ дома, часовъ не было, поэтому мы и забирались въ классъ рано; выходили изъ класса во дворъ и шалили, бѣгали, боролись, а въ 8 часовъ утра у воротъ становился дежурный и записывалъ поздно приходящихъ, за что полагалось наказаніе.

Около этого же времени приходилъ къ воротамъ училища и гречишникъ (продавецъ гречневиковъ) съ лоткомъ на головѣ,—Клементій Алексѣвичъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ. Крестьянинъ по при-

родѣ, онѣ былъ очень вѣжливъ, тихъ, невозмутимый, честный, имѣлъ громадную память, симпатичный, зналъ по имени и отчеству всѣхъ учениковъ 3 и 4 классовъ, которымъ продавалъ гречневики въ долгъ.

Приходилъ онѣ каждый день. Едва подойдетъ къ воротамъ, какъ въ училищѣ закричатъ: „братцы! Климка пришелъ, бѣгите!“

Какъ только Клементій Алексѣевичъ устави́тъ свой лотокъ, его обступятъ ученики 3 и 4 классовъ и въ десять, а то и болѣе, голосовъ закричатъ: „Клементій! давай мнѣ три тройки гречневиковъ. Клементій, давай мнѣ двѣ тройки; мнѣ тройку давай скорѣе!“ А Клементій Алексѣевичъ тихо отвѣчаетъ: „погодите, дайте осмотрѣться! Иванъ Михайловичъ, вамъ три тройки?“ Тройка гречневиковъ стоила 5 коп. ассигнаціями (1½ к. сер.). „А деньги?“—Ну, какія тамъ деньги. Сказано послѣ Рождества отдамъ, давай скорѣе. За мной будетъ пятнадцать троекъ,—говоритъ просящій ученикъ И. М. „Пятнадцать то троекъ было за вами, И. М., въ прошлый разъ, теперь будетъ 18 троекъ,“ отвѣчаетъ Клементій.—Ну, все равно отдамъ, давай скорѣе!

Клементій разрѣзываетъ каждый гречневикъ вдоль на двѣ части, полъетъ на каждую часть немного коноплянаго масла изъ кубышки, потомъ возьметъ другой гречневикъ, продѣлываетъ съ нимъ тоже, затѣмъ третій гречневикъ и, изготавивши тройку, передаетъ гречневики покупателю И. М., потомъ другую и третью тройку. Пристае́тъ къ Клементію Петръ Михайловичъ, другой ученикъ, и кричитъ также: „давай, Клементій, мнѣ 2 тройки!“—А деньги! спрашиваетъ Клементій. „Деньги послѣ Рождества отдамъ.“

— Смотрите же, Петръ Михайловичъ, не обманите, за вами уже много должку-то. — „А сколько?“

Двадцать троекъ! — Нѣтъ, П. М., не 20, а 23, да теперь берете двѣ тройки, будетъ 25.— „Врешь ты, Клементій!“ — Помилуй Богъ, зачѣмъ врать! — „Ну ладно, отдамъ, давай только скорѣе!“ И Клементій даетъ двѣ тройки.

Приступаютъ еще нѣсколько учениковъ, которымъ также Клементій отпускаетъ гречневики и большею частью въ долгъ.

Смиренно приближаются къ Клементію ученики 2-го класса и просятъ отпустить имъ гречневиковъ въ долгъ. Клементій тихо говоритъ имъ: „малы, малы еще, когда вырастете побольше, тогда и дамъ!“ И скучные, ученики отходятъ прочь.

Бѣгутъ другіе изъ 2-го и 1-го классовъ съ деньгами. „Клементій! на два гроша, давай пару! на пятакъ, давай тройку!“ Подходитъ также одинъ маленькій ученикъ съ грошемъ: „Клементій, на грошикъ, дай гречневичекъ!“ А у Клементія уже не осталось ни одного гречневика, и онъ говоритъ этому ученику: „приходи въ перемѣну, я принесу горячихъ!“ И приходитъ въ перемѣну, и опять у него все разбিরали.

Послѣ Рождества Христова, когда ученики возвращались въ городъ на квартиры, Клементій начинаетъ ходить по квартирамъ собирать долгъ.

Какъ кто изъ учениковъ увидитъ Клементія на улицѣ, бѣжитъ скорѣе въ квартиру, и кричитъ: „братцы! Климка ходитъ! Запирайте ворота!“.

Подойдетъ Клементій къ воротамъ, постучитъ, заперто! И стоитъ онъ у воротъ, пока кто-нибудь не выйдетъ изъ квартиры.

Увидѣвъ кого выходящаго изъ квартиры, Клементій спрашиваетъ: дома ли Петръ Михайловичъ,

и, получивъ утвердительный отвѣтъ, робко входитъ въ квартиру, вошедши, молится Богу и становится у двери.

Должникъ П. М., сидя за столомъ, рѣзко спрашиваетъ Клементія: „что скажешь, Климка, за чѣмъ пришелъ?“

— Должку получить съ васъ надо, Петръ Михайловичъ! — отвѣчаетъ Клементій. „Должку? Ну, братъ Климка, деньги тѣ, что привезъ изъ дома, уже всѣ израсходованы, что же раньше не приходилъ?“

— Помилуйте, Петръ Михайловичъ, вѣдь и намъ нужны деньги: на квартиру, на дрова, на муку; поищите, не найдете ли гдѣ нибудь деньжонокъ-то?

— Ну, вотъ послѣдній двугривенный отдаю тебѣ, остальные послѣ отдамъ, проваливай!

И Клементій, поклонившись П. М., тихо уходитъ въ другую квартиру..

И опять снова отпускаетъ въ долгъ своимъ кредиторамъ.

Учились мы трое хорошо. Учитель А. Т. былъ горячаго характера. Лѣнивыхъ учениковъ наказывалъ, не прочь былъ давать и щелчки по головѣ и таскать за волосы, а одному, Рождественскому, и ухо оторвалъ до крови. Но мы избѣгли наказанія.

И все шло такъ плавно, хорошо.

На Рождество и масляницу отецъ бралъ меня домой; самъ всегда пріѣзжалъ за мною, самъ и обратно привозилъ.

Такъ мы проучились до вербной недѣли великаго поста.

Во вторникъ на этой недѣлѣ случилось необыкновенное происшествіе.

Во время урока въ 4-мъ классѣ вдругъ послѣдовалъ необыкновенный трескъ на потолокъ, моментально посыпалась съ потолка штукатурка, а вслѣдъ за нею упала большая часть потолка. Ученики, какъ только услышали трескъ, успѣли выскочить изъ класса; нѣкоторыхъ обсыпало штукатуркою, но всѣ, благодареніе Господу, остались невредимыми.

Немедленно дали знать о. Ректору. Онъ пришелъ, осмотрѣлъ поврежденіе и велѣлъ распустить всѣхъ учениковъ по домамъ.

Учителя сказали намъ, чтобы мы изготовили билеты и принесли имъ на квартиру для подписи, что мы и исполнили и получили билеты.

Односелець мой и Вани, ученикъ 4-го класса Леонтія Ивановичъ Садиковъ, сказалъ намъ: „я пойду домой пѣшкомъ, а когда приду, скажу вашимъ отцамъ, чтобы они пріѣхали за вами, вы же оставайтесь пока на квартирѣ.“ Но я и Ваня со слезами начали просить Леонтія Ивановича взять и насъ съ собою: „Левушка! возьми и насъ съ собою, мы не останемся здѣсь!“ — Да вамъ не дойти до дома-то; вѣдь 33 версты, а дорога тяжелая, вездѣ ручьи текутъ; въ иномъ мѣстѣ не перейдешь ручей-то!—Но мы неотступно просили Левушку взять насъ съ собою. Левушка былъ довольно высокаго роста, крѣпкій тѣлосложеніемъ. Мы все продолжали плакать и просить Левушку.

Сжалившись надъ нами, Л. сказалъ: „ну, сряжайтесь, пойдемъ, что будетъ!“

Я съ трудомъ надѣлъ свои сапоги на косу колодку. Поѣли, одѣлись и пошли.

Когда шли городомъ, я все подпрыгивалъ и говорилъ: „какъ хорошо идти, такъ и дойдемъ до дому.“ А Левушка отвѣчалъ: „иди смирно, устанешь еще,

погоди!“ — Нѣтъ не устану! — отвѣчалъ я. „А вотъ увидимъ!“

Какъ только вышли за городъ, я началъ идти все тише и тише; сапоги жали ноги. Отойдя, еще немного, я со слезами сказалъ: „Левушка! я усталъ, идти не могу, давай отдохнемъ!“

Левушка сказалъ: „а кто говорилъ, что не устану, вѣдь всего 4 версты прошли, какъ же дальше-то пойдемъ?“ Я молчалъ. „Ну, сядьте! Ваня садись!“ Всѣ посидѣли не долго. Пошли далѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ я снова закричалъ: „Левушка! я усталъ!“ Левушка сердито возразилъ: „не знаю, что дѣлать съ тобою?“ Подумавъ немного, онъ сказалъ: „садись ко мнѣ на кошолки, Устинушка!“ Я стоялъ молча. „Садись же! тебѣ говорю, обхвати меня за шею сзади, и я понесу тебя,“ проговорилъ Левушка и при этомъ присѣлъ. Я зашелъ сзади его и ухватилъ за шею; Левушка всталъ и, обхвативъ меня руками подъ конецъ спины, понесъ. Несъ меня Левушка такимъ образомъ болѣе версты, потомъ остановился и сказалъ: „ну, довольно, Устинушка! теперь иди самъ!“

Отошли еще версты 2 — 3; Ваня закричалъ: „Левушка! я усталъ, идти не могу!“ Левушка съ гнѣвомъ отвѣтилъ: „что же Ваня, теперь тебя надо нести, ну, садись на меня, какъ сидѣлъ Устинушка.“ Ваня тотчасъ зашелъ сзади Левушки и ухватился обѣими руками за шею его, а Левушка, охвативъ Ваню, какъ раньше меня, понесъ его. Пронесъ Ваню Левушка также версты полторы и остановился. Съ лица его капалъ потъ.

„Какъ хотите, братцы, давайте отдохнемъ немного, а потомъ какъ нибудь доберемся до деревни Васи-

лева, тамъ поѣдимъ и отдохнемъ подольше," сказалъ Левушка. Всѣ мы сѣли.

До Василева оставалось версты 3—4. Отдохнувъ, безъ приключеній дошли до Василева и едва вошли въ деревню, какъ догнали насъ крестьянинъ съ женою изъ села Кушалина. Левушка, увидѣвъ ихъ, началъ просить, чтобы они, по приходѣ въ село Кушалино, немедленно дали знать моему отцу и отцу Вани, что мы идемъ и чтобы они тотчасъ выѣхали на встрѣчу намъ. Крестьянинъ отвѣтилъ, что въ точности исполнить просьбу Левушки.

Послѣ этого мы вошли въ одну избу, гдѣ поѣли чернаго хлѣба. Болѣе запасовъ не было никакихъ. Поѣвши, легли на лавки отдохнуть.

Послѣ отдыха пришлось продолжать путь.

Какъ только вышли изъ деревни, я почувствовалъ, что ноги у меня распухли отъ тѣсныхъ сапоговъ; съ трудомъ я отошелъ около 3-хъ верстъ. Далѣе итти не могъ и закричалъ Левушкѣ со слезами: „Левушка, Левушка! Я далѣе не могу итти!“—Ну, вотъ ты какой!—отвѣчалъ Левушка. —Вѣдь недавно отдыхали? Ну пройдемъ немного, а потомъ и отдохнемъ!—Но я послѣ этихъ словъ Левушки началъ еще сильнѣе плакать и кричать: „итти не могу!“ Тогда Левушка сказалъ мнѣ: „ну, садись на меня! Я понесу тебя.“ Я по прежнему ухватился за шею Левушки руками сзади его, и онъ понесъ меня.

Сколько Левушка несъ меня, не могу точно опредѣлить, но когда опустилъ меня и мы отошли немного, то увидѣли, что на двухъ саняхъ ѣдутъ намъ на встрѣчу наши отцы. Нечего и говорить, съ какою радостію мы встрѣтили ихъ и усѣлись въ ихъ сани.

По приѣздѣ домой, мать съ трудомъ сняла сапоги съ моихъ ногъ.

Ноги оказались опухшими, на пальцахъ и ма-
клышкахъ оказались мозоли. Обулся я въ валеные
сапоги и выходить изъ избы никуда не могъ до
Вербнаго Воскресенія.

А сапоги мои на *кривую* колодку отецъ отдалъ
сапожнику Ермолаю расколотить.

Такъ и окончилось наше экстренное (ранѣе срока
отпуска) путешествіе на родину, оставившее во мнѣ
впечатлѣніе до сего дня, 20 Декабря 1909 года.

Страстную недѣлю и Пасху я провелъ безъ осо-
быхъ приключеній; также, по прежнему, ходилъ съ
отцомъ во время Пасхи по приходу, получалъ яйца,
гроши и копейки, видѣлъ въ домахъ ту же обста-
новку, тѣ же картины, какъ и въ прошломъ году,
изрѣдка лакомился медомъ.

Послѣ Пасхи пришлось бѣдному отцу моему
опять везти меня въ Тверь.

Опять отецъ пригласилъ прежняго крестьянина
чинить телѣгу и все говорилъ: „не знаю, какъ ѣхать
будетъ! дорога погибель!“

Все таки въ Өоминѣ понедѣльникъ мы поѣхали,
и по прежнему мать наложила въ телѣгу разныхъ
харчей.

Дѣйствительно, нужно видѣть, чтобы имѣть по-
нятіе о пролегающей въ то время дорогѣ отъ села
Кушалина до г. Твери. Очень не рѣдко валялись по
дорогѣ сломанныя оси, испорченныя колеса, части
телѣгъ. Но, благодареніе Господу, послѣ большихъ
затрудненій, мы все таки доѣхали до города.

Устроившись на квартирѣ и отдохнувъ, я отпра-
вился съ отцомъ къ учителю А. Т. Городецкому
являться съ билетомъ, по прежнему, и опять отецъ
далъ учителю 1 рубль.

Два года ученія во второмъ классѣ, какъ пола-

гадосъ, прошли безъ особыхъ приключеній.

Меня и Ваню перевели въ 3-й классъ.

Отецъ прїѣхалъ за мною и объявилъ мнѣ, что мать родила еще сына Ваню съ бѣленькими волосками.

По прїѣздѣ домой, я нашелъ мать, лежащей въ постели, а сына ея, Ваню, брата моего, въ люлькѣ около матери. Я поцѣловалъ Ваню, а онъ заплакалъ.

Мать спросила меня, переведенъ ли я въ 3-й классъ. Я отвѣтилъ, что переведенъ въ первомъ пяткѣ.—Она перекрестилась и сказала: „Слава Богу! Слава Богу! Устинушка, учись все такъ!“

Глава десятая.

Третій классъ.—Ваня Николаевскій поступаетъ въ архіерейскіе пѣвчіе.—Я избираюсь въ аудиторы и подвергаюсь сѣченію.— Древніе языки.—Глаголь τῦπτω.—Инспекторъ Д. П. Волковъ.— Каюта.—„Купались, мальчики, купались.“—„Когтливый духъ.“— Что мнѣ было за игру въ цари.—Переходъ въ семинарію.

Въ 3-мъ классѣ ученіе было много труднѣе противъ 2-го класса, но въ самомъ началѣ поступленія моего и Вани въ 3-й классъ, какъ-то пришелъ въ послѣбобѣденный урокъ регентъ Архіерейскаго хора Николай Ивановичъ Дмитровскій, и началъ пробовать голоса учениковъ. У Вани Николаевского оказался хорошій соргано, и его регентъ записалъ, а черезъ нѣсколько дней Ваню взяли въ Трехсвятскій архіерейскій домъ, гдѣ жили и учились пѣвчіе Его Высочайшаго Преосвященства.

Грустно было мнѣ разставаться съ милымъ, дорогимъ другомъ и товарищемъ. Какъ-то онъ пришелъ навѣстить меня. Одѣтъ онъ былъ въ сюртукъ и шинель суконную, синяго цвѣта, говорилъ, что учать слабо и что его готовятъ въ исполатчики. Я не безъ зависти смотрѣлъ на него.

Потомъ пріѣхалъ ко мнѣ отецъ мой и объявилъ мнѣ, что къ сестрѣ моей Ольгѣ посватался женихъ—причетникъ Тверской Екатерининской церкви, Андрей Алексѣевичъ Предтеченскій, что въ скоромъ времени будетъ свадьба и что, вѣроятно, будутъ присланы на мое имя деньги изъ Кашина отъ брата его—отца, Андрея Ивановича Критскаго.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени я получилъ повѣстку на 21 руб. ассигнаціями. Заявилъ я объ этомъ учителю и, не помню, съ какимъ-то старшимъ

ученикомъ отправился я на почту за полученіемъ денегъ. Со страхомъ вступилъ я въ почтовую контору. Почтмейстеръ спросилъ мою фамилію, потомъ—знаю ли я отъ кого присланы деньги и, по полученіи отъ меня отвѣтовъ, далъ мнѣ расписаться въ книгѣ, а потомъ письмо съ двумя 3-хъ рублевыми бумажками.

Я получилъ письмо и деньги и не зналъ, куда положить ихъ.

По приходѣ на квартиру положилъ деньги въ коробку и очень боялся, чтобы товарищи не украли ихъ, такъ какъ коробка не запиралась. Началъ изъ какой-то дощечки долбить перочиннымъ ножикомъ ящичекъ, чтобы туда вложить деньги, но работа моя не увѣнчалась успѣхомъ, а только обрѣзалъ я себѣ на правой рукѣ указательный палецъ такъ, что синій шрамъ отъ раны виденъ и теперь. Послѣ этого я еще больше началъ беспокоиться о деньгахъ. Просыпался ночью и смотрѣлъ коробку, но пріѣхалъ отецъ, и я отдалъ ему деньги...

Отецъ Вани Николаевского, Арсеній Васильевичъ, узналъ, что его Ваню взяли въ пѣвчіе, пріѣхалъ въ Тверь и, принимая во вниманіе, что пѣвчіе учатся худо, сталъ хлопотать, чтобы его Ваню исключили изъ архіерейскаго хора.

Послѣ большихъ хлопотъ со стороны Арсенія Васильевича и просьбъ вліятельныхъ лицъ Ваню исключили изъ хора (чѣмъ онъ былъ не особенно доволенъ) и онъ опять поселился со мною на одной квартирѣ, при чемъ я замѣтилъ, что я уже опередилъ его въ знаніи языковъ Латинскаго и Греческаго.

Возвращенію Вани въ квартиру я очень обрадовался, а онъ молчалъ.

Съ этого класса началось преподаваніе древнихъ языковъ, сначала Латинскаго, потомъ Греческаго.

Учителемъ Латинскаго языка былъ Александръ Кузьмичъ Нектарьевскій, къ которому также пришлось явиться съ приношеніемъ, Греческаго языка— А. Т. Городецкій.

Введена была такъ называемая нотата. Это списокъ всѣхъ учениковъ 3-го класса по порядку, сообразно съ занимаемымъ ими мѣстомъ по успѣхамъ.

Для каждаго 5-ти учениковъ назначался *авдиторъ* изъ лучшихъ учениковъ.

Авдиторъ, до прихода въ классъ учителя, обязанъ былъ прослушать уроки у пяти назначенныхъ ему учениковъ и внести въ нотату соотвѣтственный знанію каждаго баллъ: 4, 3, 2, 1.

При этомъ, разумѣется, дѣло не обходилось безъ пререканій и просьбъ объ отмѣткѣ балла, такъ какъ за неправильную кому либо отмѣтку балла авдиторовъ подвергали наказанію, къ которому, кажется, въ первый разъ и я былъ присужденъ.

Учитель спросилъ у одного ученика урокъ. Ученикъ отвѣтилъ плохо. Учитель заглянулъ въ нотату; отмѣтка этому ученику въ знаніи урока была поставлена мною 3. „Кто авдиторъ?“ спросилъ учитель. И, опять заглянувъ въ нотату, гдѣ съ боку противъ каждаго 5 учениковъ была написана фамилія авдитора, увидѣлъ: Малеинъ. Учитель закричалъ: „что же ты, Малеинъ, такъ слушаешь урокъ у своихъ учениковъ и отмѣчаешь въ нотатѣ, пошелъ къ порогу, высьчь его!“

Пощады я не просилъ съ досады, отправился къ порогу, а у порога было очень грязно и мокро. Тутъ уже стоялъ *стگارъ* Теодоръ Никольскій, съ охо-

тою исполнявшій эту должность, съ лозою изъ трехъ бредовыхъ прутьевъ, длиною болѣе аршина.

Я снялъ свое верхнее платье и, обнаживъ мягкую часть своего тѣла, съ отвращеніемъ легъ на полъ.

Феодоръ Никольскій со всего размаха ударилъ меня лозою; я закричалъ громко и повернулся нѣсколько на бокъ. Въ этотъ моментъ Никольскій ударилъ меня второй разъ лозою и концомъ ея попалъ мнѣ *in oculum*. Я закричалъ не человѣческимъ голосомъ! Учитель крикнулъ: „бросить его, не стегай больше!“

Я кое какъ оправилъ свою одежку, выбѣжалъ въ корридоръ и увидѣлъ *in ovo non multum sanguinis (unam guttam)*.

Учителя, по приходѣ въ классъ и по прочтеніи молитвы „Царю Небесный“ однимъ изъ первыхъ учениковъ, сѣли за столъ, брали въ руку нотату, смотрѣли на баллы учениковъ и выкликали на средину класса получившихъ 2 и 1.

Первыхъ заставляли становиться на колѣни около наружныхъ партъ, а вторыхъ отсылали къ порогу для сѣченія розгами, гдѣ уже ожидалъ ихъ экзекуторъ Феодоръ Никольскій, при чемъ всѣ просили у учителя помилованія, выставя разныя причины, по которымъ они не могли выучить заданнаго урока. Такъ одни говорили, что угорѣли въ квартирѣ и все время лежали, другіе, что сильно болѣла голова, или что вообще были нездоровы, третьи, что пріѣхали къ намъ родные—отецъ или мать, а иные и прямо говорили, что не могли выучить: память плохая.

Дѣйствительно было нѣсколько человѣкъ учениковъ малоспособныхъ. Таковые сидѣли на послѣдней партѣ, именуемой „Камчаткой,“ и на нихъ

учителя уже мало вниманія обращали. Таковые ученики сидѣли въ классѣ по 4 года, а нерѣдко и исключались.

Наконецъ, нѣкоторые возражали, что они урокъ знаютъ и что аудиторъ невѣрный имъ баллъ въ нотатъ поставилъ.

По выслушаніи всѣхъ заявленій и просьбъ отъ учениковъ, учителя иныхъ подвергали сѣченію, другихъ заставляли стоять на колѣняхъ на срединѣ класса; заявившихъ же о знаніи урока, выслушивали и если ученикъ отвѣчалъ хорошо, то его отсылали на мѣсто, а онъ говорилъ учителю, что аудиторъ на него нападаетъ и просилъ перевести его къ другому аудитору. Тогда учитель спрашивалъ аудитора, почему онъ поставилъ худую отмѣтку такому-то, аудиторъ отвѣчалъ, что этотъ ученикъ уже послѣ выучилъ урокъ, что случилось на самомъ дѣлѣ.

Отъ учителя Латинскаго языка многіе приняли наказаніе за незнаніе Латинскихъ словъ, кончащихся на *is* и принадлежащихъ по грамматикѣ къ мужскому роду.

Вызывалъ учитель какого нибудь ученика и спрашивалъ его: „ну отвѣчай, какія существительныя имена, въ 3-мъ склоненіи, кончащіяся на *is*, принадлежатъ къ мужскому роду.“ Тотъ начиналъ перебирать. А *crinis*-то забылъ? Вопросаетъ учитель и, ухватившись *pro crinibus* рукою, говоритъ: „помни: *crinis, crinis!*“ Ученикъ со слезами повторяетъ: *crinis*.

Вообще много пострадало кринисовъ. „Отвѣчай далѣ!“ Ученикъ продолжаетъ: „*piscis*—рыба, *pulvis*—пыль!“—А о хлѣбѣ-то и забылъ,—говоритъ учитель. „Пошелъ къ порогу. Высѣчь его.“

Иногда сѣкли, но немного, а иногда становили на колѣна, пока не заучитъ ученикъ всѣхъ словъ.

Почти каждый мѣсяцъ учитель дѣлалъ пересадку учениковъ, послѣ которой недовольные мѣстомъ ученики заявляли учителю: *contendo de loco* съ Г. И. Пановымъ. Пановъ долженъ былъ вставать и отвѣчать на вопросы заявившаго о мѣстѣ. Переводили изъ грамматики Кошанскаго: *Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes coelum et terram* и т. д.

И вотъ недовольный мѣстомъ, примѣрно, Покровский, заставлялъ Панова что-нибудь переводить или прочитатъ существительныя на *is* мужескаго рода, или еще что-нибудь... И если Пановъ отвѣчалъ худо, то его перемѣщали на мѣсто Покровскаго въ пониженіе, а Покровскаго на мѣсто Панова въ повышеніе.

Но эти случаи были рѣдки, и учитель не всегда исполнялъ заявленія недовольныхъ.

Изученіе Греческаго языка было сопряжено еще съ бѣльшими затрудненіями противъ Латинскаго языка.

Начать съ того, что учебника грамматики Греческаго языка вовсе въ продажѣ не было уже нѣсколько лѣтъ, а начальство нѣсколько не позаботилось объ этомъ...

Съ большимъ трудомъ отыскивали мы эту грамматику у перешедшихъ въ Семинарію лицъ, или у исключенныхъ учениковъ и вообще у лицъ, не нуждавшихся въ этомъ учебникѣ.

За то и приобрѣтали покупкою такія грамматики, что теперь не прилично въ руки взять ихъ. Иные экземпляры были безъ начальныхъ листовъ, почти всѣ безъ конца; листы были оборваны, засалены, облиты чернилами, исписаны разными надписями, а и вся-то грамматика была короче, какъ говорится, утиного носа: страницъ 50—60, если не менѣе. Новой,

чистой, твердой грамматики я такъ и не видалъ, а купилъ за 25 коп. сер. какую-то старенькую, старенькую грамматику.

Далѣе, вторымъ камнемъ преткновенія при изученіи Греческаго языка послужило затверживаніе наизусть греческихъ словъ 2-го склоненія, кончащихся на *ος* и принадлежащихъ, какъ исключеніе, къ женскому роду: *ἄμμος*—песокъ, *ἄμπελος*—виноградъ, *βάλανος*—орѣхъ и т. д.

Учитель—Городецкій, человѣкъ вспыльчивый, нелюбимый учениками, вызывалъ какого нибудь ученика на средину класса и заставлялъ его говорить наизусть греческія слова, кончащіяся на *ος*, о которыхъ сказано выше, и, если ученикъ пропускалъ какое слово, учитель кричалъ и отправлялъ его къ порогу для сѣченія, или ставилъ на колѣна.

Но самымъ главнымъ камнемъ преткновенія было изученіе спряженія глагола *τύπτω* (по русски „бью.“)

Кажется, составитель грамматики и поставилъ въ примѣръ этотъ глаголъ, чтобы за незнаніе спряженія его били учениковъ, и дѣйствительно: били и били!

Вызываетъ тотъ же учитель ученика и спрашиваетъ его: „ну, отвѣчай! какъ будетъ 1-й аористъ изъявительнаго наклоненія глагола *τύπτω*.“ Ученикъ, шевеля губами, отвѣчаетъ: „тип... тип..., тип...“ Учитель кричитъ: „говори громче и яснѣе!“ Ученикъ громче повторяетъ: „типт... типт...“

— А какое окончаніе, отвѣчай,—вопрошаетъ учитель. Ученикъ молчитъ. „Не знаешь? Ну, спрягай *τύπτω* въ сослагательномъ наклоненіи, прошедшее совершенное время.“ Ученикъ опять: „типт... типт... типт...“

— Ничего не знаешь!—кричитъ учитель.—Пошелъ къ порогу, высѣчь его!—Сѣкутъ.

Вызываетъ учитель другого ученика. Та же исторія. Третьяго... то же самое.

Учитель все болѣе и болѣе сердится и приказываетъ къ слѣдующему дню изучить тотъ же урокъ, и, кажется, мѣсяцы долбили мы спряженіе этого тяжелаго по своимъ послѣдствіямъ глагола. А учитель все-таки не объяснилъ намъ значеніе этого глагола въ русскомъ языкѣ, напримѣръ: если глаголь τῶπτο поставленъ по гречески въ прошедшемъ времени со-слагательнаго наклоненія, какъ перевести его на русскій языкъ? и т. д. и т. д. Учили мы, учили, а не зная, для чего!!!

Для упражненія въ Греческомъ языкѣ переводили Евангеліе отъ Матѳея и басни Эзоповы... Но вообще въ знаніи языка были слабы!

Къ этому же времени относится и поступленіе въ Тверское училище, кажется, изъ Кашина инспектора Дмитрія Павловича Волкова.

Это былъ человѣкъ высокаго роста съ бакенбардами, довольно тучный, холостой, не прочь выпить, любитель сѣченія розгами, ласковый съ красивыми учениками, не любящій великовозрастныхъ и охотно слушающій доносы и шпіонство. Любостью среди учениковъ онъ не пользовался. Его прозвали: „грошовыя лебарды“ (бакенбарды) и „бардадымъ.“

Говорили, что зимою онъ рано утромъ приходилъ въ овчинномъ тулупѣ въ классъ, инкогнито, забирался за черную доску и оттуда слѣдилъ за разговорами и поведеніемъ учениковъ.

Узнавъ объ этомъ, ученики стали говорить, что въ классъ ходитъ нечистая сила, и, какъ-то подкарауливъ тамъ инспектора, напали на него и въ темнотѣ побили.

Инспекторъ Волковъ началъ въ училищномъ дворѣ разводить садъ, заставлялъ учениковъ 4-го класса сажать кусты и деревья, дѣлать дорожки; вырытъ былъ колодезь, и затѣмъ поставлена среди сада *каюта*. Это деревянное зданіе въ двѣ небольшія комнаты съ печью голландскою. Въ эту каюту инспекторъ Волковъ, въ свободное отъ своихъ классныхъ занятій время, забирался и здѣсь разсматривалъ всѣ свои дѣла, а главнымъ образомъ журналы, такъ называемыхъ, старшихъ и записки любимца своего шпіона Ивана Ал. Воскресенскаго, ученика 4-го класса, прозваннаго *сиклею*. Этотъ Воскресенскій-сикля—вездѣ рыскалъ, и по классамъ, и во дворѣ и въ корридорѣ, и кого заставлялъ въ шаловливости, или не въ классѣ, или выходящимъ за ворота, или поздно приходящимъ въ классъ, всѣхъ записывалъ въ свой журналъ и подавалъ инспектору.

Достаточно было кому нибудь увидѣть Воскресенскаго, какъ увидѣвшій кричалъ: „братцы! Сикля идетъ —бѣгите!“ И моментально всѣ убѣгали въ классъ за парты.

По разсмотрѣніи журналовъ и записей Воскресенскаго, инспекторъ посылалъ въ классы за провинившимися, чтобы они явились въ каюту, и вотъ слышенъ стукъ въ наружную скобку двери, во время класса; очередной ученикъ выходитъ, а по входѣ въ классъ громогласно возглашаетъ: „Симаковъ, Бѣльскій, Орловъ, ступайте въ каюту, васъ Дмитрій Павловичъ требуетъ!“

Означенные ученики идутъ въ каюту.

Вступивъ за порогъ каюты, они видятъ, что у двери стоитъ экзекуторъ, или Ѳеодоръ Никольскій, или Андрей Плетневъ.

Впереди за столомъ сидитъ инспекторъ Волковъ; предъ нимъ журналы старшихъ.

Вызванные ученики смиренно останавливаются предъ столомъ.

Инспекторъ внушительно говоритъ имъ: „Пошалили, мальчики, пошалили“ и, объявивъ каждому его вину, прибавляетъ: „а теперь васъ за шаловство поскучь. Ну, Орловъ, ложись!“

— Дмитрій Павловичъ, простите!—со слезами просить Орловъ. „Лягъ, лягъ, Орловъ! немного поскучь. Плетневъ! возьми его!“ возглашаетъ инспекторъ.

Плетневъ, взявъ Орлова за руку, доводитъ до порога и заставляетъ ложиться на полъ.

Орловъ раздвѣвается, ложится на полъ, Плетневъ начинаетъ его сѣчь, а Инспекторъ внимательно смотритъ, какъ сѣкутъ, и приговариваетъ: „не шали, мальчикъ, не шали!“ Получивъ ударовъ 10 -- 12, Орловъ встаетъ.

Затѣмъ, тѣмъ же порядкомъ сѣкутъ другого и третьяго.

Послѣ двухгодичнаго, по положенію, сидѣнія въ 3-мъ классѣ, меня и Ваню Н. перевели въ 4-й классъ, въ числѣ первыхъ учениковъ.

Учителемъ Латинскаго языка былъ инспекторъ Д. П. Волковъ, онъ же былъ учителемъ Св. Исторіи и Катихизиса.

Учителемъ Греческаго языка былъ Иванъ Алексѣевичъ Никитскій, онъ же преподавалъ Географію и Ариметику.

Съ билетомъ являться приходилось къ обоимъ.

И. А. Никитскій былъ кривой, человѣкъ добродушный и любилъ сгематизмъ, но въ классъ являлся всегда исправнымъ, холостой.

Съ самаго поступленія въ 4-й классъ мнѣ пришлось разлучиться съ другомъ моимъ Ваней и жить врозь.

Отецъ мой, выдавъ сестру мою Ольгу за мужъ за причетника Екатерининской церкви Предтеченскаго, имѣвшаго свой домъ за Тверцою, перевелъ меня на житье къ нему—Предтеченскому.

Ваню же инспекторъ Волковъ пригласилъ на квартиру къ себѣ, какъ хорошаго, благонравнаго, умнаго и красиваго ученика, хотя отцу Вани Арсенію Васильевичу и трудно было содержать Ваню на такой квартирѣ, но отказаться было неудобно. И бѣдный А. В. кое чѣмъ уплачивалъ Инспектору за содержаніе своего сына: возилъ дрова, поставлялъ ржаную муку и пр.

Какъ хорошаго ученика, Инспекторъ, назначилъ меня старшимъ надъ учениками, живущими во всей Затверецкой части, и я долженъ былъ ходить по квартирамъ и слѣдить за ученіемъ и поведеніемъ учениковъ.

Въ 1848 году посѣтила Тверь холера, и насъ отпустили домой около 15 Іюня, ранѣе срока, безъ всякихъ экзаменовъ.

Получивъ билеты, я и Ваня отправились пѣшкомъ домой.

Передъ домомъ встрѣтили меня бабка и мать и начали окуривать можжевельникомъ, а я смѣялся.

Въ 20-хъ числахъ Іюня отцу зачѣмъ-то надо было ѣхать въ Тверь. Онъ поѣхалъ, а на другой день я и братъ Петя пошли его встрѣчать и встрѣтили у огорода, гдѣ лежала солома; мы подбѣжали къ отцу здороваться, а онъ намъ сказалъ: „захватите съ собою два снопа соломы, бѣгите скорѣй домой и

скажите матери, чтобы она пробрала печь, мнѣ не здоровится.“

Мы побѣжали съ соломой, передали ее матери и сказали на счетъ печи. Она испугалась; тѣмъ временемъ подѣхалъ и отецъ. Онъ былъ блѣденъ, говоритъ что ему худо, тошнить, и болить животъ. Когда онъ это говорилъ, у него вдругъ появилась рвота. Мать посовѣтовала ему немедленно влѣзть въ печь и хорошенько попариться вѣнникомъ. Я сходилъ за водкою въ кабакъ, купилъ стручковаго перцу и, по выходѣ отца изъ печи, мать натерла его водкою съ перцемъ и дала внутрь выпить ему. Богъ далъ, отецъ и поправился; и въ Кушалинѣ еще не было холеры.

Но вотъ наканунѣ Иванова дня (23 Юня) нѣсколько крестьянъ изъ села поѣхали въ Тверь. Ивановъ день особенно почитается въ Твери, и въ этотъ день бываетъ обнесеніе кругомъ Собора, а теперь и по городу, мощей Св. Благов. Князя Михаила Ярославича, убитаго мученически въ Ордѣ. Стечение народа бываетъ большое.

Въ это время въ Твери умеръ холерою купецъ Рѣшетовъ, богатый. Для поминовенія его, во дворѣ дома, были поставлены столы съ питіями и яствами для всѣхъ приходящихъ, безъ разбора.

Нѣкоторые Кушалы были на этомъ обѣдѣ. По приѣздѣ домой они заболѣли холерой, и большая часть ихъ умерли.

Съ этого времени и начала свирѣпствовать холера не только въ селѣ Кушалинѣ, но и въ окрестностяхъ.

Въ это время начались покосы. Жителямъ приходилось ночевать въ пустошахъ, спать на землѣ

въ сырости, питаться кое чѣмъ. Отъ этого многіе и умирали въ пустошахъ.

Но особенно много умерло 20 Іюля, въ день храмового праздника Св. Пророка Іліи. Въ этотъ день въ одномъ селѣ Кушалинѣ умерло 17 человѣкъ.

Умирали быстро. Покойниковъ въ церковь не вносили, а отпѣвали священники на кладбищахъ, стоя далеко отъ покойника. Въ этотъ день мы вчетверомъ: я, Ваня, товарищъ изъ села Рождества, вдовы дьякона сынъ Ивановскій, и сынъ цѣловальницы (сидѣлицы въ кабакѣ) Семенъ, фамиліи не упомяну, играли вмѣстѣ на погостѣ, купались и вообще весь день проводили вмѣстѣ, а, проснувшись утромъ, узнали, что Сеня и Ивановскій умерли холерою. Когда, 21-го Іюля утромъ, я началъ умываться около окошка, вдругъ подъ самымъ окномъ пронесли покойника съ рыжей бородой, среднихъ лѣтъ, почти непокрытаго. Со страха я едва не упалъ.

Всего въ Кушалинскомъ приходѣ умерло холерою свыше 200 человѣкъ.

Въ Августѣ холера прекратилась, а 1-го Сентября отецъ повезъ меня въ Тверь продолжать ученіе въ 4-мъ классѣ.

По приѣздѣ, я узналъ, что умерло нѣсколько товарищей.

Въ Твери умерло нѣсколько Священниковъ, между прочими умеръ Соборный Священникъ И. Г. Рубцовъ, Покровской церкви Священникъ Синицынъ и Троицкой за Волгою. На мѣсто послѣдняго поступилъ учитель А. С. Быковъ. Къ Покровской церкви опредѣленъ учитель А. Т. Городецкій, а въ Соборъ поступилъ Магистръ Богословія Григорій Петровичъ Первухинъ, извѣстный проповѣдникъ.

Жить у сестры Ольги мнѣ было довольно хорошо. Со мною квартировали вмѣстѣ три брата Іерусалимскіе: Николай, Петръ и Иванъ, ученики 3, 2 и 1 классовъ.

Рядомъ съ домомъ зятя Предтеченскаго былъ домъ дьякона Екатерининской церкви, С. К. Катымова.

Къ этому дьякону приходилъ въ гости инспекторъ Д. П. Волковъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день, когда инспекторъ былъ у дьякона, мнѣ пришла мысль покупаться; день былъ жаркій, а купаться намъ было строжайше воспрещено.

И вотъ я, подозревавъ Іерусалимскихъ, сказалъ: „братцы! бардадымъ сидить у дьякона, вмѣстѣ выпиваютъ, пойдѣмъ, покупаемся на Волгѣ!“

Іерусалимскіе засмѣялись и закричали отъ радости, и вчетверомъ мы отправились внизъ по Волгѣ. Дошли до кладбищенской церкви Неопалимыя Купины и тутъ увидѣли песчаный берегъ рѣки Волги. Раздѣлись на берегу и побѣжали въ рѣку. Сколько радости, сколько удовольствія было плескаться въ водѣ, а потомъ выбѣжать на берегъ, упасть на горячій песокъ, повалиться въ песокъ и снова бѣжать въ воду, трудно описать!

Но вотъ мы увидѣли, что кто-то идетъ, какъ будто, къ намъ, всматриваемся и о ужасъ! — къ намъ идетъ бардадымъ...

Пропало наше веселое настроеніе; ни солнце красное, ни водица чистая не стали намъ милы, а сердце въ груди такъ и застучало. Мы остановились въ рѣкѣ и не знали, что намъ дѣлать, а инспекторъ подошелъ къ нашему бѣлью и остановился...

Мы всѣ вышли изъ воды и голые начали ему земно кланяться, прося прощенія, а онъ, смѣясь, говорилъ: „мальчики, купаться, купаться! Развѣ можно

купаться, когда не велятъ?“ А мы все продолжали валяться передъ нимъ, прося прощенія. Инспекторъ сказалъ: „ну одѣвайтесь!“ и пошелъ прочь.

На другой же день насъ всѣхъ позвали въ каюту, и, когда я туда пришелъ, всѣ братья Іерусалимскіе были уже тамъ, а въ углу стоялъ Андрей Плетневъ.

Инспекторъ сидѣлъ за столомъ. Когда онъ увидѣлъ меня, то началъ говорить: „мальчики купались, купались, вотъ теперь васъ за это и накажутъ. Николай Іерусалимскій ложись!“ Тотъ легъ. „Плетневъ постегай его!“ Плетневъ началъ стегать, потомъ сѣкли Петра и Ивана Іерусалимскихъ.

Очередь дошла до меня. Инспекторъ сказалъ: „ну, теперь ложись ты, Малеинъ!“ Я сказалъ: „простите, Дмитрій Павловичъ!“ Но онъ отвѣчалъ: „ложись, тебя постегаютъ, не купайся!“ Я легъ, и меня Плетневъ постегалъ...

Вставши, я крайне озлобился на инспектора и началъ ему говорить: „за купанье вы наказываете, а купанье намъ необходимо, вѣдь въ баню мы ходимъ рѣдко, живемъ грязно; увольте меня и отъ должности старшаго, я не могу наблюдать за другими учениками.“ Инспекторъ сказалъ: „принеси мнѣ твой журналъ.“ Я сходилъ въ классъ и принесъ свой журналъ. На этомъ журналѣ инспекторъ и написалъ: „старшій Малеинъ едва ли не имѣетъ когтливаго духа, ибо, бывъ мною наказанъ, просился отъ должности старшаго и говорилъ мнѣ дерзости. Имѣть его въ виду при составленіи общаго списка.“

Я струсилъ, такъ какъ инспекторъ могъ меня погубить, т. е. не перевести въ Семинарію, исключить изъ училища, или оставить въ 4-мъ классѣ еще

на два года. Но, благодареніе Господу, дѣло обошлось благополучно.

Не могу умолчать и о другомъ случаѣ, когда я подвергся наказанію отъ инспектора и въ 4-мъ классѣ.

Какъ-то лѣтомъ мы четвероклассники прочищали въ саду дорожки и носили мусоръ на носилкахъ. Въ это время въ 3-й классъ уже пришелъ учитель Городецкій, а къ намъ инспекторъ еще не приходилъ, и мы довольно шумно бѣгали. Кто-то сказалъ: „Малеинъ, становись на носилки, мы тебя понесемъ, ты будешь у насъ царемъ!“ Я всталъ на носилки, а всѣ закричали: ура! и понесли меня по тротуару. Въ это время учитель Городецкій, отворивъ окно во дворъ, закричалъ: „што-то тамъ за бестія, за рракаліи безобразничаютъ, не даютъ заниматься!“ Я спрыгнулъ съ носилокъ и побѣжалъ въ классъ.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ въ классъ инспекторъ, бакенбарды у него трясутся, — всѣ видятъ, что онъ не въ духѣ.

По прочтеніи молитвы, инспекторъ закричалъ: „черти, дьяволы, безобразничать! Кто царь, кто царь? Выходи къ порогу“. Я вышелъ. — „Высѣчь его, безобразника!“ Андрей Плетневъ взялъ лозу и... высѣкъ меня!

На экзамены назначили намъ ревизоромъ Архіерея Гавріила, человѣка симпатичнаго и добраго. Ему мы переводили изъ Корнелія Непота, и онъ былъ очень не доволенъ нашимъ произношеніемъ Латинскаго языка и вполнѣ доволенъ переводомъ.

Экзамены затянулись, и насъ отпустили на вакаціи въ послѣднихъ числахъ Іюля.

Великовозрастныхъ: Ивана Меньшагина и Валентина Плетнева за великовозрастіе исключили изъ

училища. Исключили и еще нѣсколько человѣкъ за лѣность и неспособность къ ученію, но фамилій ихъ не упомяну. Я и Ваня были переведены въ Семинарію въ первомъ пяткѣ.

Этимъ и закончилось пребываніе мое въ Тверскомъ Духовномъ Училищѣ въ теченіи 7 лѣтъ, съ Сентября 1842 года по Сентябрь 1849 года.

12 Января
1910 года.
Торжокъ.

Глава одиннадцатая.

Поступленіе мое въ семинарію.—Первыя впечатлѣнія.—Низшее отдѣленіе.—Учителя В. Е. Моревъ, Н. И. Шавровъ, П. И. Лебедевъ, И. Л. Звѣревъ.—Учитель латинскаго языка И. М. Титовъ.—Шумъ и безпорядки на его урокахъ.—„Саріо-ловлю, едо-ѣмъ.“

Въ первыхъ числахъ Сентября мѣсяца 1849 г. отецъ привезъ меня и брата моего Петра въ Тверь. Я былъ переведенъ въ низшее отдѣленіе Семинаріи (риторику), а братъ Петръ поступилъ въ 1-й классъ духовнаго училища. Семинарія находилась за Тьмакою, а я жилъ у сестры за Тверцою. Разстояніе было болѣе 2-хъ верстъ и притомъ за тремя рѣками: Тверцою, Волгою и Тьмакою.

Явилась необходимость перемѣнить квартиру, и я съ отцомъ пріискалъ ее опять въ Заволжской части, на Первой Троицкой улицѣ, въ маленькомъ деревянномъ домѣ священника единовѣрческой церкви Морозова, арендованномъ какою то старухою Анною Матвѣевою. Тутъ съ братомъ Петей мы и поселились.

Вмѣстѣ съ нами жили воспитанники средняго отдѣленія семинаріи (философы), два брата Никольскіе: Петръ и Иванъ, дѣти священника с. Михайловой Горы, и Михаилъ Нечаевъ, сынъ дьякона того же села.

Пришелъ я въ семинарію и со страхомъ вступилъ въ какой то классъ.

Классъ этотъ былъ, какъ говорятъ, биткомъ набитъ воспитанниками всѣхъ духовныхъ училищъ Тверской губерніи, исключая Тверскаго, пріѣхавшими держать экзаменъ для поступленія въ семинарію.

Духовныя училища въ то время были въ каждомъ городѣ.

Шумъ и крикъ въ классѣ былъ большой.

Вдругъ приходитъ какой то ученикъ старшихъ классовъ и громко возглашаетъ: „сегодня экзаменъ Кашинскимъ ученикамъ. Остальные ученики, идите домой въ квартиры!“

На слѣдующій день та же исторія. Экзаменъ воспитанникамъ Старицкаго училища, далѣе Осташковскаго...

Каждый день я ходилъ въ семинарію и уходилъ ни съ чѣмъ, только слышалъ, что третьяго дня отослали троихъ изъ Весьегонскаго училища, вчера пятерыхъ изъ Кашинскаго.

Нѣкоторые жалѣли не выдержавшихъ экзамена, а другіе смѣялись, говоря: „пята риторика, вотъ пріѣдете назадъ, такъ вамъ учителя покажутъ кузькину мать!“

Въ первыхъ числахъ октября, когда я пришелъ въ семинарію, то узналъ, что сегодня приказано всѣмъ воспитанникамъ, поступающимъ въ низшее отдѣленіе, итти въ соборъ къ молебну, а затѣмъ въ семинарію, гдѣ будутъ читаться списки распредѣленія учениковъ по отдѣленіямъ.

Отстоявъ въ соборѣ молебенъ, мы все, будущіе воспитанники низшаго отдѣленія, собрались въ одинъ классъ.

Тѣснота, шумъ, крикъ въ классѣ были невообразимые, такъ какъ собралось болѣе 300 человекъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился секретарь семинарскаго правленія и началъ читать списокъ распредѣленія воспитанниковъ по отдѣленіямъ. Въ низшемъ отдѣленіи было четыре параллельныхъ класса; въ среднемъ (философія) три и въ высшемъ (богословіе) также три, а всего въ семинаріи, въ 10 параллельныхъ классахъ, состояло 840 учащихся съ 2-хъ годичнымъ курсомъ въ риторикѣ, философіи и богословіи.

Я по списку попалъ въ 4-е отдѣленіе. Объ этомъ отдѣленіи говорили, что оно открыто не такъ давно и самое неудачное. Преподаватели главнаго предмета—словесности—какъ то не уживаются въ этомъ отдѣленіи: одинъ преподаватель въ припадкѣ бѣлой горячки зарѣзался, другой перешелъ куда то и т. д.

И въ описываемое мною время преподавателя словесности въ 4-мъ отдѣленіи не было, а на классъ словесности мы ходили въ 1-е отдѣленіе, гдѣ преподавателемъ былъ В. Е. Моревъ, человекъ болѣзненный, почему то прозванный „муфтіемъ“. Говорилъ онъ тихо, а насъ было много: два отдѣленія—человѣкъ около 150—155, и духота въ классѣ была поразительная. Довольно трудно было разслышать, что говорилъ Моревъ.

Преподавателемъ всеобщей исторіи Шрекка былъ Н. И. Шавровъ, также чахоточный, прозванный „панихидою“.

Какъ ему предстояло идти къ классъ, всѣ ученики начинали пѣть: „вѣчная память!“

Объясненій по исторіи онъ не давалъ никакихъ, а только заставлялъ выучить наизусть съ этихъ до этихъ и разговаривалъ съ учениками—своими любимцами.

Преподавателемъ математики былъ П. И. Лебедевъ, маленькаго роста, худощавый и, какъ говорили нѣкоторые, плохо знающій свой предметъ. На классъ его собирались также два отдѣленія: 2-е и 4-е. Доска, на которой П. И. писалъ мѣломъ задачи, стояла въ углу довольно низко, кругомъ доски стояли лучшіе ученики, жаждущіе просвѣщенія, а остальнымъ, человѣкамъ приблизительно 120—130, положительно ничего не было ни видно, ни слышно, что творилось у доски. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я.

Однажды, во время преподаванія, П. И., стоя у доски, спросилъ: „кто знаетъ, что называется трапеціей?“ Я изъ задняго угла закричалъ: „усѣченный параллелограммъ называется трапеціею!“ Павелъ Ивановичъ моментально переспросилъ: „кто, кто это отвѣтилъ?“ Я отвѣтилъ: „Малеинъ!“ П. И. сказалъ: „хорошо, Малеинъ!“ и записалъ въ свой списокъ, а послѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ, ни П. И. и никто на экзаменахъ меня не спрашивали по математикѣ, а по окончаніи семинарскаго курса въ аттестатѣ дали такую отмѣтку: „Алгебрѣ, Геометріи и Пасхалии—очень не худо.“ Такою отмѣткою испортили мнѣ весь аттестатъ, такъ какъ по остальнымъ предметамъ отмѣтки у меня были: „весьма хорошія“ и „очень хорошія.“

Преподавателемъ библейской исторіи, катехизиса Петра Могилы и Греческаго языка былъ магистръ богословія Ипполитъ Леонтьевичъ Звѣревъ, разбитый параличемъ, съ трудомъ ходившій и плохо говорившій. Конечно, отъ него нечего было ожидать.

Особенно онъ раздражался, когда въ классѣ поднимался шумъ; тогда онъ кричалъ: „шкотъ, швинъ, что шумишь?“

Но всѣхъ интереснѣе и замѣчательнѣе былъ преподаватель латинскаго языка Иванъ Максимовичъ Титовъ. Кромѣ Латинскаго языка, И. М. преподавалъ Всеобщую Исторію Шрекка, но только во 2-мъ отдѣленіи.

Онъ былъ Тверякъ родомъ (сынъ священника Рождественскаго женскаго монастыря), ростомъ не много выше средняго, довольно толстый, цвѣтъ лица его былъ постоянно красный; имѣлъ большой носъ съ горбиною, ходилъ всегда тщательно выбритымъ, часто нюхалъ табакъ, былъ холостой. Въ классъ

ходилъ весною и осенью въ шинели, немного закрывающей колѣна, съ воротникомъ неизвѣстнаго звѣря. Зимой онъ носилъ енотовую шубу. Когда снималъ верхнее платье, оставался въ неизмѣнномъ форменномъ фракѣ и жилетѣ съ ясными пуговицами. Такъ какъ И. М. нюхалъ табакъ и отиралъ пальцы послѣ о фракъ и жилетъ, то тотъ и другой были очень засалены и лоснились при свѣтѣ.

Классъ Латинскаго языка былъ два раза въ недѣлю отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ по полудни, и въ классѣ этотъ опять собиралось два отдѣленія, второе и четвертое, всего 151 ученикъ.

Самое помѣщеніе было не особенно обширное съ 4-мя окнами въ одну сторону, около которой оставалось небольшое пространство для прохода по классу, и около 3-го окна стоялъ столъ и стулъ для преподавателя. Остальное пространство было заставлено партами, за которыми мы сидѣли въ верхнемъ платьѣ, а зимою, конечно, въ тулупахъ. Жара и духота были страшныя. Съ 3-хъ часовъ въ классѣ осенью и зимою было уже совсѣмъ темно. Для наблюденія за порядкомъ былъ цензоръ А. В. Моревъ. Онъ записывалъ въ журналъ, кого не было въ классѣ, и по какой причинѣ, а также какъ вели себя бывшіе въ классѣ. Обыкновенно онъ писалъ такъ: „не были такіе то... по болѣзни, бывшіе въ классѣ вели себя скромно“ и давалъ для подписи журналъ И. М. Тотъ подписывалъ: „Учитель Иванъ Титовъ.“

Преподаваніе Латинскаго языка состояло въ переводѣ на русскій языкъ какихъ то статей изъ Латинской христоматіи. Обыкновенно И. М. вызывалъ по списку какого либо ученика на средину къ своему столу и заставлялъ переводить его, но половина времени занята была И. М. водвореніемъ порядка

среди учениковъ, всячески издѣвавшихся надъ бѣднымъ Иваномъ Максимовичемъ,—вѣчная ему память! Каждый классъ его представлялъ своего рода театръ.

Вотъ быстро входитъ въ классъ И. М., раздѣвается. Читаютъ молитву. По прочтеніи молитвы, И. М. садится на стулъ. Цензоръ подноситъ ему для подписи журналъ. Въ классѣ тишина. Какъ только Иванъ Максимовичъ подписалъ журналъ, моментально большая часть учениковъ встаетъ за партами и начинаетъ кричать безсвязныя слова.

Иванъ Максимовичъ также встаетъ со стула, бѣгаетъ по классу, ища кричавшихъ; вдругъ взгляды его останавливаются на одномъ ученикѣ, сидѣвшемъ, на примѣръ, въ 4-мъ ряду партъ. Остановившись противъ этого ученика, И. М. кричитъ: „шалишь то ты, скотина, дуракъ, с...нъ сынъ! Какъ твоя фамилія?“ Тотъ отвѣчаетъ: „я ничего, И. М., не дѣлалъ и не кричалъ, сидѣлъ смирно, на Васъ глядѣлъ.“

— На васъ глядѣлъ,—передразнивая ученика, говоритъ И. М.—На мнѣ не зеркало написано; глядѣлъ бы то, дуракъ. скотина, въ книгу! какъ твоя фамилія?—Ученикъ, будто не понимая вопроса, толкаетъ сидящаго противъ него на третьей партѣ и говоритъ: „тебя И. М. спрашиваетъ, какъ твоя фамилія“.

-- То ты самый и есть, который спрашиваешь, какъ твоя фамилія?—говоритъ И. М. Тогда этотъ же ученикъ обращается назадъ къ сидящему за 5-й партой и повторяетъ то же самое, что его И. М. спрашиваетъ, какъ его фамилія.

И. М. громко кричитъ: „то ты самый и есть, обращающійся назадъ, какъ твоя фамилія?“ Ученикъ толкаетъ сидящаго рядомъ съ нимъ по правую сторону и говоритъ: „встань! тебя спрашиваетъ И. М., какъ твоя фамилія.“ — То ты самый и есть, толкающій

сосѣда по правую сторону, тебя я и спрашиваю, какъ твоя фамилія. Ученикъ толкаетъ сидящаго съ нимъ по лѣвую сторону, повторяя то же самое. Тогда Иванъ Максимовичъ вскакиваетъ на парту и по партамъ идетъ къ этому ученику, толкавшему своего сосѣда по лѣвую сторону, а ученикъ моментально опускается подъ парту и такимъ путемъ выбѣгаетъ изъ класса. Сошедши съ партъ, И. М. останавливается среди класса лицомъ къ ученикамъ, разставляетъ широко ноги, вынимаетъ изъ жилетнаго кармана серебряную табакерку и, взявъ двумя пальцами табаку, подноситъ его къ одной ноздрѣ и, нюхнувъ, останавливается, какъ будто въ какомъ раздумѣ. Въ эту минуту нѣсколько учениковъ кричатъ: „добей, добей Титовъ!“

Иванъ Максимовичъ, докончивъ свою операцію, опять кричитъ: „шалишь, то скотина, дуракъ, кто тамъ шумитъ? Развѣ можно такъ кричать профессору?“—Ты не профессоръ, а учитель,— снова кричатъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ. „То все равно, то дуракъ, то скотина, въ академіи былъ, четыре года учился, а ты пріѣхалъ изъ Весъегонскихъ лѣсовъ, то и думаешь, кто ты такой! Проучись-ка напередъ въ семинаріи шесть лѣтъ, а потомъ въ академіи 4 года, если еще попадешь туда, а я вотъ проучился въ академіи 4 года и теперь сталъ профессоромъ“, заканчиваетъ И. М. Снова голоса: „ты не профессоръ, учитель, учитель!“ То все равно, дуракъ, скотина, говорятъ вамъ!—

На мгновеніе утихаетъ все. И. М. вынимаетъ изъ кармана списокъ и своимъ басовымъ голосомъ кричитъ: „Иванъ Волки (такъ произносилъ И. М. фамилію Волковъ) Тверскій первый, Иванъ Волки Тверскій первый, выходи на средину переводить!“ Громкіе голоса въ

отвѣтъ И. М.: „нѣту Волкова, жениться поѣхалъ, умеръ!“ И. М. продолжаетъ кричать: „Иванъ Волки Тверскій первый, Иванъ Волки Тверскій первый.“ Нужно замѣтить, что въ Тверскомъ училищѣ было два Ивана Волкова и оба попали во второе отдѣленіе къ Ивану Максимовичу, а потому одинъ былъ: Иванъ Волковъ Тверскій 1-й, а другой Иванъ Волковъ Тверскій 2-й.

И. Волковъ Тверскій 1-й вышелъ на средину и началъ что то переводить.

Иванъ М. остался доволенъ его переводомъ и поставилъ въ списокъ отмѣтку единицу, а по обѣимъ сторонамъ ея по чертѣ III, а Волковъ, увидѣвъ это, спросилъ: „И. М., что это за отмѣтку вы сдѣлали мнѣ въ списокъ: единицу, а по бокамъ черточки?“— Это мой секретъ, то ты, дуракъ, этого не понимаешь,— отвѣчалъ И. М. и, вынувъ табакерку, началъ нюхать табакъ.

Въ эту минуту одинъ изъ учениковъ жалобнымъ голосомъ протянулъ: „Иванъ Максимовичъ, даай понюхать!“—Шалишь то, кто тамъ дуракъ, то скотина? Развѣ можно у профессора просить понюхать табакъ?—„Ты не профессоръ, учитель, учитель!“ опять кричатъ И. М.—Все равно, въ академіи былъ, 4 года учился, то скоты, не понимаете!—

Послѣ этого Иванъ Максимовичъ спросилъ еще нѣсколько учениковъ; этимъ и закончился классъ.

Въ слѣдующій классъ, по прочтеніи молитвы, И. М. сѣлъ на стулъ, опять цензоръ подалъ ему журналъ для подписи. Въ классѣ тишина. Какъ только И. М. подписалъ журналъ, большая часть учениковъ встали со своихъ мѣстъ, топали ногами, кричали: „братцы! Титовъ женится, игуменью замужъ беретъ!“ И. М. отвѣчалъ: „то врешь, дуракъ, скотина, неспособенъ“, началъ бѣгать по классу, крича: „шалишь, то

дуракъ, шалишь, то скотина“, и вдругъ взглядъ его останавливается на мнѣ. Я сидѣлъ въ концѣ первой парты около двери и ростомъ былъ очень малъ, а мнѣ говорили, что Иванъ Максимовичъ терпѣть не можетъ маленькихъ; это и подтвердилось.

И. М. подошелъ ко мнѣ и началъ говорить: „шалишь то, ты мальчишка, то дуракъ, то скотина!“ Я отвѣчаю: „И. М.! Я сидѣлъ смирно, не шалилъ“.

— То врешь, то скотина, ты шальница, пошелъ, переводи!— Я вышелъ на средину и началъ переводить съ лат. языка на русскій что то изъ христоматіи. „Переводишь то порядочно, а все таки ты мальчишка шальница! Пошелъ, садись!“ Едва я сѣлъ на прежнее мѣсто, какъ И. М. опять подошелъ ко мнѣ и снова сталъ распекать меня: „Шальница то, ты мальчишка! Цензоръ, поди сюда!“ Подходить цензоръ Моревъ. И. М., обращаясь къ цензору, говоритъ: „то цензоръ, что намъ дѣлать съ этимъ мальчишкою, переводить то онъ порядочно, да шальница?“ Цензоръ отвѣчаетъ: „нѣтъ, онъ, кажется, не шалить и сидитъ смирно.“ И. М. возражаетъ: „шальница, шальница!“ и, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ: „ты какъ шальная, блудливая корова, которая бѣжитъ по улицѣ и смотритъ, нѣтъ ли гдѣ отворенныхъ воротъ, и, увидѣвъ настежъ отворенныя ворота, вбѣгаетъ во дворъ, такъ и ты бѣгаешь вездѣ и ищешь, гдѣ шальницы мальчишки. Вотъ возьму тебя, какъ щепку, перекину черезъ крышу, и, гдѣ щепка упадетъ, не извѣстно; она пропала, такъ то же самое можетъ быть и съ тобою. Слѣдуетъ только написать начальству, что такой то мальчишка Малейнъ шальница, негодяй, и... ты пропалъ ты, ты...“, и при этомъ И. М. развелъ руками. Я все стоялъ и со страхомъ и слезами слушалъ грозную, незаслуженную рѣчь И. М., котораго я боялся

и никогда не имѣлъ намѣренія чѣмъ либо обидѣть или разсердить, такъ какъ считалъ это грѣхомъ и, кромѣ этого, зналъ, что за оскорбленіе И. М. начальство строго взыскивало. Еще не успѣлъ И. М. отойти отъ меня, какъ изъ передняго угла кто то закричалъ: „Антропка!“ Изъ задняго угла кто то отвѣтилъ: „Чаво!“ Изъ передняго угла: „Напой мово коня!“ Изъ задняго: „А ты што же?“— Да на пецкѣ лежу, взопрѣлъ, не хотца ийти!—И. М. бѣжитъ по классу, крича: „кто тамъ шалить? Брось, то скотина, дуракъ, не хорошо!“.

Въ это время какъ то И. М. оставилъ на столѣ свою табакерку; одинъ ученикъ и взялъ ее со стола. И. М. хватился,—нѣтъ табакерки, началъ опять бѣгать по классу: „табакерки нѣтъ, табакерка пропала, кто взялъ, то отдай,“ чуть не со слезами началъ просить И. М.

Ученикъ опять незамѣтно положилъ табакерку на столъ, и многіе закричали: „не видишь, Титовъ, табакерка то на столѣ“. И. М., взявъ табакерку, успокоился.

Такъ какъ классъ И. М. представлялъ своего рода театръ, то нѣсколько учениковъ изъ другихъ отдѣленій приходили посмотрѣть на И. М. Иногда это проходило незамѣтно, а иногда ученики, увидѣвъ чужого изъ другого отдѣленія, начинали сначала тихо говорить: „чужой, чужой,“ а потомъ постепенно возвышать голосъ: „чужой, чужой!“ Далѣе они начинали стучать ногами и кричать: „чужой, чужой!“ И. М. моментально вскакивалъ со стула и бѣгалъ по классу, также крича: „гдѣ чужой? гдѣ чужой? кто чужой?“ А чужой уже убѣгалъ изъ класса.

Разъ какъ то я уговорилъ своего друга, Ивана Арсеньевича Николаевского, придти къ намъ на классъ И. М. Иванъ Арсеньевичъ согласился; я посадилъ

его съ собою. Сначала шло все хорошо, но вотъ кто то шепнулъ: „чужой,“ далѣе другой громче повторилъ: „чужой,“ и въ ту же минуту поднялся общій крикъ: „чужой, чужой!“ И. М. забѣгалъ по классу и какъ то увидѣлъ сидящаго со мною И. А.; онъ тотчасъ остановился передъ нимъ. „Ты зачѣмъ пришелъ сюда, мальчишка, то скотина? Чего тебѣ надо! У тебя свой классъ есть! Туда и иди,“ говорилъ сердито Иванъ Максимовичъ. Бѣдный мой Ваня, конечно, поспѣшилъ выдти изъ нашего класса. Другой разъ какъ то зашелъ къ намъ въ классъ басъ архіерейскаго хора, Василій Вас. Исполатовскій (пѣвчіе архіерейскіе на уроки не ходили, но ихъ аккуратно переводили изъ класса въ классъ), и сѣлъ въ заднемъ углу. Когда стемнѣло въ классѣ, Исполатовскій сказалъ: „братцы! споемъ что нибудь!“ Товарищи отвѣчали: „ладно, споемъ.“ И тотчасъ вполголоса запѣли: „Воскресенія день...“—ирмосы пасхи. Услышавъ это, И. М. побѣждалъ къ заднему углу и началъ говорить: „кто тамъ то поетъ? Брось, то дуракъ, поете то хорошо, да не мѣсто!“ Ученики закричали: „это Исполатовскій поетъ!“

— Исполатовскій, то брось, не пой! — говоритъ И. М. А Исполатовскій отвѣчаетъ: „ну, послѣднимъ меня записалъ, 151-мъ, да еще обращаешь вниманіе. Проваливай дальше!“ И. М. замолчалъ. Въ глухую осень и зиму, когда въ классѣ съ 3-хъ часовъ уже было темно (начальство на это не обращало вниманія), ученики, соскучившись сидѣть въ темнотѣ, подымали шумъ, особенно сидящіе сзади. Сначала кто нибудь тихонько говорилъ: „звонокъ“. Слово это моментально подхватывали другіе громче, затѣмъ весь классъ начиналъ кричать: „звонокъ, звонокъ!“ Почти всѣ принимались стучать ногами, крича: „звонокъ, звонокъ!“ Нѣкоторые вскакивали на парты съ тѣмъ же

крикомъ. А былъ всего только въ началѣ четвертый часъ. Иванъ Максимовичъ съ поспѣшностію бралъ свою шапку, одѣвался и выходилъ изъ класса, за нимъ вышли и всѣ мы, а когда дошли до воротъ, то увидѣли, что ворота были заперты, а у боковой калитки стоялъ сторожъ, старый гвардеецъ Лука, и смотрѣлъ на насъ, не отворяя воротъ. *) Тогда нѣкоторые ученики стали говорить: „что, Титовъ? отпустилъ насъ ранѣе срока, вотъ уже тебя ректоръ оштрафуетъ на два рубля!“ И. М. отвѣчалъ: „то врешь, то дуракъ, скотина! Не оштрафуетъ! Я ему скажу, что вы выгнали меня изъ класса. Сторожъ, отворяй ворота!“ Лука отворилъ ворота, и мы пошли домой. Это повторялось нѣсколько разъ.

Такое безобразное поведеніе учениковъ на классѣ латинскаго языка при Иванѣ Максимовичѣ продолжалось болѣе года. Наконецъ, Иванъ ли Максимовичъ пожаловался на насъ ректору, или самъ ректоръ надумалъ посѣтить нашъ классъ, только какъ то совершенно неожиданно вошелъ къ намъ въ классъ ректоръ.

*) Уйти изъ класса во время занятій доставляло особое удовольствіе, но сторожъ Лука строго сматрѣлъ за этимъ. Намѣревавшійся уйти обыкновенно пряталъ свою фуражку и проходилъ въ калитку, мимо Луки, безъ фуражки, а затѣмъ, повернувъ за уголъ, надѣвалъ фуражку и шелъ далѣе.

Разъ Лука замѣтилъ уходящаго и погнался за нимъ, крича: „держи его, лови его!“ А воспитанникъ бѣжалъ впереди. Такимъ образомъ добѣжали они оба до Волжскаго моста, приблизительно съ версту отъ семинаріи.

На мосту кто то схватилъ воспитанника и сталъ держать, пока Лука не дошелъ до нихъ.

Схватившій воспитанника спросилъ у Луки: „что этотъ семинаристъ сдѣлалъ, укралъ что ли?“—Нѣтъ! убѣгъ изъ семинаріи!—отвѣчалъ Лука. „А я думалъ, что онъ набѣдокурилъ что—нибудь“, сказалъ державшій воспитанника и, толкувъ его, прибавилъ: „бѣги, братъ, дальше!“ Бѣдный Лука чуть не заплакалъ и сказалъ: „зачѣмъ ты отпустилъ его? съ меня спросятъ.“

Ректоръ былъ въ санѣ архимандрита, Никодимъ, хохоль, не высокаго роста, черный, обросшій кругомъ волосами, при маломъ лицѣ. Онъ же былъ настоятелемъ Тверскаго Отроча монастыря. При входѣ ректора въ классъ, И. М. подошелъ къ нему для благословенія.

Благословивъ И. М., ректоръ началъ говорить обращаясь къ ученикамъ: „слышалъ я, что вы не хогошо ведете себя въ квасѣ (такъ картавя, произносилъ ректоръ), а квасъ есть священное мѣсто, гдѣ вы погосвѣщаетесь, а вы бѣгаете здѣсь, кѣичите, бѣснуетесь, яко чегти въ адѣ“ и при этомъ стукнулъ своею тростью въ полъ. „Потомъ поѣдете домой къ отцамъ, а отцы возьмутъ васъ съ собою ходить по пѣиходу, гдѣ отецъ, взявши въ гуки стаканъ съ виномъ, вмѣсто того, чтобы удегжать сына отъ вина, говогить сыну: „пей, Мишенька, пей! зелено вино, вино хогошее, а вы и давай съкѣяницы да бгатыни осушаты!“ Окончивъ рѣчь, ректоръ спросилъ И. М., чѣмъ тотъ занимается. И. М. сказалъ: „вотъ я заставилъ одного ученика переводить со славянскаго языка на латинскій 21 главу Евангелиста Іоанна.“ Ректоръ отвѣчалъ: „ну и погдолжайте, пусть отвѣчаетъ ученикъ.“

Ученикъ переводилъ хорошо и уже дошелъ до 10 ст., гдѣ написано: „глагола имъ Іисусъ: принесите отъ рыбъ, яже ясте нынѣ.“ Начальныя слова до словъ: „яже ясте нынѣ“ ученикъ перевелъ хорошо, а потомъ остановился и задумался.

И. М. сказалъ: „ну что же задумался? не знаешь, какъ перевести ясте—*едо* ѣмъ, переводи то дальше, *едо* ѣмъ!“

—Ха, ха, ха! отъ одной отвалишься, Иванъ Максимовичъ,—на весь классъ захохоталъ и закричалъ ректоръ. Иванъ Максимовичъ, спохватившись, что

ошибся, началъ правою рукою чесать себя по затылку и скороговоркою громко возглашать: „то ошибся, то *sarîo* ловлю, то *sarîo* ловлю, то *sarîo* ловлю!“

Ректоръ сказалъ: „ну довольно, Иванъ Максимовичъ, поощайте! А вы, воспитанники, стагайтесь учиться и ведите себя смигно!“

Глава двѣнадцатая.

Сказаніе о томъ, какъ я пожелалъ учиться Нѣмецкому языку но не учился, и что изъ этого вышло.

Лучшіе ученики (въ числѣ которыхъ былъ и я) обязаны были при поступленіи изъ училища въ семинарію изучать одинъ изъ новыхъ языковъ: французскій или нѣмецкій. Преподавателемъ французскаго языка былъ И. М. Титовъ, а преподавателемъ нѣмецкаго Владиміръ Евѣимовичъ Моревъ. Я записался на нѣмецкій языкъ. Желавшихъ учиться этому языку было не болѣе 40 человекъ, классы были два раза въ недѣлю: въ четвергъ—съ 2 до 4-хъ часовъ пополудни и въ субботу, въ такое же время.

По приходѣ на первый урокъ, В. Е. заявилъ, что нужно пріобрѣсти нѣмецкую грамматику и христоматию, и велѣлъ учить склоненія.

Я купилъ какую то грамматику, но она оказалась плохую, христоматию не купилъ. Въ слѣдующій классъ В. Е. велѣлъ изучить спряженіе; я ничего не училъ, а, когда явился въ классъ, В. Е. говоритъ: „теперь мы будемъ по немногу переводить.“ Я и ротъ разинулъ... переводить, когда я не умѣю глагола отличить отъ существительнаго имени; но нѣкоторые могли уже переводить легкія фразы. Вѣроятно, они имѣли репетиторовъ или очень усердно занимались, когда я только лѣнился.

Видя, что изученіе нѣмецкаго языка—занятіе трудное, я пересталъ совсѣмъ посѣщать эти классы, не подозрѣвая того, что и по нѣмецкому классу ведется особый журналъ, въ который записываются не бывшіе въ классѣ и по какой причинѣ.

Къ тому же въ четвергъ или въ субботу хозяйка постоянно топила баню, куда я ходилъ съ особою любовью, что было и естественно, такъ какъ жили мы довольно грязно.

Непосѣщеніе мною классовъ нѣмецкаго языка записывалось въ особый журналъ съ отмѣткою, что я не былъ въ классѣ по *лѣности*.

Такихъ упущеній мною классовъ къ концу года оказалось много, около 40, и все по лѣности, но безъ дополненія, что я не приходилъ на классы только нѣмецкаго языка, а не другихъ предметовъ. По истеченіи года составлялся одинъ общій списокъ учениковъ по всѣмъ предметамъ, и, хотя я по всѣмъ предметамъ успѣвалъ хорошо и шелъ высоко, меня, по общему списку, все же записали въ третій разрядъ, третьимъ отъ конца, рядомъ съ архіерейскими пѣвчими. На экзаменѣ меня не спрашивали; обыкновенно спрашивали только лучшихъ учениковъ, а объ остальныхъ начальство мало заботилось.

Когда, по пріѣздѣ съ лѣтнихъ каникулъ, я узналъ, что по общему списку записанъ въ третій разрядъ, я упалъ духомъ, плакалъ; посовѣтовали мнѣ подать ректору объясненіе. Я подалъ объясненіе, но ректоръ только осердился на меня, говоря: „ты долженъ былъ подать прошеніе, а не объясненіе.“

Находясь въ горести душевной, я началъ молиться Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она—Царица Небесная—избавила меня отъ надвигающейся бѣды.

Въ Трехъ-Исповѣдницкой церкви, куда я обыкновенно ходилъ къ службѣ, была Икона „Взысканіе погибшихъ Пресвятой Богородицы“ (празднов. 5 февраля). Передъ этою иконою я молился со слезами, прося милости у Царицы Небесной, чтобы Она, Милостивая Владычица, помогла мнѣ подняться изъ

3-го разряда и чтобы меня не исключили изъ семинаріи. При одномъ представленіи объ этомъ, я дрожалъ отъ страха.

Сынъ бѣднаго причетника, малый ростомъ, слабый силами, куда я могъ годиться, еслибы былъ исключенъ изъ семинаріи?

На гражданскую службу дѣтей причетниковъ не принимаютъ, въ причетники идти—молодъ, работать дома съ отцомъ—силы мало, да и пользы никакой.

Часто я просыпался ночью отъ горя. Началъ учиться прилежнѣе. Преподаватели, видя мои успѣхи, спрашивали меня, почему я, по общему списку, такъ низко записанъ. Я имъ объяснялъ, и они удивлялись. Къ вящей моей печали было получено въ семинаріи синодское распоряженіе о сокращеніи штата учениковъ съ 840 на 470 чел. Я уже окончательно потерялъ голову.

Но Царица Небесная, Пресвятая Богородица, услышала мою грѣшную молитву и защитила меня и избавила отъ бѣды. До конца жизни моей не забуду Ея, Царицы Небесной, неизреченной милости, явленной Ею мнѣ грѣшному.

Дѣло было такъ: вслѣдствіе синодскаго распоряженія о сокращеніи штата учениковъ, начальство семинарское постановило произвести всѣмъ строгій экзаменъ и послѣ пшеницу очистить отъ плевелъ. Написаны были билеты по всѣмъ предметамъ, и вызываемые для отвѣта ученики брали билеты и отвѣчали экзаменаторамъ: ректору, инспектору, помощнику ректора.

До настоящаго времени, какъ я выше сказалъ, спрашивали только лучшихъ учениковъ, оставляя въ покоѣ остальныхъ, а объ третьемъ разрядѣ нечего и говорить.

На этотъ разъ ректоръ поступилъ иначе. Когда очередь дошла до четвертаго отдѣленія, то онъ, спросивъ нѣсколько учениковъ изъ перваго разряда, перевернулъ списокъ и спросилъ самаго послѣдняго ученика, оказавшагося архіерейскимъ пѣвчимъ. Ему отвѣтили: „не пришелъ на экзамень—пѣвчій!“ Ректоръ спросилъ предпослѣдняго, и тотъ тоже оказался пѣвчимъ и равнымъ образомъ не явился на экзамень.

Затѣмъ по списку числился я. Ректоръ громко вызываетъ: „Малеинъ!“ Я подошелъ къ столу и поклонился ректору. Ректоръ мнѣ говоритъ: „бери билетъ и отвѣчай!“ Экзамень былъ по священному писанію. Я взялъ билетъ, на которомъ было написано: о книгѣ „Исходъ.“ Лекціи я изучилъ основательно.

„Ну, о чемъ билетъ?“ спросилъ меня ректоръ. „О книгѣ „Исходъ,“ говорю я. „Отвѣчай!“ Я началъ говорить твердо, смѣло.

А ректоръ въ это время, обратившись къ своему помощнику, не слушалъ моего отвѣта, разговаривая съ помощникомъ. Рядомъ съ ректоромъ сидѣлъ инспекторъ В. Ѳ. Лисицынъ. Ему было досадно, что ректоръ не съ нимъ говоритъ, и, кромѣ того, подстрекало любопытство, о чемъ ректоръ говоритъ съ помощникомъ.

Поэтому инспекторъ, обратившись къ ректору, началъ говорить: „Ваше Высокопреподобіе! Не правда ли, какъ ученикъ отвѣчаетъ хорошо?“ И, когда ректоръ все еще продолжалъ свой разговоръ съ помощникомъ, инспекторъ опять повторилъ свое наблюденіе за моимъ отвѣтомъ.

Ректоръ, прекративъ разговоръ, пристально устремилъ свой взглядъ на меня и слушалъ мой отвѣтъ. Ободренный вниманіемъ ректора, я еще смѣлѣе продолжалъ свой отвѣтъ.

Вдругъ ректоръ громко говоритъ: „хогошо, бга-тець, очень хогошо, очень хогошо! Чей сынъ?“ — Причетницкій, — отвѣчаю я. „Казенное пособіе получаешь?“ — Нѣтъ, не получаю. — „Вотъ кому надо давать казенное пособіе! Почему ты такъ низко стоишь въ списокѣ?“ — Не знаю, — отвѣчалъ я. „Ступай; бвагодарю тебя.“

Съ великою радостью вышелъ я изъ класса, но все же сердце было не спокойно, такъ какъ не было примѣровъ, чтобы изъ третьяго разряда кого переводили въ слѣдующій классъ.

Послѣ экзаменовъ отпустили насъ домой на вакацію до 1-го сентября, и я съ Ваней пришелъ домой пѣшкомъ.

Около этого времени у Вани умеръ отецъ, и онъ поступилъ въ семинарскій корпусъ на казенное содержаніе.

По прибытіи домой отецъ спросилъ меня, какъ мои успѣхи, и надѣюсь ли я перейти въ философію (среднее отдѣленіе семинаріи).

Я отвѣчалъ, что ничего не могу сказать объ этомъ; на экзаменѣ отвѣтилъ хорошо, но изъ Синода прислана бумага о сокращеніи штата учениковъ на половину; а у самого меня сердце такъ ноетъ, ноетъ, — что то будетъ со мною?

Все вакаціонное время я провелъ скучно. Одна мысль и опасеніе, чтобы меня не исключили, постоянно преслѣдовала меня.

2-го сентября отецъ привезъ меня и брата Петра въ Тверь. 3-го сентября я отправился въ семинарію узнать о своей участи, но въ семинаріи мнѣ сказали, что переводныхъ списковъ сегодня читать не будутъ.

На слѣдующій день я получилъ тотъ же отвѣтъ. Такъ прошло около двухъ недѣль.

Наконецъ, объявили намъ, всѣмъ ученикамъ, прибывшимъ въ семинарію, чтобы мы шли сейчасъ въ соборъ къ молебну, а оттуда въ богословскій залъ, гдѣ и будутъ читать переводные списки.

Помолившись въ соборѣ, вся семинарія направилась въ богословскій залъ, гдѣ стало тѣсно и шумно. Вдругъ пришелъ секретарь. Всѣ притихли. Секретарь началъ читать списокъ со старшаго класса, т. е., 1-го отдѣленія богословскаго класса, такимъ образомъ: высшее 1-е отдѣленіе, разрядъ первый: такіе то и такіе назначаются въ С.-Петербургскую академію, всего двое, или трое; потомъ еще человѣкъ 18, причисленные къ 1-му разряду.

Разрядъ 2-й: Алексѣй Никольскій и т. д. При этомъ я взглянулъ на Никольскаго и увидѣлъ, что у него лицо вытянулось на № 7, а на глазахъ показались слезы. Никольскій былъ высокаго роста, блондинъ, красивый собою, сынъ причетника, мечтавшій окончить курсъ въ 1-мъ разрядѣ со званіемъ студента и поступить на гражданскую службу. И вотъ всѣ мечты его рушились! Сынъ причетника, не окончившій курса въ 1-мъ разрядѣ, по тогдашнему закону, не могъ поступить на гражданскую службу и получить чинъ. Жаль мнѣ его было!

Секретарь продолжалъ чтеніе: высшее 2-е отдѣленіе, высшее 3-е. Далѣе: среднее 1-е отдѣленіе. Разрядъ 1-й... Разрядъ 2-й...

Переводятся въ высшее отдѣленіе. Разрядъ 3-й: такіе то исключаются изъ семинаріи. Опять нѣсколько печальныхъ лицъ.

Среднее 2-е отдѣленіе. Среднее 3-е отдѣленіе....

Я уже не обращалъ вниманія на чтеніе и съ нетерпѣніемъ ожидаю, когда будутъ читать: низшее отдѣленіе.

Вотъ секретарь возглашаетъ: низшее 1-е отдѣленіе.

Разрядъ 1-й, 2-й: переводятся въ среднее отдѣленіе...такіе то. Разрядъ 3-й: исключаются.....

Такимъ же образомъ секретарь читаетъ: низшее 2-е отдѣленіе.

Далѣе: низшее 3-е отдѣленіе, въ которомъ учился незабвенный другъ мой Иванъ Арсеньевичъ Николаевскій—вѣчная ему память! Я наострилъ, какъ говорятъ, уши. Секретарь читаетъ: разрядъ 1-й.... Разрядъ 2-й: Иванъ Николаевскій.. Я такъ и ахнулъ отъ страха. Николаевскій по всѣмъ предметамъ стоялъ очень высоко, а по общему списку, неизвѣстно, почему, попалъ во второй разрядъ.

Я думалъ, что, если Николаевскій переведенъ въ среднее отдѣленіе во 2-мъ разрядѣ, то я, навѣрно, уже исключенъ и, стоя, дрожалъ, какъ осиновый листъ.

Секретарь громогласно возгласилъ: низшее 4-е отдѣленіе. Разрядъ 1-й: такіе то, такіе то. Я не слушаю и только стою и дрожу. Разрядъ 2-й: Іустинъ Малеинъ! Я весь вострепнулся и не могъ ничего сообразить... Подбѣгаю къ товарищамъ и спрашиваю ихъ: „братцы! кажется, секретарь читалъ меня, вы слышали?“—Да что ты, глухъ что ли былъ? Конечно, читалъ; ты переведенъ въ среднее отдѣленіе первымъ во 2-мъ разрядѣ!—„Да нѣтъ“, опять я продолжаю спрашивать товарищей: „правду скажите, братцы: вы слышали, слышали?“ Товарищи, смѣясь, отвѣчаютъ мнѣ: „кажется, Малеинъ, ты сегодня съ ума сошелъ? Ни себѣ, ни намъ не вѣришь—отстань!“ Дѣйствительно, отъ радости я потерялъ сознаніе и не помню, какъ провелъ этотъ день.

Въ ближайшій послѣ этого день я пошелъ въ Трехъ-Исповѣдницкую церковь и просилъ протоіерея

этой церкви Тимофея Ивановича Городецкого отслужить молебенъ Пресвятой Богородицѣ предъ Иконою Ея: „Взысканіе Погибшихъ“. Онъ отслужилъ, и я, какъ могъ, благодарилъ Царицу Небесную, Пресвятую Богородицу, за неизреченныя Ея милости ко мнѣ грѣшному. И съ тѣхъ поръ во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращаюсь къ Ней, Заступницѣ насъ грѣшныхъ, съ молитвою и твердо вѣрую, что милостію Ея и живу до сихъ дней. Послѣдній разъ мнѣ служилъ молебенъ передъ этою Иконою священникъ Троицкій, когда я отправлялся на службу въ гор. Осташковъ. И вотъ, почти двухгодичная моя служба въ городѣ Осташковѣ была вполне благополучною. Постоянно приходилось мнѣ разъѣзжать по уѣзду, гдѣ большіе лѣса, озера, множество звѣрей, и, благодареніе Царицѣ Небесной, никогда не видалъ я опасности ни отъ звѣрей, ни отъ нападенія злыхъ людей...

Глава тринадцатая.

Мое участіе въ сельскихъ хороводахъ.

Со времени поступленія моего и Вани въ семинарію, мы уже считали себя возрастными (большими семинаристами), носили сюртуки и брюки на выпускъ, а во время святокъ начали ходить на вечеринки вмѣстѣ съ Петромъ и Леонтіемъ Ивановичами Садиковыми, обучавшимися въ старшихъ классахъ семинаріи.

Вечеринки устраивали наши сестры, а также дочери священника Судакова и діакона Морковина.

Весь расходъ на вечеринки состоялъ въ покупкѣ одной сальной свѣчки въ 3 коп. Вечеринки устраивались дѣвицами въ будни съ прялками, а въ Воскресенье и праздничные дни безъ прялокъ. Когда назначались вечеринки безъ прялокъ, то составлялся хороводъ, и пѣли хороводныя пѣсни.

Одинъ изъ кавалеровъ (?) выбиралъ одну дѣвицу и съ нею, вдвоемъ, ходилъ впередъ и назадъ по избѣ, а всѣ пѣли:

Леталъ голубъ, леталъ сизый со голубкою.
Какъ ходилъ, гулялъ молодчикъ съ красною
дѣвицею.

Еслибъ эта мила дѣвица во теремѣ жила,
Я бы золотомъ увѣсилъ,
Жемчугомъ бы обдарилъ,
Я бы лѣтнею порою
Во колясочкѣ каталъ;
Я бы зимнею порою
На своихъ добрыхъ коняхъ
И на лаковыхъ саняхъ.
Беру дѣвицу за рученьку,

Въ собраньице веду,
Скажу: дѣвица, домой!
Мы простимся съ тобой!
Гдѣ ни сойдемся,
Мы поклонимся,
Гдѣ ни свидимся,
Поцѣлуемся.

Происходитъ цѣлованіе, причемъ дѣвица иногда отказывается отъ цѣлованія, говоря, что этого въ пѣснѣ нѣтъ, но кавалеръ всегда настаиваетъ на своемъ.

2. Ужъ какъ подъ кустомъ олень,
Подъ ракиновымъ олень.
Тепло ли ти, олень
Студено ли, молодой?
Не мнѣ тепло,
Не мнѣ холодно.
Ты бери себѣ, олень,
Выбирай, молодой,
Что котора ти любя,
(если ходилъ по избѣ кавалеръ)
Что котора хороша.
Мнѣ Настасья то любя,
Михайловна хороша,
Хорошононько у батюшки снаряжена,
Крупнымъ жемчугомъ унизана.

Если же ходила дѣвица, то поютъ сначала то же, а потомъ:

Ты бери себѣ, олень,
Выбирай, молодой,
Что который тебѣ любъ,
Что который хорошъ.
Мнѣ Устинъ то сударь любъ,
Михайловичъ хорошъ!
Хорошононько у батюшки снаряженъ онъ,

На немъ синь сюртукъ съ борами,
Кушакъ алый съ полосами,
И головушка съ кудрями.

3. Кавалеръ выбираетъ себѣ дѣвицу и съ нею
вдвоемъ ходить по избѣ, при чемъ всѣ поютъ:

Положу я лавыньку
Черезъ быстру рѣченьку,
Приведу я дѣвицу
На свою сторонушку.
На моей ли на сторонкѣ
Очень жить хорошо!
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камушки драгіе,
У насъ рѣки медовыя,
Въ рѣкахъ лодки золотыя.
Не обманывай, купецъ,
Разудалый молодецъ!
У васъ горы земляныя,
Въ горахъ камушки простые,
У васъ рѣки водяныя,
Въ рѣкахъ лодки деревянныя.

Раскланиваются и садятся.

4. Я пойду, пойду по городу гулять,
Что по Бѣжецкому,
Я куплю себѣ косыночку,
Тонку, бѣлую, декосовую!
Ужъ кого же мнѣ косынкой подарить?
Подарю ли я миленькой.

Ты прими, прими, милая, подарокъ отъ меня!

И при этомъ подаетъ дѣвицѣ платокъ. Если
дѣвица принимаетъ отъ кавалера платокъ, то про-
должаютъ пѣть:

Вѣрно, милая любить меня,
Принимаетъ платочекъ отъ меня,

А за этотъ за платочекъ
Поцѣлую разъ пяточекъ!

При этомъ дѣвица сначала также уклоняется отъ поцѣлуя, но кавалеръ говоритъ, что изъ пѣсни слова не выкинешь, и происходитъ цѣлованіе.

5. Какъ во новой во конторѣ
Сидѣлъ писарь молодой,
Въ коричневомъ скюртучкѣ,
Держалъ перышко въ рукѣ.
Вдругъ контора отворилась,
Мила дѣвица явилась,
Среди зала становилась,
Къ столику подошла,
Листъ бумаги подала,
Изъ конторы вонъ пошла.
Бросилъ писарь перья и бумаги
И всѣ присутственны дѣла.
Мнѣ та дѣвица мила,
Котора здѣсь была,
Листъ бумаги подала!

Когда эта пѣсня поется, дѣйствительно кто нибудь садится за столъ. Является дѣвица и подаетъ сидѣвшему бумаги, а сама уходитъ. Изображающій писаря сердито бросаетъ на полъ перья и бумаги.

6. Заинька, попляши,
Сѣренькой, поскачи,
А самъ взявшись за бочка,
Ручки въ бочки, повернись!
Гдѣ зайцу будетъ выдти,
А другому войти?

Если ходилъ по избѣ кавалеръ, то подходитъ къ дѣвицѣ и кланяется. Та встаетъ и ходитъ по избѣ, а всѣ поютъ эту пѣсню.

7. Пошелъ молодецъ, пошелъ удалецъ.
Дунай ли, мой Дунай, роза алая Дунай!
Не въ пиръ пировать, во зеленый садъ гулять!
Дунай ли, мой Дунай!.....
Становился молодецъ, становился удалецъ.
Дунай ли, мой Дунай!.....
Противъ дѣвицы на софѣ,
Что на розовой тафтѣ.
Дунай ли, мой Дунай!.....
Молодецъ дѣвицѣ поклонъ,
И платочекъ изъ рукъ вонъ.
Дунай ли мой Дунай!.....
Прошу, дѣвица, подай!
Расхорошая, подай!
Дунай ли, мой Дунай!.....
Я, извольте, вамъ подамъ,
Я послушаюсь васъ,
Поцѣлую сто пять разъ!

8. Всѣ дѣвицы и кавалеры составляютъ кругъ, исключая одного кавалера и одной дѣвицы; становится кавалеръ внутри круга, а дѣвица за кругомъ, и начинается пѣніе:

Кругъ куста, кругъ куста
Было ракитова,
Ходить, гуляетъ
Молодая волжаночка,
Вскричитъ она,
Взвopитъ она
Молодому волжанину:
Подъ сюда, подъ сюда!
Молодой волжанинъ, подъ сюда!
Солоду расти сладкаго!
Я не умѣю, я не гораздъ
Солода расти сладкаго.

Продолжается пѣніе опять сначала, а потомъ поется:

Молодой волжанинъ, подь сюда
Пиво варить пьяное!
Я не умѣю, я не гораздъ
Пиво варить пьяное!

Поется пѣсня сначала третій разъ.
Молодой волжанинъ, подь сюда
Пиво пить сладкое,
Пиво пить пьяное!

Кавалеръ, который былъ въ кругу, цѣлуетъ барышню, ходившую за кругомъ. Потомъ кавалеръ угощаетъ поцѣлуями всѣхъ участвовавшихъ въ кругу.

9. Варилъ чернецъ пиво,
Варилъ молодое.
Чернечикъ ты мой,
Горюнъ молодой!
Чернецкое пиво
Разбористо было!

припѣвъ: Чернечикъ ты мой и т. д.

Я пиво сливала,
Меня разбирало!

припѣвъ: Чернечикъ ты мой и т. д.

Вступила хмѣлинка
Во буйну головку!

припѣвъ: Чернечикъ ты мой и т. д.

Нельзя мнѣ тряхнуться,
Нельзя ворохнуться!

припѣвъ: Чернечикъ ты мой и т. д.

Вступила хмѣлинка
Во скорыя ножки!
Авось я тряхнуса!

Вскакиваетъ при этомъ кавалеръ, топаетъ ногою, и поется:

Авось ворохнулся!

припѣвъ: Черникъ... тѣмъ и кончается.

10. Зайинька бѣленькой, Я хожу гуляю Да по хороводу, Смотрю — выбираю Хорошаго тестя. Я пошелъ, Я нашелъ Хорошаго тестя.	{ Становятся всѣ въ кругъ и поютъ, а одинъ кавалеръ хо- дитъ въ срединѣ круга и выбираетъ сначала тестя, по- томъ тещу, далѣе шурина, сестрицу и, наконецъ, любушку.
---	---

Затѣмъ пѣсня повторяется сначала до слова:
смотрю, выбираю

Хорошую тещу, потомъ хорошаго шурина, далѣе хорошую сестрицу и, наконецъ, хорошую любушку.	{ Съ тѣмъ же при- пѣвомъ.
--	------------------------------------

Я на тестя разсержусь,
Съ богатымъ разбранюсь,
А ты, теща, не сердись,
Пожалуста берегись!
Осѣдлаю я коня,
А шурина со двора
Милая сестрица!
Ты намъ не пѣвица!
Подумаю думушку,
Поцѣлую любушку!

11. Все бы я по горенкѣ ходила,
Все бы я съ милымъ говорила:
Ахъ ты, мой милый, чернобровый!
Не садися со мной рядомъ!
Люди скажутъ, что ты любишь.
Если любишь, то скажися,
Если не любишь, — откажися!
Ты скажися, чьего рода?
Ужъ я рода не простова,

Не простова, княжескова!
Княжеской сынъ въ гусли играетъ,
Меня дѣвицу спотѣшаетъ.
Будь же ты, дѣвица, со мною,
Я съ тобою,
Будемъ жити не тужити!

12. Улица, улица широкая моя,
Травка муравка зелененькая!
Вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ,
По широкой удаленькій,
Собою бѣлый, кудреватенькій.
Сюртучекъ на немъ коричнева сукна,
Шапочка бархатная,
А околышекъ чернова соболя.
Онъ прежде которую искалъ,
Повстрѣчавши, здорово не сказалъ;
Вѣрно, миленькій сердить на меня,
Душа радость есть иная у тебя.
Не одна ты, красна дѣвица душа!
Не одна ты уродилась хороша!
Есть которая лучше тебя!
Наша дѣвица со всѣми говоритъ,
Наша милая очами всѣхъ дарить!
Повернусь я, повернуся молода,
Пойду къ милому скорешенько,
Попеняю я малешенько!

13. Вдоль да по рѣчкѣ,
Вдоль по Казанкѣ
Сизый селезень плыветъ,
По тому ли по бережку,
По тому ли по крутому
Добрый молодецъ идетъ,
Онъ со кудрями,
Онъ со русыми

Разговариваетъ:
Кому мои кудри,
Кому мои русы
Вѣкъ достанутся чесать?
Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабушкѣ чесать.
Какъ она ни чешетъ,
Какъ она ни гладитъ,
Волосъ къ волосу не лънетъ.
Доставались кудри,
Доставались русы
Красной дѣвицѣ чесать,
Она и умѣетъ,
Она и горазда
Молодцу кудри чесать,
Мои русы завивать!
То то мнѣ и радость,
То то и веселье,
Есть утѣха молодцу,
Есть утѣха удалъцу!

14. Какъ у сокола голова болить,
Какъ у яснаго разболѣлася,
Я головушку платочкомъ свяжу,
Платочкомъ свяжу—Тальянскимъ.
Что Тальянскимъ, Астраханскимъ!
Погляжу съ бочка,
Что на яблочко,
Поцѣлую, обойму,
Сама прочь пойду!

15. Царскій сынъ королекъ
Взойди сударь въ городокъ,
Царскій сынъ, повернись,
Повернувшись, поклонись!

Царскій сынъ, кого любишь,
Выбираешь!

Выбранную особу цѣлуешь.

По прошествіи нѣкотораго времени, начали тан-
цовать французскую кадрили подъ пѣсню: „Чирикъ,
чирикъ, маленькій воробушекъ! Гдѣ ты, чирикъ,
былъ? На канавкѣ, воду пилъ! Выпилъ рюмку, вы-
пилъ двѣ, зашумѣло въ головѣ. Что, дѣвицы, мало
насъ, милыя, немножко! При собраньи мало стало,
веселиться не съ кѣмъ стало! Ты, дѣвица, подъ сюда!
Милая, поди сюда! Я васъ очень люблю и за ручку
беру, въ собраньице приведу“. И опять повтореніе
сначала....

Глава четырнадцатая.

Поступленіе мое въ среднее отдѣленіе (философію).—Инспекторъ В. Ѳ. Лисицынъ.—Я и Я. Я. Радикорскій оказались какъ бы двумя евангелистами. Наказаніе воспитанниковъ.—„Вьюга“.—Опять И. М. Титовъ.—Преподаваніе естественныхъ наукъ.—Смѣна ректоровъ.—Видѣніе архимандриту Никодиму.—Третій братъ мой Иванъ поступаетъ въ духовное училище.—С. А. Троицкій.—Въ домѣ отца нанято помѣщеніе для училища.—О. Иванъ Судаковъ.—Борьба съ тараканами.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1851 года (учебный годъ начинался съ сентября) я былъ переведенъ въ среднее отдѣленіе Тверской семинаріи 1-мъ во 2-мъ разрядѣ, какъ сказано выше, а, по распредѣленіи на отдѣленія, былъ помѣщенъ во второе отдѣленіе (всѣхъ отдѣленій было 3).

Главными предметами въ среднемъ отдѣленіи считались Логика, Психологія и Патристика. Преподавателемъ этихъ предметовъ былъ инспекторъ семинаріи, магистръ богословія, В. Ѳ. Лисицынъ.

В. Ѳ. Лисицынъ былъ ростомъ не много выше средняго, тучный, говорилъ скороговоркою, почему и прозванъ былъ „барбосомъ“, очень разсѣянный, носилъ попеременно два парика на головѣ, сначала съ короткими волосами, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ длинными гладко причесанными.

Придя въ классъ на 1-й урокъ, онъ началъ говорить: „мы теперь должны приступить къ изученію Логики. Логика — пропедевтика (предуготовленіе) ко всѣмъ наукамъ, примѣрно: Грамматикѣ, Ариметикѣ, Исторіи, ко всѣмъ наукамъ пропедевтика—предуготовленіе“. Это В. Ѳ. повторялъ нѣсколько разъ....

Дальнѣйшихъ точныхъ объяснительныхъ словъ не упомяну. Однажды, послѣ Рождественскихъ каникулъ, В. Ѳ., придя въ классъ, сказалъ: „послушайте, братцы, я расскажу вамъ исторію, вчера случившуюся съ Яковомъ Яковлевичемъ Радикорскимъ и Иваномъ Алексѣевичемъ Плетневымъ (сидѣвшими тутъ же въ классѣ). Пришелъ И. А. Плетневъ къ Я. Я. Радикорскому въ гости. Я. Я. и говоритъ: не сыграемъ ли, И. А., въ три листика? И. А. отвѣчаетъ: отчего же не сыграть? Давай карты! Сѣли они играть. И. А. началъ обыгрывать Я. Я., а Я. Я. началъ горячиться и постепенно проигралъ всѣ свои денежки, наславленные во время Рождества Христова, ходя по приходу, а бросить игру не хотѣлъ. Не имѣя, что поставить на столъ, онъ принесъ свой сундукъ и сказалъ И. А.: мирилъ твои деньги, подъ тебя ставлю свой сундукъ со всѣмъ своимъ имуществомъ. Нужно замѣтить, что у Я. Я. на рукахъ были: три карты бардадымъ, фалька и тузъ, считавшіяся за три туза и довольно рѣдко приходящія, а у И. А. голыхъ три туза, самая высшая карта и весьма, весьма рѣдко приходящая. И. А., видя, что у Я. Я. уже ничего не остается, сказалъ: мирилъ! Что у тебя, Я. Я., кажи? три туза! отвѣчаетъ съ радости Я. Я. И. А. и говоритъ, смѣясь: ну твое все, бери! Но какъ только Я. Я. протянулъ руку къ деньгамъ, то И. А. поднесъ къ его носу свои карты и сказалъ: голенькіе, чистые три туза!

Взвыль бѣдный Я. Я., началъ просить И. А. отдать ему что нибудь, но И. А. не согласился. И вотъ Я. Я. явился ко мнѣ съ жалобою на И. А. Вотъ какая исторія случилась, господа! Ну что же, Яковъ Яковлевичъ, будешь еще когда играть въ три листика?“ спросилъ въ заключеніе Василій Ѳеодоровичъ.

Яковъ Яковлевичъ ничего на это не отвѣтилъ.

Изрѣдка заставляли насъ писать въ классѣ сочиненіе на заданную преподавателемъ тему. Темы эти иногда повторялись, года черезъ два, а самыя сочиненія съ отмѣткою балломъ возвращались писавшимъ. Такихъ сочиненій я набралъ у знакомыхъ довольно много, которыя и приносилъ въ классъ, когда заставляли писать такъ называемыя классическія сочиненія.

Случилось такъ, что Василій Θεодоровичъ задалъ намъ писать на тему, на которую у меня оказалось подлинное сочиненіе ученика П. Никольскаго съ хорошею отмѣткою, и я списалъ это сочиненіе слово въ слово и былъ доволенъ.

Неизвѣстно, какимъ образомъ у Як. Як. Радикорскаго, учившагося, къ слову сказать, довольно плохо, почему его въ иронію всегда и называли по имени и отчеству, даже и самъ Василій Θεодоровичъ такъ называлъ, какъ сказано выше, оказалось это сочиненіе въ копіи, и онъ также списалъ оное слово въ слово.

Черезъ нѣсколько времени В. Θ., пришедши въ классъ, сказалъ, что разсматривалъ наши классическія сочиненія и замѣтилъ, что нѣкоторые воспитанники поступаютъ совсѣмъ недобросовѣстно, подавая ему старыя, уже разсмотрѣнныя, сочиненія, наприкладъ: вотъ Малеинъ пишетъ, и началъ читать и прочиталъ цѣлую страницу изъ моего сочиненія. „Теперь послушайте, господа, что пишетъ Яковъ Яковлевичъ Радикорскій, и опять началъ читать тоже самое повтореніе словъ въ сочиненіи Радикорскаго. Слышите, господа, слово въ слово написано! Какъ это недобросовѣстно! Малеинъ! какъ же это могло случиться? Вы оказались два евангелиста!“ Я отвѣчаю: „Василій Θεодоровичъ! У меня было

подлинное сочиненіе, а у Я. Я., должно быть, копія, и оба мы списали съ прежняго сочиненія“. — Не хорошо, братецъ Малеинъ, такъ дѣлать, не хорошо! Ты учишься порядочно, могъ бы и самъ написать! Якову Я. можно извинить, ему довольно трудно писать сочиненіе. Я просилъ прощенія у В. Θ., тѣмъ дѣло и кончилось; сочиненія обратно я не получилъ. На обязанности В. Θ., какъ инспектора семинаріи, лежало наблюденіе за порядкомъ въ семинаріи и поведеніемъ учениковъ.

За большіе проступки наказаніе налагалъ самъ ректоръ, за малые В. Θ.

Для воспитанниковъ низшаго отдѣленія за большіе проступки ректоръ иногда налагалъ такую резолюцію: „Василій Θεодоровичъ накажетъ по отечески“. В. Θ. вызывалъ провинившагося изъ класса, велъ его въ кухню, и здѣсь служитель, въ присутствіи В. Θ., наказывалъ этого воспитанника розгами не сильно. Но такихъ случаевъ было очень мало, и дѣлалось это довольно секретно.

Другія наказанія состояли: 1) въ отправкѣ провинившихся на кухню и сидѣніи ихъ, во время обѣда казенно-кошныхъ воспитанниковъ, за особымъ—го-лоднымъ столомъ. Имъ подавались тарелки, ложки и... больше ничего; 2) въ молитвѣ, во время обѣда казенно-кошныхъ воспитанниковъ. Когда эти воспитанники обѣдали, провинившіеся, стоя предъ иконою въ столовой, клали земные поклоны и 3) въ сажаніи въ карцеръ на нѣсколько часовъ, а иногда и на цѣлыя сутки. Карцеръ находился въ комнатѣ, рядомъ съ баней, съ окномъ на площадку двора.

Однажды туда посаженъ былъ воспитанникъ высшаго отдѣленія семинаріи (кажется, за винопитіе). Проходитъ мимо инспекторъ В. Θ., воспитанникъ

стучить въ окно и кричить: „изведи изъ темницы душу мою“! Мене ждутъ праведницы, отвѣчаетъ В. О. и уходитъ. Еще за порядкомъ въ классахъ и внѣ классовъ, во всѣхъ мѣстахъ, наблюдалъ, вѣроятно по уполномочію инспектора, казеннокошный воспитанникъ высшаго отдѣленія семинаріи Преображенскій, прозванный „Вьюгою.“ Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ мужественный видъ и ходилъ почти постоянно въ казенной шинели блѣдно сиреневаго цвѣта. Дѣйствительно, Преображенскій, какъ вьюга, набѣгалъ вездѣ, и въ коридоры классовъ— не стоитъ ли кто въ коридорѣ во время занятій,—и въ самые классы до прихода преподавателя—нѣтъ ли шума въ классѣ; прибѣжить въ кухню,—не курить ли кто тамъ табакъ, что считалось большимъ проступкомъ; между тѣмъ курящихъ было постоянно много, и курили, пуская дымъ въ печку. Бывало, какъ только кто увидитъ Преображенскаго, то закричитъ: „братцы! Вьюга идетъ“! и моментально всѣ бѣгутъ въ разсыпную, но нерѣдко случалось, что Вьюга заставлялъ курящихъ и, разумѣется, спросивъ фамилію, записывалъ въ свой журналъ, а послѣ слѣдовало наказаніе, иногда и карцеръ, а иногда отмѣтка въ поведеніи.

Бѣгалъ Вьюга и по двору и по садику (среди двора), и гдѣ находилъ собравшуюся кучку воспитанниковъ, подходилъ къ кучкѣ, вслушивался въ разговоры и спрашивалъ, зачѣмъ они собрались тутъ. Даже были такія записи въ журналѣ у Вьюги: *urinam emittebat у забора.....*

Преподавателемъ Русской Исторіи—Устрялова—былъ Иванъ Максимовичъ Титовъ. Въ среднемъ отдѣленіи онъ обращался съ нами вѣжливѣе—на вы, говорилъ лекціи и объясненія по исторіи, жестикулируя руками, но воспитанники мало слушали его и шу-

мѣли. И замѣчательно, чѣмъ сильнѣе былъ шумъ въ классѣ, тѣмъ громче и увлекательнѣе говорилъ Иванъ Максимовичъ, а какъ только утихалъ шумъ, И. М. вставалъ, ходилъ по классу и переставалъ говорить.

Когда И. М. спрашивалъ когонибудь по исторіи, то ученикъ вставалъ и шевелилъ ртомъ, будто бы отвѣчая, а сидящій рядомъ читалъ по исторіи. И. М. говорилъ: „хорошо, хорошо“! Разъ кто то закричалъ: „и (союзъ) пропустилъ, и пропустилъ.“— То врешь! Шалите вы!—отвѣчалъ И. М., вѣроятно, догадываясь, что его обманываютъ, но не считалъ нужнымъ входить въ пререканія съ воспитанниками. Послѣ этого онъ началъ вызывать учениковъ для отвѣта на середину класса.

Преподавателемъ Латинскаго языка былъ Павелъ Ивановичъ Лебедевъ. (Онъ же преподаватель Математики). Какъ то онъ вызвалъ меня переводить,—не упомню что; встрѣтилось слово *mella*. Я остановился и не зналъ, какъ перевести, а П. И. говоритъ: „что же не знаешь, какъ перевести *mella*? хоть бы по запаху то догадался“. Я отвѣчаю: „ничѣмъ не пахнетъ“!—*Mel* медъ—продолжаетъ П. Ивановичъ. „До сего времени я не зналъ, что *mel* употребляется во множественномъ числѣ“, снова отвѣчаю я.—Ну, такъ знай!—возражаетъ П. Ивановичъ.

Въ среднемъ отдѣленіи преподавали намъ еще Физику, Химію, Зоологію, Геологію, Минералогію, Ботанику и сельское хозяйство.

Преподавателемъ этихъ предметовъ былъ Алексѣй Ѳедотовичъ Изотовъ, окончившій курсъ въ Горьгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ. Онъ былъ довольно высокаго роста, красивый собою, одѣвался франтомъ.

Алексѣй Ѳедотовичъ, овдовѣвъ, поступилъ въ монашество. Былъ епископомъ въ Сухумѣ, затѣмъ жилъ на покоѣ въ Желтиковскомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Твери, гдѣ и окончилъ жизнь.

Занятія по означеннымъ предметамъ были только два раза въ недѣлю, и, слѣдовательно, ни одного изъ означенныхъ предметовъ мы не могли изучить основательно. Помню, какъ А. Ѳ. говорилъ намъ изъ физики, что, если изъ двухъ мѣдныхъ полушарій, плотно соединенныхъ между собою, выкачать воздухъ, то никакая сила не можетъ ихъ раскрыть.

Принесли въ классъ изъ физическаго кабинета два мѣдныхъ полушарія; по распоряженію А. Ѳ., выкачали изъ нихъ воздухъ, затѣмъ А. Ѳ. сказалъ: „кто изъ васъ, господа, отличается силою, выдѣте на средину класса“! Воспитанники закричали: „Илья Соколовъ и Ефимъ Богородскій“!—Г. Соколовъ и Г. Богородскій! пожалуйста сюда,—приглашалъ А. Ѳ. Когда означенныя лица вышли на средину класса, А. Ѳ. велѣлъ имъ взяться за два кольца, припаянныя къ полушаріямъ, и тянуть ихъ къ себѣ, но сколько Соколовъ и Богородскій ни старались открыть полушарія, все таки не могли ничего сдѣлать; А. Ѳ. былъ въ восторгѣ отъ удавшагося опыта и, впустивъ въ полушарія воздухъ, самъ раскрылъ ихъ легко.

На урокахъ по химіи мы только и слышали постоянно отъ А. Ѳ.: азотъ, кислородъ, водородъ, углеродъ. А преподаватель химіи въ 1-мъ отдѣленіи Степанъ Дмитріевичъ Садиковъ,—тоже студентъ Горыгорницкаго земледѣльческаго института, прямо совѣтовалъ своимъ ученикамъ на экзаменѣ какъ можно чаще произносить въ перемежку: азотъ, водородъ, кислородъ, углеродъ, мотивируя это тѣмъ, что все

равно экзаменаторы въ химіи ничего не понимаютъ, что бы имъ ни говорили....

По ботаникѣ, помню, мы учили растенія явнобрачныя, тайнобрачныя, тычинки, пестики и пр.

Преподаваніе сельскаго хозяйства было также очень слабое. Напримѣръ, указывалось плетеніе рогожъ, удобреніе луговъ, такъ что, когда на экзаменѣ одинъ ученикъ началъ читать ректору объ удобреніи луговъ, ректоръ разсмѣялся и, обращаясь къ А. Θ., сказалъ: „такъ неужели и на луга то надо класть навозъ?“ А. Θ. отвѣтилъ, что почва вывѣтривается, трава растетъ плохо, и необходимо удобреніе.

„Ну, полноте, А. Θ., у насъ и поля то нечѣмъ удобрять“, замѣтилъ тогда ректоръ. А. Θ. и Ст. Дм. Садикова прозвали „навозниками“.

Около этого же времени послѣдовало перемѣщеніе ректора семинаріи архимандрита и настоятеля Отроча Монастыря, Никодима, въ Черниговъ.

Расказываютъ, что, получивъ синодскій указъ о перемѣщеніи, ректоръ О. Никодимъ до того растерялся, что закричалъ своему келейнику—Трофиму: „Дгошка, Дгошка! бѣги сюда скорѣе!“ Когда явился келейникъ, О. Никодимъ сказалъ ему: „посмотри тко, Дгошка, куда меня перемѣщаютъ, я что-то не разберу“.—Въ Черниговъ! отвѣчаетъ Трофимъ. Ректоръ, О. Никодимъ, упалъ на диванъ.

Въ Отрочѣ Монастырѣ жилъ монахъ Серафимъ. Онъ былъ духовникомъ арх. Никодима, съ которымъ и ссорился и мирился. Какъ-то онъ попросилъ у архимандрита Никодима постриженія большой схимы, но тотъ почему то откладывалъ это дѣло. Такъ О. Серафимъ и умеръ, не дождавшись постриженія, а архимандритъ Никодимъ въ это время, по

случаю ледохода на Волгѣ, жилъ въ семинаріи, гдѣ у него были особыя комнаты.

По окончаніи ледохода, арх. Никодимъ переселился въ О. Монастырь, такъ какъ наступила Страстная седмица.

Въ Великій Четвергъ архимандриту Никодиму пришлось много заниматься семинарскими дѣлами, и, просидѣвъ за дѣлами почти до полуночи, онъ вышелъ на балконъ освѣжиться. Балконъ выходилъ во внутрь монастыря почти противъ соборной церкви. Ночь была свѣтлая.

Вдругъ о. Никодимъ видитъ, что изъ могилы за церковію всталъ О. Серафимъ. На немъ была схимническая мантия съ вышитыми словами: „Святыи Боже, Святыи крѣпкій“, и онъ пошелъ по направленію къ балкону, подъ которымъ былъ устроенъ черный ходъ въ комнаты настоятеля монастыря, дошелъ уже до входа... но тутъ архимандритъ Никодимъ упалъ на балконъ и закричалъ: „Дгошка, Дгошка“. Тотъ приобѣждалъ и увидѣлъ, что настоятель О. Никодимъ лежитъ на балконѣ.

Келейникъ поднялъ его, ввелъ въ кабинетъ и уложилъ на диванъ. Придя въ сознаніе, О. Никодимъ рассказалъ своему келейнику, а послѣ и братіи, какъ онъ видѣлъ О. Серафима.

На мѣсто ректора О. Никодима былъ опредѣленъ ректоромъ и настоятелемъ Отроча Монастыря архимандритъ Климентъ.

Онъ былъ высокаго роста, тучный, представительный собою, строгой жизни и хорошій проповѣдникъ. Но, не знаю почему, въ скоромъ времени онъ былъ переведенъ настоятелемъ въ Новый Іерусалимъ!

На мѣсто О. Климента былъ опредѣленъ ректоромъ и также настоятелемъ Отроча Монастыря архимандритъ Макарій.

Онъ былъ средняго роста, худошавый и довольно симпатичный. При немъ въ качествѣ эконома былъ Студентъ Тамбовской семинаріи Иванъ Адріановичъ Андріановъ.

Вотъ подростъ и третій братъ мой Иванъ. Отецъ привезъ его и также отдалъ въ 1-й классъ духовнаго училища.

Трудно было содержать отцу насъ троихъ. Но Богъ послалъ намъ помощь.

Отецъ какимъ то образомъ сумѣлъ поставить около своей избы, почти рядомъ, другую избу— 9 аршинъ длины и такой же ширины.

Въ селѣ Кушалинѣ была казенная школа вѣдомства государственныхъ имуществъ. Школа эта помещалась въ домѣ священника О. Судакова, онъ же былъ и учителемъ въ школѣ, а отецъ поступилъ сторожемъ при школѣ и, кромѣ этого, до прихода учителя—свящ. Судакова—въ классъ, занимался съ учениками, получая за все отъ священника Судакова 15 руб. асс. въ годъ (4 р. 30 к. серебромъ).

Черезъ нѣкоторое время, на мѣсто учителя О. Судакова, поступилъ учителемъ окончившій курсъ въ семинаріи съ аттестатомъ 2-го разряда Сергѣй Андреевичъ Троицкій (впослѣдствіи священникъ Бѣжецкаго уѣзда села „Толмачи“).

Учитель Троицкій сразу не поладилъ съ свящ. Судаковымъ и началъ просить моего отца, чтобы онъ между двумя избами устроилъ свѣтелочку (разстояніе было всего 3 аршина) и пустилъ его, Троицкаго, жить въ этой свѣтелочкѣ, а въ пустую избу онъ Троицкій переведетъ училище изъ дома Судакова.

Отецъ сказалъ учителю Троицкому: „ахъ, Сергѣй Андреевичъ! На что бы лучше такъ устроить, какъ вы говорите, да больно боюсь отца Ивана, съѣсть онъ меня совсѣмъ—житья мнѣ не будетъ отъ него!“

Но Сергѣй Андреичъ всячески началъ уговаривать отца, и... отецъ согласился устроить ему свѣтелочку.

По устройствѣ свѣтелки, С. А. перобрался на житье въ нее, затѣмъ поѣхалъ въ Тверь, получилъ разрѣшеніе на переводъ помѣщенія училища изъ дома свящ. Судакова въ домъ отца и, возвратившись изъ города, пришелъ къ отцу и сказалъ: „ну, Михаилъ Ивановичъ, я дѣло сдѣлалъ, получилъ разрѣшеніе перевести училище къ тебѣ, теперь ступай къ о. Ивану, покажи ему эту бумагу (разрѣшеніе) и проси его передать тебѣ парты и все училищное казенное имущество“. Отецъ хотя и обрадовался этому извѣстію, но очень испугался, также испугались и мать моя и бабка и тетка Анна. „Ну какъ ты, Михаилъ Ивановичъ, пойдешь къ о. Ивану съ этою бумагою? вѣдь онъ тебя выгонитъ изъ дома“, чуть не со слезами начали говорить всѣ. Отецъ отвѣтилъ: „ужъ не знаю, какъ быть! а идти надо! Ну, пойду! воля Божія, что будетъ“!

И С. А. также утѣшалъ отца и совѣтовалъ не бояться ничего. Напутствуемый добрыми пожеланіями, отецъ отправился къ священнику Судакову съ бумагою. По приходѣ къ о. Ивану, отецъ подошелъ къ нему, попросилъ благословенія и, получивъ таковое, передалъ ему бумагу съ просьбою разрѣшить ему (отцу моему) перевезти парты и все казенное училищное имущество, согласно полученной бумагѣ, изъ дома его, о. Ивана, въ домъ его, дядька Михаила Малеина. По прочтеніи бумаги, о. Иванъ сильно разгнѣвался, закричалъ на отца..... однимъ

словомъ, вышелъ изъ себя, какъ говорится, и въ концѣ концовъ объявилъ отцу, что ничего не дастъ ему, и чуть не выгналъ его изъ дома.

Вообще, о. Иванъ былъ сильно честолюбивъ. Когда отецъ приходилъ къ нему, по дѣламъ, или по требованію его, то долженъ былъ всегда стоять, не смѣя сѣсть.

О. Иванъ говорилъ: „ты, Михаилъ, можешь садиться у меня только тогда, когда я три раза скажу тебѣ: садись“! и это троекратное дозволеніе садиться нерѣдко слѣдовало часа черезъ два. Иногда отецъ, уставши стоять, осмѣливался испрашивать у о. Ивана дозволенія присѣсть, и о. Иванъ сурово отвѣчалъ: коли усталъ, присядь! Возвратившись домой отъ о. Ивана, отецъ разсказалъ всѣмъ своимъ домашнимъ, какъ поступилъ съ нимъ о. Иванъ. Домашніе сказали, что они этого ожидали и, какъ имъ будетъ теперь жить, не знаютъ. „О. Иванъ житья не дастъ, особенно достанется тебѣ, Михаилъ Ивановичъ“!

Потомъ отецъ передалъ вошедшему Сергѣю Андреевичу, что о. Иванъ партъ и училищнаго имущества не даетъ.

Сергѣй Андреевичъ самъ отправился къ о. Ивану и объявилъ ему, что если онъ не дозволитъ взять изъ своего дома парты и казенное училищное имущество, то истребуетъ все это судомъ, а ему—о. Ивану—будетъ стыдно и не хорошо! О. Иванъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „дѣлайте, что хотите“! Вслѣдствіе этого отцомъ наняты были мужички, которые и перенесли къ намъ всѣ парты и все имущество. Долгое время всѣ мы боялись о. Ивана и, по возможности, избѣгали встрѣчи съ нимъ.

Сергѣй Андреевичъ былъ человѣкъ веселый, простой, очень любилъ отца и все наше семейство.

Съ перемѣщеніемъ училища въ домъ отца, матеріальное положеніе его нѣсколько улучшилось, но все таки отцу очень трудно было содержать въ городѣ насъ троихъ. Каждую треть года приходилось отцу уплачивать только за квартиру по 28 руб. ассигн. (8 руб. сер.). Провизія же частію привозилась изъ дома, частію покупалась, и питаніе наше вообще было скудное, да и самая квартира была грязная. Припоминаю такой случай: однажды въ концѣ мая я проходилъ въ Заволжской части по набережной рѣки Волги, мимо дома купца Блохина, гдѣ жили какіе то господа (кажется, Полторацкіе). Когда я шелъ мимо кухни, то услышалъ сильный соблазнительный запахъ жаренаго мяса и позавидовалъ, сказавъ внутренно самъ себѣ: „есть же на свѣтѣ такіе счастливые люди, что въ это время года ѣдятъ и даже жарятъ мясо!“

Квартировали мы за Волгою, на Троицкой улицѣ, въ домѣ Петра Степ. Пѣшехонова и жены его Анны Егоровны.

Вмѣстѣ съ нами поселились и два сына священника О. Судакова.

Для всѣхъ была только одна кровать, и на той спать не было возможности по обилію въ ней клоповъ; поэтому мы разстилали въ залыцѣ на полу войлокъ и всѣ ложились. Но и тутъ не имѣли покоя. Какъ только мы начинали засыпать, къ намъ изъ кухни приходили непрошеные гости—черные тараканы. Тихо подходили они къ нашимъ ногамъ и нѣкоторое время оставались въ спокойномъ положеніи, въ ожиданіи нашего сна. Замѣтивъ, что мы крѣпко заснули, они начинали кусать намъ ноги. Мы просыпались, ворочались, постоянно шевелили ногами, желая прогнать своихъ гостей, но они не отставали

отъ насъ и не уходили прочь. Потерявъ терпѣніе, я вставалъ и сердито кричалъ: „хозяйка! Анна Егоровна! Засвѣчай свѣчку, неси горшокъ съ водой и иди ловить таракановъ!“

Хозяйка являлась со свѣчей и горшкомъ. Я ей говорилъ: „ну лови, таракановъ и бросай ихъ въ горшокъ, и я буду тебѣ помогать!“ Хозяйка отвѣчала: „да я боюсь таракановъ!“ — А разводить ихъ не боялась? Вотъ теперь и лови ихъ! — А тараканы, увидѣвъ свѣтъ и наше движеніе (всѣ мы тутъ уже стояли около войлока), расплзались по всему полу, и мы вмѣстѣ съ хозяйкою брали таракановъ и бросали тутъ же въ горшокъ съ водою. Занятіе это продолжалось съ полчаса. Послѣ этого опять ложились, и тараканы болѣе насъ не беспокоили своимъ нашествіемъ.

Цѣлый годъ мы прожили на этой квартирѣ, а потомъ перешли на другую.

Учитель Сергѣй Андр. Троицкій платилъ отцу за квартиру и столъ 7 р. ассигн. (2 р. сер.) въ мѣсяцъ, а за помѣщеніе училища и отопленіе отецъ получалъ 45 р. ассигн. (13 руб. сер.) въ годъ, изъ которыхъ каждый разъ при полученіи денегъ платилъ волостному старшинѣ 1 р. сер., получая такимъ образомъ на руки только 35 р. ассигн. (10 р. сер.).

Глава пятнадцатая.

Высшее отдѣленіе (Богословіе).—Преподаватели И. А. Рубцовъ и А. И. Смирновъ.—У меня появился басъ.—Поступленіе въ семинарскій хоръ.—Мои успѣхи въ пѣніи.—Ополченіе 1854 г.—И. Е. Нензбергъ и способъ его лѣченія.—Какъ я праздновалъ свои именины.—Злоключенія баса А. Левшина.—Воспитанники Н. И. Виноградовъ и П. П. Соколовъ.—Воспитанники—актеры.—Пріѣздъ ревизора.—Посвященіе въ стихарь.—Окончаніе курса.

Въ сентябрѣ 1853 года я былъ переведенъ въ высшее отдѣленіе семинаріи (Богословіе) въ 1-мъ разрядѣ, а по распредѣленію на отдѣленія попалъ во 2-е отдѣленіе.

Преподавателемъ богословскихъ наукъ былъ протоіерей Симеоновской церкви, магистръ богословія Иванъ Андреевичъ Рубцовъ, человѣкъ симпатичный, флегматичный, острякъ, но не особенно любившій долго сидѣть въ классѣ за лекціями.

Бывало, по приходѣ въ семинарію, встрѣтитъ въ корридорѣ преподавателя богословія въ 3-мъ отдѣленіи профессора и протоіерея Григорія Петровича Первухина, возьметъ его за руку и начнетъ съ нимъ ходить по корридору и разговаривать. Черезъ нѣсколько минутъ Г. П. уйдетъ въ свое отдѣленіе, а И. А. останется еще въ корридорѣ ходить одинъ. Потомъ, не задолго до окончанія класса, войдетъ въ классъ, спроситъ урокъ у двоихъ, или у троихъ и, услышавъ звонокъ для выхода изъ класса, говоритъ: „вотъ время то какъ скоротечно! Не успѣешь войти въ классъ, какъ уже надо вонъ выходить!“

Задавалъ онъ намъ писать сочиненія и для перворазрядныхъ двѣ проповѣди въ годъ, а для второразрядныхъ по одной. При этомъ говорилъ, что

при составленіи проповѣди можно пользоваться извлеченіями изъ разныхъ проповѣдей, надо только умѣть приложить къ дѣлу это извлеченіе, и что самъ онъ какъ то произносилъ проповѣдь въ Великую Пятницу, которою удивилъ слушателей, а проповѣдь то была переведена имъ съ нѣмецкаго языка.

Я какъ то съумѣлъ поддѣлаться подъ слогъ Ивана Андреевича, и онъ хвалилъ мои сочиненія и проповѣди, а богословіе изучалъ я лѣнливо. И вотъ разъ, въ день моего ангела 1-го іюня—(лустина Философа), И. А. спросилъ меня изъ догматическаго богословія.

По обыкновенію, урокъ я изучилъ не твердо, а потому, когда началъ отвѣчать И. А., заглядывалъ и въ книгу (отвѣчалъ съ мѣста), и дѣлалъ разные жесты, и сурово смотрѣлъ на своего профессора. Онъ мнѣ и говоритъ: „Что вы, Малеинъ, на меня такъ свирѣпо смотрите? Кажется, я васъ не часто беспокою; всего второй разъ въ теченіи года спрашиваю, да закройте книгу (богословіе). Надо бы и уроки то подтверже изучить! Вѣдь когда еще дѣло дойдетъ до сочиненій, которыя вы пишете порядочно, а надо и на устные вопросы отвѣчать хорошо. Садитесь!“ Былъ у Ивана Андреевича родной братъ Семенъ Андреевичъ, тоже магистръ богословія, секретарь семинарскаго правленія.

Однажды, по выходѣ изъ класса, шель я позади Ивана Андреевича, а по другой сторонѣ улицы шель братъ его Семенъ Андреевичъ.

Иванъ Андреевичъ обернулся ко мнѣ и говоритъ: „Малеинъ! дойдите поскорѣе до брата С. А. и спросите его: можно ли мнѣ идти къ нему на водку?“ Я побѣжалъ и, подойдя къ Семену Андреевичу, снялъ фуражку и передалъ ему слова Ивана Андреевича.

С. А. отвѣчалъ: „скажите брату, пусть приходитъ, прошу его!“ Иванъ Андреевичъ стоялъ и ожидалъ моего отвѣта.

Подбѣжавъ къ нему и также снявъ фуражку, я сказалъ: „С. А. просить васъ, пожалуйста!“—Ну вотъ, братецъ Малеинъ, у меня и водка даровая!—отвѣтилъ И. А.

Многіе товарищи обратили вниманіе на то, что я разговаривалъ съ И. А., что считалось за особую честь, и спрашивали меня, о чемъ была рѣчь. Разумѣется, я имъ передалъ, въ чемъ дѣло, и они смѣялись.

Преподавателемъ церковной исторіи и археологіи былъ протоіерей Вознесенской церкви (что на проспектъ), магистръ богословія Александръ Ивановичъ Смирновъ, невысокаго роста, рыжій, худошавый съ длинною бородою—лопатою, нервный, очень вѣжливый. Прозванъ былъ апостоломъ. Лекціи говорилъ съ увлеченіемъ и иногда вскакивалъ на стулъ, ставя его около классной доски, и мѣломъ чертилъ на ней, объясняя путь святыхъ апостоловъ и пр.

Преподавателемъ священнаго писанія былъ кандидатъ богословія Алексѣй Саввичъ Моревъ.

Лекціи его не были увлекательны.

Вообще и всѣ записки по священному писанію были, какъ говорится, короче утиного носа.

Во время пребыванія моего въ высшемъ отдѣленіи семинаріи у меня появился голосъ—басъ, и я началъ пѣть въ церкви на клиросѣ. Составился цѣлый любительскій хоръ.

А незабвенный другъ мой Иванъ Арсеньевичъ Николаевскій былъ уже пѣвчимъ въ семинарскомъ Отрочевскомъ хорѣ. Пѣлъ теноромъ.

Родной братъ И. А. Василій Арсеньевичъ, ученикъ дух. училища, пѣлъ альтомъ въ томъ же хорѣ.

И впоследствии В. А. такъ полюбилъ пѣніе, что образовалъ въ Твери замѣчательный Почтамтскій хоръ, который пѣлъ въ Рождественской (что въ Рыбакахъ) церкви и привлекалъ много слушателей и богомольцевъ.

Перейдя на государственную службу въ Польшу (г. Калишъ), Василій Арсеньевичъ и тамъ не оставлялъ пѣнія, составлялъ хоръ, управлялъ имъ и продолжаетъ и самъ пѣть въ настоящее время, имѣя свыше 60 лѣтъ отъ роду и состоя на госуд. службѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Регентъ семинарскаго хора И. Ѳ. Невскій, узнавъ, вѣроятно отъ Ивана Арсеньевича, о моемъ голосѣ, началъ приглашать меня поступить къ нему въ хоръ. И хотѣлось мнѣ поступить въ хоръ, и боялся, что, сдѣлавшись пѣвчимъ, мнѣ трудно будетъ окончить курсъ въ 1-мъ разрядѣ, чего я сильно желалъ, и я... отказался поступить въ хоръ. Но регентъ Невскій сказалъ, что онъ пожалуется на меня О. Ректору. Я отвѣтилъ: „жалуйтесь!“

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, ректоръ, архимандритъ Макарій, настоятель Отроча монастыря, онъ же и преподаватель богословскихъ наукъ въ 1-мъ высшемъ отдѣленіи семинаріи, призываетъ меня въ классъ свой. Являюсь, подхожу подъ благословеніе. Ректоръ говоритъ, что ему регентъ семинарскаго хора Невскій донесъ на меня, что я не желаю пѣть въ его хорѣ. „Почему вы не поступаете въ хоръ пѣвчихъ, отвѣчайте?“ вопрошаетъ меня ректоръ.

„Ваше высокопреподобіе; о. ректоръ! Обратите на мой малый ростъ и видъ ваше вниманіе! Какой у меня можетъ быть басъ? Вѣдь надо мною будутъ

смѣяться!“ отвѣчаю я. Ректоръ возражаетъ: „вѣдь и въ маломъ тѣлѣ можетъ быть крѣпкій духъ! Вы вѣдь уже поете въ церкви?“—Я пою, но у меня иногда грудь болитъ отъ пѣнія!—докладываю я ректору. „А кому вы поете, вѣдь Господу Богу? Онъ и укрѣпитъ вашу грудь; отъ пѣнія укрѣпляется грудь. Ступайте и поступайте въ хоръ!“

И я... поступилъ въ хоръ. Сначала пришелъ на спѣвку. Спѣвка была два раза въ недѣлю. Потомъ, въ субботу, пришелъ въ Отрочъ монастырь въ церковь и, робѣя и стѣсняясь, направился къ клиросу, гдѣ уже стояли пѣвчіе. Басы были всѣ здоровые, видные: Александръ Рахманинъ, прозванный дядею, Ѳедоръ Рахманинъ, прозванный Муриномъ (былъ святой: Моисей Муринъ), Иванъ Манѣановскій, по прозванію харчъ и соборные душники (когда онъ пѣлъ, то широко раскрывалъ ноздри), имѣлъ замѣчательный низовой голосъ—октаву, и Алексѣй Левшинъ. Тенора: Иванъ Арсеньевичъ Николаевскій, Н. Травинъ, Михаилъ Павловичъ Богословскій (впослѣдствіи регентъ архіерейскихъ пѣвчихъ; знаменитый скрипачъ, прозванный вильгосомъ) и Алексѣй Воздвиженскій, прозванный Печаточкинъ. Альты: Василій Арсеньевичъ Николаевскій и Н. Еленевъ. Сопрано: А. Шевелевъ, А. Дмитровскій и еще нѣсколько новичковъ,—неупомню.

Взойдя на клиросъ и подавъ руку басамъ и тенорамъ, я сталъ рядомъ съ Ѳ. Рахманинымъ; пришелъ и регентъ И. Ѳ. Невскій.

Началось всенощное бдѣніе. Мы запѣли: „благослови, душе моя, Господа“... Какъ только запѣлъ и я, меня Ѳ. Рахманинъ толкнулъ въ бокъ съ словами: „тише пой!“ Черезъ нѣсколько минутъ опять толкнулъ: „круглѣе пой!“ Я съ кротостію переносилъ его замѣчанія.

Послѣ всенощной регентъ и говоритъ намъ: „мы раздѣлимся на двѣ половины, одна половина вмѣстѣ со мною будетъ пѣть раннія обѣдни въ Знаменской церкви, а другая половина въ Вознесенской церкви на Милліонной улицѣ подѣ управленіемъ Михаила Павловича Бог. Вы, I. М., ступайте къ Вознесенію вмѣстѣ съ А. Рахманинымъ, Манфановскимъ, Иваномъ Арсеньевичемъ и Василиемъ Арсеньевичемъ и двоими дискантами. Послѣ обѣдни приходите въ Московскій трактиръ—пить чай, куда и я съ своей половиною приду. Оттуда цѣлымъ хоромъ пойдѣмъ въ Отрочъ монастырь пѣть позднюю обѣдню“.

Началъ я ходить въ Вознесенскую церковь вмѣстѣ съ означенными лицами къ ранней обѣднѣ.

Протоіереемъ въ этой церкви былъ, какъ сказано выше, Александръ Ивановичъ Смирновъ. Ему понравилось наше пѣніе, и онъ приглашалъ насъ иногда пѣть всенощную. Припоминаю слѣдующій случай: пригласилъ насъ Александръ Ивановичъ пѣть всенощную наканунѣ праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

Передъ всенощною мы, большіе пѣвчіе, зашли въ портерную, недалеко отъ церкви, и тамъ порядочно выпили, для голоса.

Дѣйствительно, я замѣтилъ, что водка придала мнѣ болѣе смѣлости пѣть свободно; голосъ, какъ будто, сталъ чище и сильнѣе. Запѣли мы „Слава въ вышнихъ Богу“, такъ называемое „Оеофановское“. Регентъ задалъ тонъ немного выше обыкновеннаго, и слова: „узримъ свѣтъ“ нужно было пропѣть очень высокою нотою. Первымъ басомъ пѣлъ я одинъ. Иванъ Арсеньевичъ, предвидя мою трудность взять такую ноту, началъ показывать мнѣ пальцемъ, чтобы я взялъ внизъ эти слова (контръ-ноту), а я

показываю ему, также пальцемъ, что желаю взять вверхъ, а самъ дрожу отъ волненія...

Когда пришлось пѣть эти слова (узримъ свѣтъ), слово „свѣтъ“ я пропѣлъ такъ громко и отчетливо, что всѣ богомольцы въ церкви притихли, какъ будто никого не было въ церкви, а я стоялъ и дрожалъ, какъ осиновый листъ, не имѣя возможности отъ волненія продолжать пѣніе и не соображая, что со мною дѣлается.....

Послѣ всенощной, въ концѣ, начали пѣть также громкое: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“, гдѣ нѣсколько разъ нужно было пропѣть слово: „радуйся“ также довольно громко, и я своимъ пѣніемъ опять удивилъ всѣхъ прихожанъ въ церкви. По окончаніи всенощной, прихожане начали подходить ко кресту, который держалъ протоіерей. Послѣ прихожанъ подхожу и я. Протоіерей, благословивъ меня крестомъ Господнимъ, говоритъ мнѣ: „Устинушка! Устинушка! Какъ ваше отечество, не знаю, скажите“. „Все равно, отвѣчаю я, какъ ни зовите, о. протоіерей“. „Нѣтъ, нѣтъ, скажите?“ И я принужденъ былъ сказать свое отечество. Тогда Александръ Ивановичъ и говоритъ: „ну, Іустинъ Михайловичъ, не ожидалъ я, что у васъ такой сильный и прекрасный голосъ, благодарю васъ за сегодняшнее пѣніе! Зайдите ко мнѣ послѣ всенощной!“

Когда я шелъ по церкви къ А. И., то слышалъ, какъ нѣкоторые прихожане еще разговаривали, что пѣвчіе за всенощной сегодня пѣли что то очень громко, должно быть, навеселѣ были.

По приходѣ въ домъ къ Александру Ивановичу, я приглашенъ былъ въ столовую; самъ А. И. принесъ графинъ съ водкою, какую то закуску, поставилъ на столъ и сказалъ: „выпейте, І. М., чай вѣдь устали

пѣвши то? а я не могу пить, слабъ!“ Я выпилъ рюмку; А. И. просилъ еще выпить, я и еще выпилъ!..

На улицѣ шелъ сильный дождь, и Александръ Ивановичъ предложилъ мнѣ ночевать у него, такъ какъ утромъ надо пѣть раннюю обѣдню. Я остался ночевать.

И съ этого времени Александръ Ивановичъ, — царство ему небесное и вѣчная память, — такъ полюбилъ мое пѣніе и мой голосъ, что всегда передъ началомъ обѣдни нѣсколько разъ смотрѣлъ на клиросъ, стою ли я тамъ.

Въ 1854 году наша половина хора, по распоряженію регента И. Θ. Невскаго, должна была пѣть страстную и святую недѣли (конечно, за плату, по особому договору съ регентомъ, священникомъ и старостой) въ Вознесенской церкви. И я, Иванъ Арсеньевичъ, Василій Арсеньевичъ и прочіе остались жить въ домѣ протоіерея Александра Ивановича. на вышкѣ, а столовались у дьячка Вознесенской же церкви Арсенія Θεодоровича (фамиліи не упомяну), прозваннаго „щучою“. Когда садились за столъ, онъ говорилъ намъ разныя прибаутки и, раздавая ложки намъ, прибавлялъ: „вооружайтесь весельцами-то“, но кормилъ насъ довольно плохо. Вообще, А. Θ. былъ человѣкъ хитрый, показывалъ видъ, что страшно боится своего протоіерея. Бывало, читаетъ апостолъ, а самъ чуть не послѣ каждого слова однимъ глазомъ смотритъ въ алтарь на протоіерея и намъ неоднократно говорилъ, что самъ то (протоіерей) больно строгъ и, показывая на стихарь, добавлялъ: „чуть, чуть не стегаетъ въ этомъ одѣяніи!“ Дѣйствительно, Александръ Ивановичъ былъ человѣкъ вспыльчивый.

Пономарь его очень любилъ выпить, и вотъ въ 1-й день Пасхи пономарь, изрядно подвыпивши, легъ

на печку и крѣпко спалъ. Надобно было звонить къ вечернѣ, а пономарь спитъ.

Александръ Ивановичъ прибѣжалъ къ нему, стащилъ его съ печи и повелъ къ колодцу. Поставивши пономаря тутъ, Александръ Ивановичъ зачерпнулъ въ колодцѣ цѣлую бадью воды и всю воду вылилъ на пономаря и ушелъ.

Кромѣ Вознесенской церкви, въ праздники мы занимались пѣть и въ другихъ церквяхъ. Такъ, помню, 1-го октября мы нанялись пѣть въ Покровской церкви, что за Тьмакою, всѣ праздничныя службы: утреню, раннюю и позднюю обѣдни.

Пропѣвъ утреню и раннюю обѣдню, мы попили чаю, выпили малую толику, закусили и отправились къ поздней обѣднѣ. Тутъ у меня опять оказался сильный голосъ. Пѣли концертъ: „Боже, во имя Твое спаси мя“; пѣлъ я очень громко, и многіе прихожане заглядывали на меня на клиросѣ, съ котораго видна была только одна голова моя, а въ заключеніе, когда послѣ молебна пѣлъ я „многая лѣта“, то положительно удивилъ всѣхъ. Выхожу изъ церкви и вижу, что около церкви по обѣ стороны стоитъ много народа, большею частію молодые люди, мѣщане. Одинъ изъ нихъ подходитъ ко мнѣ и говорить: „это ты у насъ въ церкви, сегодня, пѣлъ первымъ басомъ?“ Я! отвѣчаю ему.

„Ахъ м. т. т!“ вырвалось у него съ языка. „Да откуда у тебя голосъ то лѣзетъ? Робя, робя, ребята! Митька, Арська? Мотри ка! Вотъ онъ первый басъ то! Изъ чего у него голосъ то такой лѣзетъ? Ну, братъ, удивилъ ты насъ своимъ голосомъ за обѣдней!“

Началась Крымская кампанія. Настроеніе у всѣхъ какъ то измѣнилось: стало грустное, безпокойное.

Духовенству предписано было послѣ обѣдни въ Воскресенье и праздничные дни служить молебны.

Нашъ хоръ пѣлъ въ Отрочѣ монастырѣ зимою утреню и позднюю обѣдню, а лѣтомъ всенощную и позднюю обѣдню. Послѣ обѣдни, монашество соборнѣ служило молебенъ съ припѣвомъ: „Многомилостивый Господи, сокруши враги подъ ноги наши!“ Послѣ молебна читалась особая молитва съ колѣнопреклоненіемъ.

Черезъ нѣсколько времени начали собирать ополченіе (ратниковъ).

Въ ополченіе, кажется, брали до 40 лѣтъ отъ роду.

Ополченцевъ учили маршировкѣ и пр. на плацу около Собора. Мнѣ каждодневно приходилось проходить этимъ плацомъ въ семинарію и изъ семинаріи. Жалко было смотрѣть на нѣкоторыхъ ополченцевъ, и довольно старыхъ и слабыхъ, а офицеры учили ихъ военному строю: „солдатъ въ строю, что свѣчка передъ образомъ, долженъ стоять, не шевелясь! Медвѣдь ли на носу сядетъ, не смѣй снять!“

Учили ихъ и въ барабаны бить. Нѣкоторые скоро понимали эту науку, а другіе, не понятливые, цѣлый день, уйдя за церковь Святителя Николая, стоящую на плацу, барабанили: „та, ттара, ра, та, та, тти, тта та. Собирайтесь, молодцы, за камни, за кусты, по два въ рядъ и опять: та, ттара, та, тти, тта, та“. Бывало, утромъ, когда идешь въ семинарію, слышишь этотъ барабанный бой за церковію. Возвращаешься изъ семинаріи, все продолжается тотъ же бой!

Наступилъ день отправки ополченцевъ на театръ войны. Намъ пѣвчимъ велѣли идти на плацъ около собора пѣть молебенъ. Когда мы пришли на плацъ, то увидѣли посерединѣ плаца нѣсколько сотъ ополченцевъ, стоящихъ покоемъ **П** въ нѣсколько линій, а далѣе громадныя толпы народа, которыя трудно

было окинуть взглядомъ. И среди народа сотни матерей и отцовъ, сотни женъ, дѣтей, братьевъ и сестеръ ополченцевъ стеклись сюда, чтобы, быть можетъ, въ послѣдній разъ проститься со своими родными, получить отъ нихъ благословеніе, или благословить ихъ въ дальній, невѣдомый путь.

Принесли святыя иконы, хоругви и знамена, поставили аналой, столъ и на немъ чашу съ водой.

Пришелъ полковой священникъ, потомъ пріѣхалъ нашъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Отроча монастыря, и началъ служить молебенъ, а мы пѣли. Послѣ молебна послѣдовало освященіе воды. Вся толпа словно замерла, и только изрѣдка слышны были тяжелые вздохи и сдержанные стоны...

Затѣмъ архимандритъ пошелъ кропить святою водою всѣхъ ополченцевъ, ратниковъ, какъ тогда ихъ называли.

Послѣ этого какой-то начальникъ началъ вручать знамена ратникамъ, при пріемѣ знамени ратникъ преклонялъ колѣна и плакалъ.

Вручивъ знамена ратникамъ, начальникъ командовалъ, чтобы ратники прошли церемоніальнымъ маршемъ по плацу въ тактъ подъ музыку, а потомъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ всѣ ратники отправились на вокзалъ желѣзной дороги, а весь народъ послѣдовалъ за ними, и у многихъ слезы, словно Божья роса, блестѣли на глазахъ. Утомившись отъ стоянія, пѣнія и волненія, мы отправились по домамъ.

Въ высшемъ отдѣленіи семинаріи преподавали намъ и медицину.

Преподавателемъ ея былъ врачъ И. Е. Нензбергъ. Классы его были два раза въ недѣлю, по вторникамъ

и пятницамъ, отъ 2 до 4 часовъ по полудни. Слушающихъ лекціи И. Е. было очень не много.

На экзаменѣ Иванъ Егоровичъ спросилъ меня о перемежающейся лихорадкѣ.

Я отвѣтилъ, что человѣка, заболѣвшаго перемежающейся лихорадкою, бросаетъ то въ жаръ то въ ознобъ.

Раньше же, слыхалъ я, про лихорадку отвѣчали и такъ: *Febris est res, de qua neque ego, neque tu, neque quisquam nostrum quidlibet sciat* (лихорадка — такая вещь, о которой ни я, ни ты... и никто изъ насъ ничего не знаетъ).

„Мм... мм., это очень хорошо, а еще что скажете“, вопрошаетъ меня И. Е.

Больше я ничего не могу сказать! — „Мм... мм.“ засмѣялся И. Е. и сказалъ: „довольно съ васъ“... И поставилъ мнѣ въ своемъ списокѣ О, почему въ моемъ аттестатѣ не обозначено, что я учился медицинѣ.

Завѣдуя семинарской больницей, И. Е. съ больными обращался скоропалительно. Подходить къ нему больной. И. Е. спрашиваетъ: „чѣмъ боленъ?“ — Голова болить! — „Языкъ? Пей ромашку!“ Подходить слѣдующій больной: „чѣмъ боленъ?“ — Животъ болить! — „Языкъ? Пей ромашку!“ Подходить еще больной. „Чѣмъ боленъ?“ — Ноги болятъ! — „Языкъ? Пей ромашку. Слѣдующій“ — И. Е., у меня грудь болить! — „Языкъ? *Tincturae Caledoniae* трехъ составной, красныхъ капель; три дня въ классъ не ходить! Слѣдующій!“ — И. Е., у меня попеременно бываетъ то жаръ, то лихорадка и одышка! — „Языкъ? Ничего у васъ подобнаго не видно“, и, обратившись къ фельдшеру, И. Е. спрашиваетъ его, нѣтъ ли у этого господина какого экзамена, или чего подобнаго, что ему не хочется ходить

въ классъ. Фельдшеръ отвѣчаетъ: „кажется, нѣтъ ничего такого“.—Ну все равно, пишите ему: Tinct. Caled. трехъ составной, красныхъ капель; три дня въ классъ не ходить!—Припоминаю одинъ случай: 1-го июня—день моего ангела. 31 мая, во вторникъ, собрались мы на классъ медицины и усѣлись мы, пѣвчіе, за печкою, гдѣ насъ почти не видать, а также мало было и слышно, о чемъ говорилъ И. Е. Нензбергъ.

Иванъ Арсеньевичъ Николаевскій и говоритъ: „Устинъ! ты завтра имянинникъ, а мнѣ завтра нельзя къ тебѣ придти, потому что въ четвергъ меня непременно спросить „рыжій“ (помощникъ ректора И. Θ. Арсеньевъ), надо приготовиться. Нельзя ли тебѣ сегодня справить именины?“—У меня сейчасъ денегъ нѣтъ,—отвѣчаю я.

„Возьми у регента!“ А регентъ, И. Θ. Невскій, сидѣлъ тутъ же вмѣстѣ съ басами: Муриномъ и Харчемъ.

Я попросилъ денегъ у регента, и онъ далъ мнѣ, не упомяну сколько, три, или пять рублей. Получивъ деньги, я сказалъ: „ну теперь, господа, покорнѣйше прошу пожаловать ко мнѣ на именины, и нечего намъ здѣсь сидѣть, отправимся сейчасъ!“ Всѣ изъ-явили согласіе, а басы отъ ожидаемаго удовольствія — пить водку—загоготали, аки лошади. Услышавъ это, И. Е. закричалъ: „кто это такъ пріятно смѣется, кому это такъ весело? Цензоръ, запишите-ка ихъ въ книгу—въ журналъ!“ Какъ только сказалъ это И. Е., мы, одинъ за другимъ, поспѣшно вышли изъ класса и бѣгомъ побѣжали по корридору.

Дошли до воротъ; сторожъ Лука стоялъ у калитки и не хотѣлъ насъ пропускать, но регентъ нашъ И. Θ. повелительно сказалъ: „Лука! пропусти насъ,

мы пѣвчіе!“ Этого почти приказа достаточно было, чтобы Лука отошелъ отъ калитки, и мы безпрепятственно вышли за ворота.

За воротами, обращаясь ко всѣмъ, я сказалъ: „вы, господа, идите ко мнѣ тихонько, а я съ Иваномъ Арсеньевичемъ пойдемъ впередъ — закупить кое что“.

Оставшись вдвоемъ съ Ваней, я началъ совѣтываться съ нимъ о покупкахъ.

Рѣшили въ красненькихъ рядахъ около Трехъ-Исповѣдницкой церкви купить булокъ, кренделей, свѣжихъ огурцовъ, вареной сомовины (былъ постъ), потомъ взять извозчика, въ ведерной лавкѣ купить четверть ведра водки и съ водкою и всѣми покупками на извозчикѣ вдвоемъ ѣхать на квартиру, по дорогѣ заѣхать въ мелочную лавку и взять чаю и сахара.

Квартировалъ я около Отроча монастыря въ домѣ Уткиныхъ. Со мною квартировалъ и басъ А. Левшинъ (впослѣдствіи ушедшій съ квартиры и исключенный).

Когда я съ Ваней пріѣхалъ въ квартиру, пѣвчіе уже сидѣли въ ней. Хозяйка, вдова псаломщика или діакона, не упомню, Настасья Степановна Колычева, поставила самоваръ. Я отдалъ ей закуски и велѣлъ подать на столъ.

Когда все было готово, началось поздравленіе меня съ ангеломъ, чаепитіе и винопитіе.

Въ скоромъ времени водка была вся выпита. Я попросилъ хозяйку купить еще два полуштофа. Хозяйка принесла водку, и эта водка еще скорѣе была выпита.

Было уже около 10 часовъ ночи, и гости мои начали уходить домой.

Послѣдними вышли мой другъ Иванъ Арсеньевичъ и регентъ Невскій. Регентъ едва переступилъ за ворота, какъ упалъ. Я и И. А. подняли его. Онъ немного постоялъ, но потомъ опять повалился на землю.

И. А. говоритъ мнѣ: „Устинъ! ты постой около регента, а я сбѣгаю за извозчикомъ“, и побѣжалъ. Черезъ нѣсколько минутъ И. А. пріѣхалъ на извозникѣ, и мы усадили регента въ пролетку; съ нимъ сѣлъ и И. А., а ѣхать нужно было за Тьмаку на 2-ю Никольскую улицу, версты двѣ. И. А. охватилъ руками регента и крѣпко держалъ его, такъ какъ онъ не могъ сидѣть прямо, и голова его качалась изъ стороны въ сторону, какъ плеть (какъ говорятъ).

Такъ доѣхали они уже до 2-й Никольской улицы, а когда продолжали ѣхать по той улицѣ, вдругъ изъ одного дома кто то открылъ настежъ окно и закричалъ: „Николаевскій, Николаевскій, остановись!“

Николаевскій моментально узналъ, что это кричитъ помощникъ ректора И. Θ. Арсеньевъ („рыжій“, сидѣвшій въ квартирѣ одного преподавателя) и крикнулъ извозчику: „погоняй какъ можно скорѣе, надобно удирать!“

Уложивъ въ постель регента въ его квартирѣ, И. А. сказалъ извозчику, чтобы онъ какъ можно тише ѣхалъ обратно этою же улицею.

Какъ только они поровнялись съ домомъ, изъ котораго кричалъ И. Θ. Арсеньевъ, окно опять открылось; въ окнѣ показался Арсеньевъ и закричалъ: „Николаевскій!“ Николаевскій сошелъ съ пролетки, снялъ фуражку и подошелъ къ самому окну.

„Николаевскій! скажи мнѣ пожалуйста, сколько у тебя головъ на плечахъ?“ вопрошаетъ Арсеньевъ.

„Одна, Иванъ Θεодоровичъ“, отвѣчаетъ Иванъ Арсеньевичъ.

„Не можетъ быть, чтобы съ одной головой ты дѣлалъ такіа дѣла?“

„Какія же дѣла я дѣлаю, Иванъ Θεодоровичъ?“

„А кого ты мертвецки пьянаго сейчасъ провезъ мимо?“

— Одного чиновника, И. Θ., привезъ извозчикъ къ семинарскимъ воротамъ и, оставивъ тутъ, сказалъ: убирайте кутью, куда хотите, вишь, какъ нализался. Чиновника этого я нѣсколько зналъ, мнѣ стало жаль его, и я, по долгу человѣколюбія, нанялъ этого извозчика довести насъ до квартиры чиновника, котораго и фамиліи я не знаю.—„Совѣтывалъ бы я тебѣ, Николаевскій, поменьше оказывать человѣколюбія, да и самъ то ты не пьянъ ли?“

— „Никакъ нѣтъ, Иванъ Θεодоровичъ!“

„Ну-кадохни на меня!“

И. А. сдѣлалъ сильный вздохъ въ себя.

Вѣроятно, и отъ самого то Арсеньева пахло водочкой, такъ какъ онъ то же не прочь былъ иногда выпить, за тѣмъ, можетъ быть, и пришелъ онъ къ преподавателю семинаріи.

Арсеньевъ сказалъ И. А.: „ступай! Но совѣтую тебѣ меньше оказывать человѣколюбія въ подобныхъ случаяхъ!“

— Извините, Иванъ Θεодоровичъ, не могу не оказать человѣколюбія кому бы то ни было въ подобныхъ случаяхъ,—былъ отвѣтъ И. А. Николаевского, человѣка умнаго и находчиваго.

Припоминаю и еще довольно аналогичный случай, бывший со мною и нѣкоторыми изъ пѣвчихъ. 29-го іюня, въ день св. Первоверховныхъ Апостоловъ

Петра и Павла, пѣли мы всѣмъ хоромъ въ одной церкви за Тверцою, гдѣ присутствовалъ и частный приставъ этой части, Петръ Ивановичъ Петровъ, бывшій въ тотъ день именинникомъ.

Петровъ жилъ широко, развѣзжалъ на парѣ хорошихъ лошадей (а когда полицейскіе худо жили!).

Послѣ обѣдни цѣлымъ хоромъ мы отправились къ частному П. И. Петрову съ концертомъ поздравить его со днемъ Ангела.

П. И. насъ принялъ, мы пропѣли ему концертъ и многая лѣта. Онъ пригласилъ насъ въ особую комнату, куда намъ полицейскіе принесли большой пирогъ и четверть ведра водки. То и другое очень скоро перешло въ наши голодные желудки. П. И., увидѣвъ, что у насъ ничего нѣтъ на столѣ, велѣлъ принести еще пирогъ и четверть водки (водка у него была даровая. При откупахъ вся полиція и чиновники Казенной Палаты по питейному отдѣленію до послѣдняго писца пользовались бесплатною водкою). И этотъ пирогъ былъ съѣденъ, а водка вся выпита.

Поблагодаривъ хозяина, мы отправились по квартирамъ въ разныя стороны. Въ головѣ у всѣхъ шумѣло; къ тому же и день былъ жаркій.

Мнѣ пришлось идти вмѣстѣ съ теноромъ Н. Травинымъ и басомъ А. Левшинымъ.

Травинъ былъ худощавый, золотушный, ниже ушей у него висѣли золотушные серьги. Вообще, онъ былъ не представителенъ, а, когда выпивалъ, былъ совсѣмъ жалкій субъектъ. Идя дорогою, онъ говоритъ: „братцы! У меня есть какое то предчувствіе, что сегодня Васильевскій (помощникъ инспектора, впоследствии протоіерей Вознесенской на проспектѣ церкви) непременно будетъ ходить по квартирамъ. Я, какъ

приду въ квартиру, заберусь на печь, а, когда придетъ Васильевскій, скажу, что у меня лихорадка“.

Левшинъ сказалъ, что онъ пойдетъ купаться на Волгу, а потомъ удержитъ куда нибудь.

Предчувствіе Травина не обмануло. Дѣйствительно, Иванъ Степановичъ Васильевскій пошелъ по квартирамъ, взявъ съ собою старшаго М. К. Мощанскаго. Травинъ и Левшинъ квартировали не далеко отъ Отроча Монастыря, а я на 1-й Троицкой улицѣ, не-вдалекѣ отъ нихъ, и также былъ старшимъ, обязаннымъ ходить по квартирамъ учениковъ, въ томъ числѣ Травина и Левшина.

Пришедши на квартиру Травина, И. С. Васильевскій дѣйствительно засталъ его лежащимъ на печи и покрытымъ одѣяломъ (а на улицѣ было $+30^{\circ} \text{R}^0$). Когда Травинъ слѣзъ съ печи, онъ, по словамъ И. С., представлялъ собой жалкое существо; золотушное лицо его какъ будто покрыто было кровью, глаза воспаленные; изъ нихъ текли слезы; рубашка вся мокрая отъ пота. Самъ онъ едва стоялъ на ногахъ; отъ него пахло перегорѣлою водкою. На вопросъ И. С.: „что съ тобою, Травинъ?“ Онъ отвѣчалъ, что у него лихорадка. „Ты пьянъ?“ вопрошаетъ И. С.— Нѣтъ! боленъ!— „Почему же отъ тебя такъ сильно пахнетъ водкою? Выпилъ рюмку, чтобы избавиться отъ лихорадки!“ оправдывался Травинъ. И. С. сказалъ Мощанскому: „пойдемъ теперь къ Левшину!“

Входъ въ квартиру Левшина былъ со двора. Едва они вступили во дворъ, какъ увидѣли Левшина ползающимъ по двору въ одномъ бѣльѣ, которое все было обмазано глиною, и бормочащимъ какія то безсвязныя слова. И. С. глину на бѣльѣ Левшина принялъ за... другое и сказалъ Мощанскому: „хорошъ гусь и этотъ! Пойдемъ теперь къ Малеину!“

Оказалось, что Левшинъ ходилъ купаться на Волгу и, не могши обуться, такъ и пришелъ въ квартиру, перепачкавшись въ глинь.

А когда я пришелъ въ свою квартиру, меня увидѣлъ товарищъ—сосѣдъ Иванъ Волковъ и сказалъ: „вотъ ты, Устинъ, выпилъ порядочно, угости и меня!“—Изволь,—отвѣчаю я и отправился съ нимъ въ городскую часть, въ Московскій трактиръ, куда мы всѣ пѣвчіе ходили каждый праздникъ пить чай.

Угостивъ Волкова, не забывъ при этомъ и себя, я пошелъ на квартиру.

Хозяйка встрѣтила меня еще на улицѣ и сказала: „ну, бѣда, I. M.! Былъ Васильевскій, спрашивалъ васъ, а когда я сказала, что васъ нѣтъ дома, то Васильевскій закричалъ на меня: врешь! Малеинъ, вѣрно, гдѣ нибудь спитъ пьяный! И полѣзъ на чердакъ, затѣмъ пошелъ въ огородъ, заглянулъ въ баню“. Хозяйка же все говорила ему, что я веду себя хорошо, пьяный никогда не прихожу въ квартиру, а теперь ушелъ куда то, она не знаетъ. Выслушавъ такое непріятное извѣстіе, я, не входя въ квартиру, отправился отыскивать Васильевского и пошелъ по Верховской улицѣ. Издали увидѣлъ я Васильевского и Мощанскаго. Сообразивъ по возможности, что говорить Васильевскому, я смѣло подошелъ къ нему и, снявъ фуражку сказалъ: „здравствуйте, Иванъ Степановичъ!“—А! Малеинъ! Здравствуй! Ты не пьянъ?—„Никакъ нѣтъ, И. С.!“—А водку пилъ сегодня?—„Пилъ!“—Отчего же ты не пьянъ, какъ другіе пѣвчіе ваши? и при этомъ И. С. подробно передалъ мнѣ, въ какомъ положеніи онъ нашелъ Травина и Левшина. Я отвѣтилъ И. С., что могу выпить только не болѣе двухъ рюмокъ и ни за что не соглашусь пить болѣе. Обращаясь къ Мощанскому, И. С. началъ говорить: „вотъ

и видно, что Малеинъ честный человѣкъ и.. умный! Высказалъ всю правду... Спасибо тебѣ, Малеинъ!“

Левшинъ же, послѣ посѣщенія его Васильевскимъ, какимъ то образомъ попалъ въ Затьмацкую часть, гдѣ началъ безобразничать, побилъ кучера г. Шишкова, какихъ то полицейскихъ, вломился въ домъ инспектора семинаріи, Василия Θεодоровича Лисицына, и у домашнихъ его просилъ рюмочку водки.

Обо всемъ этомъ Васильевскій донесъ инспектору В. Θ. Лисицыну и ректору семинаріи Архимандриту Макарію. Ректоръ, по полученіи донесенія о поступкахъ Левшина, вызвалъ его въ семинарское правленіе и началъ говорить ему, что воспитаннику семинаріи не простительно упиваться виномъ и безобразничать. Левшинъ оправдывался, что былъ боленъ чѣмъ то въ родѣ холеры, что безобразій не дѣлалъ, и ректоръ уже, повидимому, повѣрилъ объясненію Левшина и хотѣлъ отпустить его съ наставленіемъ: „иди и впередъ не пей!“

Вдругъ входитъ въ правленіе инспекторъ В. Θ. Лисицынъ, подходитъ къ ректору подь благословеніе и, обернувшись и увидѣвъ Левшина, приблизился къ ректору и, указывая рукою на Левшина, началъ говорить скороговоркою: „а это, Ваше Высокопреподобіе, Левшинъ! Тотъ самый ученикъ Левшинъ, который избилъ квартальнаго, избилъ частнаго, избилъ кучера господина Шишкова, переполохалъ все мое семейство, просилъ у меня рюмочки водки, называя меня вмѣсто Василій Θεодоровичъ, Θεодоромъ Васильевичемъ, исключить его, аки негодяя“. Слова эти инспекторъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ и съ такою поспѣшностью, что ректоръ, не могши разслушать и усвоить сказанное инспекторомъ, сказалъ: „Василій

Θеодоровичъ! Я не разслушалъ всего, что вы говорили, потрудитесь повторить порѣже!“

Василій Θеодоровичъ началъ говорить сначала рѣдко, а потомъ опять такъ часто, что ректоръ просилъ В. Θ. еще разъ повторить донесеніе о Левшинѣ, и Василій Θеодоровичъ снова началъ перебирать по пунктамъ и по пальцамъ свое донесеніе, а, когда окончилъ, ректоръ сказалъ Левшину: „простить тебя, Левшинъ, не могу, подай прошеніе объ увольненіи изъ семинаріи.“ Левшинъ подалъ прошеніе, и его уволили.

Были въ семинаріи замѣчательные воспитанники, таковыми, между прочими, оказались: Николай Ивановичъ Виноградовъ, учившійся въ училищѣ и семинаріи 20 лѣтъ. Онъ лѣтомъ и зимой ходилъ въ одномъ обыкновенномъ сюртукѣ и такъ прямо и ровно, что объ немъ говорили, если Виноградову поставить на голову горшокъ съ молокомъ, онъ не прольетъ ни капли. Виноградовъ былъ черенъ, какъ арабъ, каждый день брился; и вотъ однажды у семинарскихъ воротъ онъ встрѣтился съ инспекторомъ В. Θ. Лисицынымъ. Инспекторъ, увидя Виноградова, сказалъ ему: „Виноградовъ, хоть бы ты побрился, а то очень черенъ, настоящій цыганъ!“ Виноградовъ отвѣчаетъ В. Θ., что сейчасъ только побрился. По приходѣ въ классъ, Виноградовъ разсказалъ, что сейчасъ встрѣтился съ барбосомъ (инспекторомъ), и тотъ велѣлъ ему побриться, а онъ—Виноградовъ—предъ уходомъ въ классъ брился. Тогда кто то въ классѣ закричалъ: „Господа! Виноградовъ у насъ фокусникъ, второй Пинетти или Боско! Онъ въ квартирѣ выбрился и пошелъ въ классъ, а, пока шелъ до семинаріи, у него вновь выросли усы и борода, такъ что встрѣтившійся съ нимъ инспекторъ Лисицынъ посовѣто-

валъ ему побриться!“ Весь классъ засмѣялся, а Виноградовъ очень обидѣлся на эту остроту и началъ браниться.

Второй субъектъ, замѣчательный своимъ упрямствомъ и терпѣніемъ, былъ Павелъ Петровичъ Соколовъ, сынъ священника Бѣжецкаго уѣзда, села Залазина. Онъ шесть лѣтъ просидѣлъ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, потомъ перешолъ въ высшее отдѣленіе и окончилъ курсъ въ первомъ разрядѣ вмѣстѣ со мною. Поступивъ въ среднее отдѣленіе семинаріи, Соколовъ имѣлъ несчастье чѣмъ то согрѣшить профессору главныхъ предметовъ этого отдѣленія и Секретарю семинаріи, Семену Семеновичу Озерову. Озеровъ, по прошествіи 2-хъ лѣтъ, объявилъ Соколову, чтобы онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ семинаріи, въ противномъ же случаѣ будетъ оставленъ еще на два года въ томъ же отдѣленіи.

Соколовъ отвѣчалъ профессору Озерову, что согласенъ остаться на второй курсъ, а прошенія объ увольненіи не подастъ. Прошли и еще два года. Опять Озеровъ сказалъ Соколову: „Соколовъ, подавай прошеніе! а то я тебя не переведу въ высшее отдѣленіе и не исключу, а оставляю на третій курсъ въ среднемъ отдѣленіи“.

Соколовъ отвѣтилъ: „что же дѣлать? Я останусь на третій курсъ!“

— Ну, посмотримъ, кто кого пересидитъ, кто первый сдастся!—возразилъ Озеровъ. Соколовъ остался на третій курсъ. Прошелъ еще годъ, пятый сидѣнія Соколова въ среднемъ отдѣленіи. Открылось мѣсто Священника въ Вышневолоцкомъ Соборѣ; Озеровъ подалъ прошеніе и былъ опредѣленъ во Священники въ Волочекъ. Тогда Соколовъ, увидѣвъ профессора Озерова, сказалъ: „Семень Семеновичъ! а вѣдь я пересидѣлъ васъ, вы уходите, а я остаюсь!“ Озеровъ

ничего не отвѣтилъ. А нѣкоторые воспитанники, какъ секретно рассказывали, играли на сценѣ въ театрѣ. Открылось это слѣдующимъ случаемъ: одна дама, явившись къ Архіерею, между прочимъ сообщила ему, что была въ театрѣ, видѣла на сценѣ игру воспитанниковъ Семинаріи и удивилась, какъ они безподобно играли. Архіерей ничего не отвѣтилъ дамѣ, а по уходѣ ея вызвалъ ректора семинаріи и предложилъ ему разслѣдовать это обстоятельство. Ректоръ поручилъ исполнить столь важное дѣло инспектору В. Θ. Лисицыну, на что послѣдній отвѣтилъ, что при первомъ же спектаклѣ разузнаетъ всѣхъ актеровъ и донесетъ отцу ректору. Дѣйствительно, какъ только объявленъ былъ спектакль, В. Θ. взялъ билетъ въ первомъ ряду, внимательно слѣдилъ за игрою и за актерами, усердно хлопалъ, восхищаясь представленіемъ и игравшими, а на другой день, явившись къ ректору, донесъ, что былъ въ театрѣ, играли превосходно, но изъ воспитанниковъ семинаріи никто не участвовалъ; ректору же кто то уже шепнулъ, что вчера играли въ такихъ то роляхъ Р.... и П..., почему Ректоръ и спросилъ В. Θ., а такіе то роли кто представлялъ. В. Θ. отвѣтилъ: „очень искусные актеры представляли!“ — Да вѣдь это были семинаристы, переодѣтые и загримированные,—возразилъ ректоръ. „Не можетъ быть, не можетъ быть, я пристально смотрѣлъ, Ваше Высокопреподобіе,“ отвѣчалъ Василій Θεодоровичъ, упорствуя въ своемъ показаніи. Онъ не предполагалъ, что семинаристы для игры въ театрѣ гриммируются и переодѣваются.

Въ 1855 году случилось для семинаріи необыкновенное событіе. Назначенъ былъ въ семинарію ревизоръ изъ Петербурга, докторъ Церковной Исторіи и Археологіи, Архимандритъ О. Іоаннъ.

При полученіи объ этомъ извѣстія, страхъ напалъ какъ на начальство семинаріи, такъ и на учащихся. Очень, очень долго не было ревизора въ Твери, что и усиливало страхъ всей семинаріи.

Вотъ пріѣхалъ ревизоръ и помѣстился въ Отрочѣ Монастырѣ, гдѣ жилъ ректоръ семинаріи, а ректоръ переѣхалъ въ семинарію, гдѣ у него были свои комнаты. Первымъ распоряженіемъ ревизора было, чтобы воспитанники семинаріи остригли волосы на головѣ наголо, вторымъ,—являться на экзаменъ въ сюртукахъ и третьимъ отвѣчать на экзаменѣ по билетамъ.

Припоминаю, что одинъ ученикъ явился для отвѣта на экзаменѣ съ длинными волосами, гладко причесанными на затылокъ. Ревизоръ не пожелалъ его спрашивать и не записалъ въ 1-й разрядъ, который только онъ и экзаменовалъ, а объ остальныхъ, говорилъ, ему нѣтъ дѣла.

Экзаменовалъ ревизоръ строго и долго. Ректоръ семинаріи донесъ объ этомъ бывшему въ то время Архіепископу Гавріилу, очень любившему семинарію. Преосвященный пріѣхалъ въ семинарію для присутствованія при экзаменѣ. Ревизоръ уступилъ ему свое мѣсто и сѣлъ съ боку у стола.

Ревизоръ вызвалъ одного воспитанника. Тотъ началъ отвѣчать, отвѣчалъ долго и началъ запи- наться.. Архіерей тотчасъ же сказалъ: „довольно съ него, батенька (такая была поговорка у преосвящен- наго), довольно! Спросите, Ваше Высокопреподобіе, слѣдующаго“. Ревизоръ вызвалъ другого воспитанника. Опять та же исторія. Тогда ревизоръ всталъ съ своего мѣста и, подошедши къ Архіерею, сказалъ, что у него сильно болитъ голова и онъ не можетъ

продолжать испытаніе учениковъ. Получивъ благословеніе отъ Архіерея, ревизоръ вышелъ изъ зала.

Архіерею не оставалось ничего дѣлать какъ тоже прекратить экзаменъ, и онъ, благословивъ воспитанниковъ, удалился изъ зала, а провожавшимъ его ректору и преподавателямъ семинаріи говорилъ про ревизора: „батенька! жёстокъ человѣкъ, жёстокъ человѣкъ!“

Мнѣ пришлось отвѣчать ревизору изъ основного богословія объ основаніи Христіанской религіи, причемъ ревизоръ задалъ мнѣ возраженіе: „Іисусъ Христосъ говорилъ о Себѣ, что Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, что же и я могъ бы сказать о себѣ, что кротокъ и смиренъ, и ты повѣрилъ ли бы мнѣ?“ Я еще не успѣлъ ничего сказать, а стоявшій около меня профессоръ Иванъ Андреевичъ Рубцовъ шепнулъ мнѣ: „Богочеловѣкъ“. Ревизоръ замѣтилъ и сказалъ: „прошу не подсказывать, онъ (т. е. я) самъ скажетъ,“ я тотчасъ, дѣйствительно, и отвѣтилъ, что Іисусъ Христосъ говорилъ это, какъ Богочеловѣкъ, чего не нужно забывать и при другихъ случаяхъ при-вспоминаніи о проповѣди и чудесахъ Іисуса Христа...

Какъ только отпустилъ меня ревизоръ, я побѣжалъ на Волгу купаться и, снявъ свой сюртучишко, въ бѣльѣ бросился въ рѣку...

Кончились, наконецъ, экзамены, и насъ отпустили домой, но мы не знали объ участи своей, ибо ревизоръ остался еще въ семинаріи составлять списки и для другихъ дѣлъ. Составилъ онъ только первый разрядъ, предоставивъ семинарскому начальству право составлять 2-й и 3-й разряды, а также переводить въ слѣдующіе классы учениковъ и вовсе исключать изъ семинаріи.

Нѣкоторые воспитанники Кашинскаго, Корчевскаго и Калязинскаго уѣздовъ отправились домой въ лодкѣ по рѣкѣ Волгѣ и, когда плыли мимо Отроча Монастыря, увидѣли, что ревизоръ гуляетъ по берегу рѣки, тогда съ лодки посыпалась на него отборная ругань, а потомъ полетѣли и камешки. Ревизоръ поспѣшилъ скрыться въ монастырь. Свой отзывъ о семинаріи ревизоръ, говорили, изложилъ листахъ на 15. Суть отзыва такова, что воспитанники могли быть хорошими, но ихъ лѣность и неспособность преподавателей и плохой надзоръ начальства надъ воспитанниками сдѣлали послѣднихъ никуда не годными.

Послѣдствіемъ ревизіи было увольненіе изъ семинаріи ректора Архимандрита Макарія, инспектора В. Ѳ. Лисицына и выговоръ преподавателямъ.

Забылъ прибавить, что въ томъ же 1855 году всѣхъ воспитанниковъ высшаго отдѣленія 1-го разряда Архіерей Гавріилъ посвящалъ въ стихарь. Меня посвящалъ преосвященный въ Трехсвятскомъ архіерейскомъ домѣ. Предъ посвященіемъ мы исповѣдывались у іеромонаха. Посвященіе происходило во время чтенія часовъ предъ литургією и извѣстно всѣмъ, видѣвшимъ архіерейское служеніе.

Пришли мы съ Ваней Николаевскимъ домой, очень радостные, что покончили свое ученіе, но скоро радость наша превратилась въ скуку и, заботу что дѣлать, куда дѣваться и чѣмъ питаться. У меня еще былъ живъ отецъ, а у Вани и отца не было...

Во время полевыхъ работъ я помогалъ отцу убирать сѣно, ржанные и яровые снопы, таскалъ съ матерью и теткою Анною ленъ, колотилъ его отъ сѣмянъ и затѣмъ стлалъ на лугу...

Глава шестнадцатая.

Полученіе аттестата.—Безвыходность положенія окончившихъ курсъ семинаристовъ.—Жены, назначаемыя архіереемъ.—Наиболѣе замѣчательные изъ моихъ товарищей.—Путешествіе въ Волочекъ и въ Нилову пустынь.—Взятіе Севастополя.—Мои неудачныя „кондиціи“ въ семействѣ Кегеля и Оболянинова.—Кушалинскій учитель А. А. Никольскій выходитъ въ священники.

Въ Августѣ 1855 года поѣхалъ я въ Тверь за аттестатомъ и за 50 коп. получилъ его въ семинарскомъ правленіи. Въ аттестатѣ значилось, что Іустинъ Малеинъ, сынъ дьячка, въ семинарію поступилъ въ 1849 г., обучался въ оной, при способностяхъ весьма хорошихъ, наукамъ: Богословію и т. д. (слѣдуетъ длинный перечень всѣхъ наукъ, съ отмѣтками, гдѣ весьма хорошо, гдѣ очень хорошо, только алгебрѣ, геометріи и пасхалии очень не худо, о чемъ сказано выше). Поведенія весьма хорошаго. Нынѣ онъ, Малеинъ, по окончаніи ученія въ Тверской семинаріи, съ утвержденія Высокопреосвященнаго Гавріила, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, причисленъ къ первому разряду воспитанниковъ съ званіемъ студента и уволенъ изъ училищнаго вѣдомства въ епархіальное, въ чемъ и данъ сей аттестатъ. Слѣдуютъ подписи: Ректоръ семинаріи Архимандритъ Макарій, инспекторъ В. Лисицынъ, секретарь С. А. Рубцовъ и пр. и пр. Всего въ 1855 году въ Тверской семинаріи окончило курсъ 210 воспитанниковъ, изъ нихъ 63 въ 1-мъ разрядѣ съ званіемъ студента, остальные 147 во 2-мъ и 3-мъ разрядахъ; да отъ предыдущихъ курсовъ оставалось безъ опредѣленныхъ занятій болѣе 200 человѣкъ, а мѣста священническія и діаконскія освобождались довольно рѣдко.

Къ тому же какъ священники, такъ и діаконы, доживъ до старости и обзаведшись многочисленною семьею, старались приискать на свое мѣсто зятя со взятіемъ своихъ дочерей, большею частію уже перерзѣлыхъ и нерѣдко съ разными физическими и нравственными недостатками, но всегда находились охотники вступить въ родство съ такою дѣвицею и семьею, чтобы получить мѣсто священника или діакона.

Разсказывали, что у нѣкогого священника была такая дочь, что сами родители ея, при взглядѣ на нее, не могли сказать: „хороша дочь Аннушка“ (хвалить мать да бабушка), а только вздыхали и опасались, что не найдутъ къ ней жениха. Но.. опасенія оказались напрасными.. Явился все таки женихъ! Таково было положеніе окончившихъ курсъ семинаріи воспитанниковъ. Изрѣдка открывались праздныя священническія и діаконскія мѣста, но и тутъ для имѣвшаго счастіе занять таковое оказывалось новое затрудненіе въ приисканіи себѣ достойной жены по своему выбору.

Архіерей Гавріилъ почему то всячески старался навязывать въ жены желающимъ поступить въ священники воспитанницъ изъ Тверского Женскаго Христорождественскаго Монастыря, и вотъ, при подачѣ къмъ либо изъ студентовъ прошенія объ опредѣленіи въ священники, налагалъ такую резолюцію: „студента №№ на просимое мѣсто опредѣлить со взятіемъ воспитанницы изъ Тверского Монастыря“.

Студентъ, опредѣленный при означенномъ условіи во священники, являлся въ монастырь, представлялся матушкѣ игуменіи и предъявлялъ ей распоряженіе архипастыря. Матушка просила его присѣсть, сама удалялась. Черезъ нѣсколько времени матушка игуменія выводила двухъ, рѣдко трехъ,

кандидатокъ на выходъ въ замужество и представляла ихъ студенту, сама оставаясь тутъ же вмѣстѣ съ ними, и студентъ, въ присутствіи ея, долженъ былъ поговорить съ воспитанницами, а послѣ разговора высказать свое рѣшеніе матушкѣ. Матушка передавала рѣшеніе студента избранной дѣвицѣ, спрашивая ея согласіе или несогласіе вступить въ супружество съ избравшимъ ее лицомъ. Большею частію воспитанница изъявляла согласіе, но бывали случаи, когда дѣвица отказывалась отъ супружества, если женихъ не былъ красивъ, имѣя въ виду получить лучшаго жениха черезъ нѣкоторое время.

И вотъ такія дѣвицы, не видѣвшія ничего кромѣ монастыря и не имѣвшія понятія о сельской жизни, не говоря уже о какомъ либо хозяйствѣ, становились женами священниковъ — матушками, попадьями.

Не сладка была жизнь священниковъ съ ними. Такія жены ихъ, не смотря на то, что не умѣли ничего сдѣлать, ни приготовить какое либо кушанье, даже испечь хлѣбъ, при каждомъ случаѣ, попрекали своихъ мужей — священниковъ, что черезъ нихъ они получили свои мѣста.

Разсказывали, что былъ такой случай: одинъ священникъ, которому жена испекла хлѣбъ, никуда не пригодный, завернулъ этотъ хлѣбъ въ скатерть и съ нимъ явился къ Архіерею и, развернувъ предъ нимъ хлѣбъ, сказалъ: „вотъ посмотрите, Ваше Высокопреосвященство, какіе хлѣбы печетъ моя жена — свиньи ихъ не ѣдятъ! Вотъ какими женами вы насъ надѣляете!“ Что отвѣчалъ Архіерей, не извѣстно.

Кромѣ поступленія во священники и діаконы, окончившіе курсъ въ семинаріи изыскивали всѣ средства и пути, чтобы снискать себѣ пропитаніе. Лучшие воспитанники поступали въ медицинскую акаде-

мію и въ университеты и всѣ въ послѣдствіи выходили образованными людьми, не рѣдко дослуживаясь до генеральскаго чина; таковыми, между прочими, изъ моихъ товарищей были профессоръ докторъ медицины Ѳ. И. Синицынъ, психіатръ П. А. Дюковъ, врачъ В. П. Прутенскій, неоднократно упоминавшійся мой другъ И. А. Николаевскій, помощникъ Одесскаго градоначальника В. П. Старковъ, П. И. Синицынъ, М. И. Митропольскій.

Иные прямо съ семинарской скамьи поступали на гражданскую службу, гдѣ также достигали до высокихъ должностей и даже изрѣдка до генеральскаго чина (В. П. Бойковъ, В. И. Забѣлинъ).

Окладъ жалованья на первое время былъ въ губернскомъ правленіи 6—7 р. въ мѣсяцъ; въ казенной палатѣ и казначействѣ 6 р. и только въ канцеляріи губернатора отъ 8 до 10 р., поступить куда на должность считалось за особое счастье.

Такимъ образомъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ чиновниками были большею частію семинаристы и не только окончившіе курсъ, но и недоучки.

Многіе проживали въ господскихъ домахъ на кондиціяхъ, какъ тогда называли, то есть, учили—барскихъ дѣтей.

Особенно стремились занять мѣсто сельскаго учителя, съ содержаніемъ 100 р. въ годъ, по министерству государственныхъ имуществъ (государственные крестьяне) и 150 р. при готовой квартирѣ по удѣльному вѣдомству (поступали только счастливицы). Но училищъ было очень мало. Не смотря на такое скудное содержаніе, почти всѣ учителя женились, обзаводились семьями и уже по истеченіи 10—12 лѣтъ поступали во священники.

Нѣкоторая часть воспитанниковъ поступала на службу на желѣзныя дороги и на частную службу.

Я умалчиваю о лучшихъ воспитанникахъ, поступившихъ въ духовныя Академіи, такъ какъ число ихъ очень незначительно, хотя всѣ они были замѣчательными лицами по духовному вѣдомству (Предтеченскій, В. Я. Михайловскій, А. П. Щепинъ, В. Г. Пѣвцовъ и др.).

Мое усиленное желаніе было занять мѣсто учителя государственныхъ крестьянъ на своей родинѣ въ селѣ Кушалинѣ, такъ какъ училище было въ домѣ моего отца, у насъ же помѣщался въ свѣтелкѣ съ однимъ окномъ и учитель А. А. Никольскій, засидѣвшійся въ этой должности, женившійся и уже имѣвшій 2-хъ дѣтей, и я, такъ сказать, караулилъ это мѣсто.

Въ августѣ 1855 года я поѣхалъ въ Волочекъ, гдѣ жила моя сестра Ольга, бывшая замужемъ за псаломщикомъ Казанскаго собора Андреемъ Алексѣевичемъ Предтеченскимъ. Такъ какъ крымская война еще не окончилась, то на Тверской станціи передъ полученіемъ билета спрашивали паспортъ или другой документъ отъ каждаго пассажира. Я предъявилъ свой аттестатъ и получилъ билетъ III класса. Вагонъ, въ который насъ пассажировъ усадили, былъ безъ боковыхъ стѣнъ и безъ крыши, а только съ одними скамейками, на которыхъ мы и помѣщались, къ счастью не было дождя.

Погостивъ въ Волочкѣ у сестры Ольги, я отправился на лошадяхъ въ село Осѣчино, въ 18 верстахъ отъ ст. Осѣчино Николаевской желѣзной дороги. Село это стоитъ при 2-хъ озерахъ, очень рыбныхъ. И въ этомъ селѣ было училище удѣльнаго вѣдомства, гдѣ учителемъ былъ мой двоюродный братъ

Василій Ивановичъ Поддубскій, впоследствии протоіерей Казанской Вышневолоцкой женской общины. Онъ принялъ меня очень любезно. У него была жена Матрена Ивановна, очень ворчливая женщина, всѣмъ она была недовольна и постоянно брюзжала на всѣхъ.

Съ ней я уговорился итти пѣшкомъ въ Нилову пустынь помолиться Преподобному Нилу, Столобенскому чудотворцу. Рѣшили выдти изъ Осѣчина 15-го августа послѣ обѣда. Къ обѣду и въ дорогу Матрена Ивановна напекла сдобныхъ лепешекъ и нажарила свѣжей телятины довольно много. Такъ какъ 15-го августа бываютъ розговѣны, то я, послѣ поста, поѣлъ довольно плотно всего.

Послѣ обѣда М. И. взяла бѣлый чистый мѣшечекъ и въ него наклала и лепешекъ, и яицъ, и телятины, и чаю, и сахара, и булокъ и все это возложила на рамена мои, и мы отправились въ путь. Погода была жаркая. Отошедши немного, я почувствовалъ въ своемъ животѣ ворчаніе и боль, вслѣдствіе чего принужденъ былъ отстать отъ М. Иви. спрятаться за кустъ... М. Ив. это замѣтила. Черезъ нѣсколько минутъ телятина, къ которой мой желудокъ не привыкъ и до сего дня, опять заговорила въ моемъ животѣ. Явилась потребность учинить репетицію подъ деревомъ, что также не ускользнуло отъ взора М. Ив. Едва я отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ снова почувствовалъ сильныя боли въ животѣ и необходимость немедленно остановиться... и спрятаться отъ взглядовъ М. Ив. Каждый разъ при остановкѣ я снималъ съ плечъ свою ношу и клалъ на землю, а потомъ надѣвалъ. На этотъ разъ М. Ив. не утерпѣла и, когда я догналъ ее, закричала на меня: „что это ты, блатецъ (такъ говорила она), все останавливаешься, съ тобою нельзя идти, ты мнѣ

всю котомку измараешь!“ Я покраснѣлъ отъ стыда и сказалъ, что котомки не замараю, берегу ее.

Послѣ двухъ ночлеговъ въ дорогѣ, безъ особыхъ приключеній, мы подошли къ пустыни преподобнаго Нила, Столобенскаго чудотворца и въ лодкѣ подплыли къ самому монастырю.

Какой очаровательный видъ открылся предъ нашими глазами, трудно описать!

Монастырь со всѣхъ сторонъ окруженъ водою на нѣсколько десятковъ верстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются гигантскіе лѣса, по берегамъ озера, въ иныхъ деревни, въ другихъ мѣстахъ храмы Божіи, а на водѣ то тамъ, то сямъ плывутъ лодки съ рабочимъ людомъ, съ рыбаками и съ богомольцами. Не могу описать того душевнаго восторга и радости, овладѣвшими всѣмъ существомъ моимъ при взглядѣ на никогда невиданный мною подобный пейзажъ. Такое душевное настроеніе мое увеличилось еще болѣе, когда я вошелъ въ главный соборъ, гдѣ почиваютъ мощи святаго преподобнаго Нила, Столобенскаго чудотворца. Величественное зданіе собора, серебряный иконостасъ и изящныя, украшенныя золотомъ и драгоценными камнями святыя иконы поразили меня. Я сталъ на колѣна и молился со слезами. Служили обѣдню. Послѣ обѣдни служили молебенъ преподобному Нилу. Потомъ мы осматривали другія церкви святой обители и монастырскія келліи. Руководителемъ нашимъ былъ товарищъ мой по семинаріи П. П. Соколовъ (просидѣвшій 6 лѣтъ въ среднемъ отдѣленіи, о чемъ сказано выше).

Онъ былъ родственникомъ архимандрита и гостилъ у него въ монастырѣ.

При содѣйствіи Соколова, насъ помѣстили въ хорошемъ номерѣ монастырской гостинницы и кормили очень сытно.

Пробыли мы въ монастырѣ двое сутокъ. При возвращеніи домой, намъ пришлось плыть въ лодкѣ до деревни Сороки 5 верстъ.

Вѣтеръ былъ большой; на озерѣ показались бѣляки (большія волны); съ нами плыло нѣсколько дѣвицъ и женщинъ; лодку нашу качало изъ стороны въ сторону, и брызгами отъ волнъ насъ сильно мочило. Къ довершенію ужаса мы, не доплывши до берега саженой 20—25, сѣли на мель. Пришлось идти по водѣ. Нѣкоторыя женщины и дѣвицы, не приподнимая платья, пошли, а другихъ взялись переносить на рукахъ перевозчики, въ томъ числѣ перевозчики донесли до берега меня и Матрену Ивановну. Очень усталые отъ пути (въ одинъ конецъ болѣе 100 верстъ) мы пришли въ Осѣчино и были радушно встрѣчены В. И. Поддубскимъ. Для него начальство выписывало почти единственную тогда газету „Сѣверная Пчела.“ И вотъ за 27 августа я прочиталъ телеграмму изъ Севастополя: „непріятель открылъ по насъ по истинѣ адскій огонь. Севастополь взятъ“. Извѣстіе это произвело на всѣхъ насъ удручающее впечатлѣніе.

Всѣ заговорили: „что же дальше то будетъ?!“

По возвращеніи на родину въ село Кушалино, меня заставили молотить на гумнѣ хлѣбъ: рожь, ячмень, овесъ. Для молотьбы будили рано—часа въ 3—4—и въ видѣ особой милости давали похлебать прѣснаго молока, но только мнѣ одному. Затѣмъ всѣ мы отправлялись въ гумно. Гумно было немощеное (безъ пола), и потому работа была еще тяжелѣе.

Къ счастію работа эта не была продолжительна.

Мѣстная помѣщица сельца Перелогъ, Ольга Андреевна Кегель, пригласила меня на кондицію учить ея двухъ барышень: Элеонору и Юлію Леопольдовну съ платою 2-хъ рублей въ мѣсяцъ(!) Не смотря

на такое мизерное вознагражденіе за труды, я съ радостію принялъ предложеніе О. А., а товарищъ мой Иванъ Арсеньевичъ Николаевскій даже позавидовалъ мнѣ.

Тяжело было мнѣ привыкать къ барскому этикету: быть постоянно въ сюртукѣ и брюкахъ, а то и другое у меня было въ единственномъ числѣ, сшитое еще въ семинаріи; кромѣ того, для сюртука за сукно платилъ я по 3 р. 30 к. сер. за аршинъ, поэтому мнѣ очень жалко было каждый день носить этотъ сюртукъ.

Занятія съ барышнями начинались послѣ чая въ 9^{1/2} часовъ утра и продолжались до обѣда, происходившаго въ 2 часа по полудни.

За столъ садилось насъ 6 человѣкъ: сама барыня Ольга Андреевна, ея родственница Анна Александровна, мизерная, старая барышня, двѣ ученицы мои, маленькій барченокъ Андрюша и я.

Самъ баринъ Леопольдъ Феликсовичъ находился на службѣ въ Бѣлостокѣ.

Опять и здѣсь было для меня стѣсненіе. Непривычка обращаться съ вилкою и ножемъ и всѣ кушанья ѣсть вилкою и ножемъ были причинами, что я нерѣдко выходилъ изъ за стола полуголодный. Припоминаю одинъ случай: поданъ былъ супъ съ бараньей почкой, и я, взявъ серебряную ложку въ руки, нажалъ ею почку такъ сильно, что она перелетѣла черезъ столъ и упала барынѣ въ колѣни. Не могу описать того смущенія и стыда, которые я тогда испыталъ. Барыня разсмѣялась и сказала мнѣ: „вамъ бы, I. M., надо было почку ножемъ разрѣзать, а не ложкою.“ Не могъ я ѣсть горчицы по слѣдующей причинѣ: предшественникъ мой учитель А. А. Соловьевъ (впослѣдствіи протоіерей въ г. Бѣжецкѣ) передалъ мнѣ, что, сидя за столомъ, барыня сказала

ему: „А. А., отчего вы не берете горчицы? Кушайте мясо съ горчицей. Діодорка (лакей—незаконнорожденный сынъ горничной, впослѣдствіи хорошій портной), подай скорѣе горчицу къ столу!“ Діодоръ тотчасъ вынулъ изъ буфета горчичницу, взглянулъ въ нее и, увидѣвъ, что она суха, плюнулъ въ нее, растеръ слюну маленькою ложкою и подалъ барынѣ. Учитель Соловьевъ видѣлъ всю эту процедуру, сидя за столомъ. Барыня начала предлагать ему кушать съ горчицею, но онъ отвѣчалъ, что не привыкъ къ употребленію горчицы, и отказался отъ нея. Всякій разъ какъ подавалась къ столу горчица, я вспоминалъ про себя этотъ случай.

Ольга Андреевна очень гордилась тѣмъ, что она „маіорша“, и всегда, когда приходилось ей къ чему либо подписываться, говорила: „пріятно все таки подписаться: „маіорша“; къ этому она прибавляла, что очень счастлива своею жизнію, вышедши замужъ за Леопольда Феликсовича, и въ заключеніе передавала мнѣ исторію своего знакомства и супружества съ Л. Ф. (о чемъ выше сказано).

Три или четыре мѣсяца я прожилъ у О. А. и очень соскучилъ, не имѣя никакого развлеченія въ ея сельцѣ Перелогохъ, въ 3-хъ верстахъ отъ села Кушалина, и рѣшилъ отказаться отъ этихъ занятій съ ея дѣтьми. О. А. очень разсердилась на меня и сказала, что она пригласила меня къ себѣ изъ сожалѣнія къ моему отцу М. И. и если бы она знала, что я не буду у нея жить, то попросила бы давать уроки ея дѣтямъ Ивана Арсеньевича Николаевского, а И. А. уже поступилъ на кондицію къ инспектору семинаріи В. Θ. Лисицыну, съ платою 5 р. въ мѣсяцъ.

Возвратившись отъ О. А. домой, я оиять остался безъ всякихъ занятій, но черезъ нѣсколько времени

пріѣхалъ въ Кушалино помѣщикъ П. Н. Оболяниновъ и предложилъ мнѣ, не согласенъ ли я ѣхать къ нему въ его имѣніе, сельцо Вельяшево, въ 40 верстахъ отъ Кушалина, заниматься съ его дѣтьми Николаемъ и Владиміромъ, вознагражденія 4 р. въ мѣсяцъ. Я согласился, и Оболяниновъ черезъ недѣлю послѣ нашего разговора прислалъ за мною пару лошадей въ тарантасѣ.

Дорога лежала черезъ села: Застолбье, Прудово, Рамешки и Алексѣевское. Въ 1½ верстахъ отъ послѣдняго находилось и сельцо Вельяшево, состоящее изъ одного барскаго дома, расположеннаго въ верстѣ отъ деревни того же названія. Сельцо Вельяшево ничего интереснаго не представляло. Домъ былъ небольшой, деревянный, одноэтажный. Около дома разбитъ былъ небольшой садикъ; не вдалекѣ отъ садика находился прудъ, обсаженный березами, затѣмъ начиналось поле.

Владѣлецъ Вельяшева, П. Н. Оболяниновъ, отставной военный, среднихъ лѣтъ, былъ человѣкомъ серьезнымъ; на дворовыхъ людей часто кричалъ и обращался съ ними грубо. Жена его, Маргарита Саввишна, некрасивая собою, была очень горда. Дѣти ихъ, Николай и Владиміръ, были хорошіе мальчики. Кромѣ нихъ, въ домѣ жила гувернантка — нѣмка, молодая особа, самой обыкновенной наружности. Я сказалъ П. Н., что буду у ней учиться нѣмецкому языку, но онъ просилъ меня не разговаривать съ ней, такъ какъ она отъ разговоровъ съ мужчинами сильно волнуется. (Опять неудача учиться нѣмецкому языку).

Для жилья отвели мнѣ комнату рядомъ съ столлярной, недалеко отъ дома. Чай я пилъ въ домѣ вмѣстѣ съ господами, а для обѣда и ужина пищу приносили мнѣ въ комнату изъ дома, что мнѣ крайне

не нравилось, да и вообще такая изолированная жизнь мнѣ была тягостна, а тутъ еще Оболяниновъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я часто разговариваю съ нѣмкою и горничными дѣвками: Машкой и Пашкой, и я ему отвѣтилъ, что если ему не нравлюсь, то пусть отпустить меня домой. Оболяниновъ сказалъ: „собирайтесь! Я прикажу сейчасъ заложить лошадей“. —Очень благодаренъ Вамъ. Я готовъ,—отвѣчалъ я.

Черезъ часъ поданы были лошади, и я, не простившись даже съ своими учениками, которыхъ нарочно нѣмка куда то увела, поѣхалъ на родину.

Отецъ и мать встрѣтили меня радушно и сказали, что довольно уже мнѣ разъѣзжать по барскимъ домамъ, а надобно всячески стараться, какъ бы попасть въ учителя на мѣсто А. А. Никольскаго (жившаго у насъ въ свѣтелкѣ).

Спустя нѣкоторое время, А. А. отправился въ Тверь и оттуда сообщилъ мнѣ, что подалъ прошеніе архіерею объ опредѣленіи его, Никольскаго, во священники, такъ какъ онъ уже 10 лѣтъ былъ сельскимъ учителемъ, имѣетъ жену и 2-хъ дѣтей, и что архіерей обѣщалъ опредѣлить его на просимое мѣсто.

Глава семнадцатая.

Мои хлопоты о полученіи учительскаго мѣста въ Кушалинѣ.—
Полученіе одобренія отъ крестьянъ.—Поѣздка къ архіерею.—
„Малець-то больно ражъ“.—Визитъ въ консисторію.—Пѣнзяи.—
Однофамилецъ и соперникъ.—Полученіе мѣста.—Отзывъ ста-
рухи о моемъ жалованьи.

Получивъ такое извѣстіе, я пошелъ къ волостному писарю Милорадову и просилъ его, нельзя ли мнѣ получить отъ міра одобреніе, что міряне Кушалинскаго общества желаютъ имѣть меня учителемъ вмѣсто Алексѣя Андреевича Никольскаго, поступающаго во священника. Милорадовъ былъ мнѣ знакомъ (впослѣдствіи кумъ) и сказалъ, что все устроить, то есть, соберетъ сходку, на сходкѣ объявить мою просьбу, а потомъ напишетъ и одобрительный приговоръ, но все таки на сходку надобно придти и мнѣ самому.

На другой день писарь со старшиною назначили сходку. Явилось на сходку человѣкъ до 80 крестьянъ села Кушалина и деревень Наденскаго и Вельшина составляющихъ одно Кушалинское сельское общество; пришелъ и я вмѣстѣ со своимъ отцомъ; отецъ началъ просить собравшихся дать мнѣ одобреніе для полученія учительскаго мѣста въ нашемъ селѣ Кушалинѣ. Едва отецъ высказалъ свою просьбу, какъ всѣ загалдѣли въ одинъ голосъ: „что же, Михаилъ Ивановичъ, мы очень рады дать твоему сынку зарушное одобреніе! Ты, М. И., у насъ человѣкъ хороший, простой, правдивый, безъ лукавства, да и сынокъ то твой, Устинушка, по тебѣ пошелъ. Во всѣ праздники мы видимъ его въ Божьемъ Храмѣ, а какія проповѣди то намъ говоритъ! На што же намъ

лучше, если онъ будетъ учителемъ и будетъ учить нашихъ ребятъ! Пусть Иванъ Павловичъ (писарь) напишетъ приговоръ, а мы всѣ приложимъ руки. А съ Устина то Михайлыча надо бы сорвать четвертушку винца“, прибавили тихонько нѣкоторые. Но Милорадовъ сказалъ: „не хорошо, да У. М. ничего еще и не получаетъ!“ Отецъ же мой сказалъ: „ну я вамъ, братцы, поставлю четвертушку.“ -- Много довольны тобою, Михаилъ Ивановичъ. Спасибо! спасибо.-- Четвертушка водки отцомъ была куплена. Послѣ этого писаремъ Милорадовымъ былъ написанъ приговоръ слѣдующаго содержанія: „мы нижеподписавшіеся крестьяне села Кушалина и деревень: Наденское и Вельшино, бывъ сего числа.... на сельскомъ сходѣ, слушали, между прочимъ, словесную просьбу студента Тверской семинаріи І. М. Малеина о выдачѣ ему одобрения и о желаніи нашемъ имѣть его учителемъ въ нашемъ селѣ Кушалинѣ, по выслушаніи означенной просьбы постановили: принимая во вниманіе, что І. М. нашъ уроженецъ, съ малыхъ лѣтъ намъ извѣстенъ своею смиренною жизнію, а теперь окончилъ науки очень хорошо и желаетъ не только быть учителемъ нашихъ дѣтей, но обѣщается и устроить хоръ пѣвчихъ, дать ему Іустину Михайловичу, одобрительный приговоръ, каковой черезъ довѣреннаго нашего и представить Его Преосвященству Гавріилу, Арх. Тверскому. Довѣреннымъ же избираемъ нашего волостного старшину Гавріила Ивановича, въ чемъ и подписуемся.“ Слѣдуютъ подписи.

Приговоръ этотъ писарь передалъ мнѣ, и, получивъ оный, я попросилъ старшину Г. И. съѣздить со мною въ Тверь и представиться Преосвященному Гавріилу.

Старшина изъявилъ согласіе.

По прибытіи въ Тверь, отправился я со старшиною въ Архіерейскій домъ. Вручивъ пѣнзъ келейнику, мы попросили его доложить о насъ Архіерею. Черезъ нѣсколько минутъ келейникъ сказалъ намъ: „идите за мною, преосвященный принимаетъ просителей въ залъ!“ Едва мы вошли въ залъ, какъ увидѣли Владыку Архіерея и упали ему въ ноги. Онъ благословилъ насъ и кротко спросилъ, о чемъ просимъ. Старшина подалъ преосвященному прошеніе и мірской приговоръ. Я тоже подалъ прошеніе и опять поклонился земно. „Объясните словесно свою просьбу,“ сказалъ преосвященный Гавріилъ. Старшина началъ говорить: „у насъ въ селѣ Кушалинѣ былъ учитель Никольскій. Онъ теперь выходитъ во священники. На мѣсто его мы пожелали избрать нашего уроженца, сына нашего дьячка М. И. Малейна, Іустина Михайловича, вотъ этого самаго, который стоитъ передъ Вами, онъ окончилъ курсъ въ Семинаріи въ первомъ разрядѣ. Не откажите, преосвященнѣйшій Владыка, въ нашей просьбѣ, весь міръ желаетъ его.“ Сказавъ это, старшина и я паки и паки повалились въ ноги Архіерею. Онъ отвѣчалъ: „Что вы все кланяетесь мнѣ, вотъ я разсмотрю это дѣло; да что это, батенька,“ обращаясь къ старшинѣ, спросилъ Владыка, „ты такъ усердно просишь за него?“ и при этомъ указалъ на меня. „Малецъ то больно ражъ, малецъ то больно ражъ,“ отвѣтилъ старшина. Владыка улыбнулся и снова спросилъ: „что? что ты, батенька, говоришь? -- Малецъ то больно ражъ -- повторилъ старшина, а я, не знаю для чего, началъ кланяться Архіерею земно. „Ну, ступайте теперь домой, я разсмотрю ваше дѣло.“ Поклонившись земно Архіерею, тихою стопою мы вышли отъ него, вполне довольные милостивымъ его приѣмомъ насъ.

Недалеко отъ Архіерейскаго дома находится консисторія. Объ этомъ духовномъ судилищѣ и излищѣ распространяться считаю излишнимъ. Безъ взятокъ ничего тамъ не дѣлалось. Не брали, а драли тамъ со всякаго безъ милосердія, и поэтому иные чиновники дома пріобрѣтали, другіе по двѣ и болѣе женъ кормили и наряжали. Въ эту то консисторію я и пошелъ узнать о Кушалинскомъ учительскомъ мѣстѣ.

Вхожу въ переднюю, грязную и полутемную, вижу на лѣвой сторонѣ отъ входа сидятъ не то на диванѣ, не то на лавкѣ, а на какомъ то особенномъ сидѣніи, въ родѣ ящика, пять человѣкъ, все окончившихъ семинарскій курсъ и все жаждущихъ получить какое нибудь мѣсто. Около нихъ похаживаютъ два сторожа, считающихъ себя также за чиновъ консисторіи и пріемлющихъ мзду отъ просителей.

При входѣ моемъ, одинъ изъ сидящихъ возгласилъ: „вотъ и еще одинъ членъ пожаловалъ въ нашъ ученый комитетъ. Садись и рассказывай, за чѣмъ пришелъ, куда стремишься попасть.“ Я подаль руку всѣмъ и сказалъ: „Моя фамилія Малеинъ, хлопоту попасть въ сельскіе учителя, на родинѣ въ селѣ Кушалинѣ“. Едва я это высказалъ, какъ вопрошавшій меня возгласилъ: „И моя фамилія Малеинъ!“ Пристально посматрѣвъ на него, я сказалъ, что при мнѣ въ семинаріи не было фамиліи Малеина, кромѣ меня. И между нами завязался разговоръ: „А ты давно ли окончилъ курсъ?“ -- Въ 1855 году, отвѣтилъ я. „Стало быть, еще только другой годъ обиваешь консисторскіе пороги, а я уже шесть лѣтъ шляюсь сюда.“ — Ваше имя и отчество? — „Яковъ Аѳанасьевичъ Малеинъ.“ — Откуда вы родомъ? — „Тверякъ! сынъ діакона Космо-Демьяновской (Срѣтенской) церкви.

А твоя родина и имя и отчество?“—Родина моя село Кушалино, Тверского уѣзда, зовутъ меня Іустинъ Михайловичъ Малейнъ; хлопочу попастьъ въ учителя въ свое село; въ домъ отца моего помѣщается и училище, и я уже подалъ прошеніе Архіерею.—„Стало быть, тамъ мѣсто праздное, ну тогда и я подамъ прошеніе на это же мѣсто. Правда, слышалъ я, что еще такое же мѣсто есть въ селѣ Сальковѣ, Кашинскаго уѣзда, но про Кушалино говорятъ, что село большое, хорошее, при томъ же оно недалеко отъ Твери. Ужъ я лучше подамъ прошеніе объ опредѣленіи меня въ Кушалино.“

Эти слова Як. Аѳ. какъ громомъ поразили меня. Я не могъ овладѣть собою и затрясся отъ страха отъ возможности лишиться Кушалинскаго мѣста. „Яковъ Аѳанасьевичъ! Да я вѣдь уже подалъ прошеніе. Вы подайте лучше прошеніе въ Сальково.“

Что за дѣло, что ты подалъ, и я подамъ, пусть Архіерей разсмотритъ, кого изъ насъ опредѣлитъ.

„Я окончилъ курсъ въ первомъ разрядѣ!“—Это ничего не значить; ты только 2-й годъ находишься безъ мѣста, а я уже шесть лѣтъ шатаюсь по бѣлому свѣту, гдѣ день, гдѣ ночь! Подамъ въ Кушалино, пусть Архіерей разсмотритъ, кого изъ насъ опредѣлитъ.—Послѣ этихъ словъ чуть не со слезами я началъ просить Як. Аѳ. подать прошеніе въ Сальково, приглашая его, по опредѣленіи меня на мѣсто, пріѣхать ко мнѣ въ гости и посмотрѣть невѣсть у Кушалинскаго благочиннаго, о. І. Ѳ. Судакова, и при этомъ дополнилъ, что я уже былъ у Архіерейскаго секретаря Д. С. Орлова (наперсника Архіерея) и столоначальника консисторіи Маркова, и всѣ они обѣщались похлопотать за меня.

Дѣйствительно, съ отцомъ своимъ я былъ у всѣхъ означенныхъ лицъ, и всѣмъ отецъ давалъ пѣнязи. Кажется, одному Маркову было дано 30 пѣнязей. Марковъ, ничѣмъ не стѣсняясь, открыто бралъ взятки и въ консисторіи, и на дому. Былъ холостой, но, конечно, жилъ не одинъ, а съ гражданскою женою. Нажилъ въ Москвѣ четырехэтажный домъ и наличными деньгами болѣе сорока тысячъ. И до сего времени память сохранилась о немъ, какъ о самомъ крупномъ и алчномъ, ненасытномъ взяточникѣ. Домъ и все достояніе Маркова досталось Протоіерею Тверской Никольской церкви, блаженной памяти Михаилу Васильевичу Озерову, также бездѣтному. Михаилъ Васильевичъ изъ числа этихъ денегъ 10 тысячъ пожертвовалъ на покупку дома для свѣчнаго завода, 2 или 3 тысячи пожертвовалъ въ духовное попечительство, а послѣ своей смерти и домъ, въ которомъ жилъ, завѣщалъ для устройства въ немъ богадѣльни для лицъ духовнаго званія. Яковъ Аѳанасьевичъ внялъ моей усиленной просьбѣ и согласился подать прошеніе объ опредѣленіи его въ Сальково, въ чемъ и далъ мнѣ честное слово.

Каждый день ходилъ я въ консисторію справляться о резолюціи Архіерейской на моемъ прошеніи, и столоначальникъ Марковъ, по вверженіи отцомъ моимъ тридцати сребренниковъ въ его Марковскую, бездонную мошну, сталъ ко мнѣ любезнѣе; въ консисторіи сажалъ меня за своимъ столомъ вмѣстѣ съ писцами и дружелюбно разговаривалъ со мною.

1-го февраля 1857 года, когда я по обычаю пришелъ въ консисторію и дошелъ до Марковского стола, столоначальникъ И. И. Марковъ поздравилъ меня съ опредѣленіемъ на должность Кушалинскаго учителя и сказалъ: „сегодня только получена резо-

люція преосвященнаго, вотъ смотрите ваше прошеніе!“ Я взялъ въ руки свое прошеніе и на немъ было написано: „студента Іустина Малеина опредѣлить учителемъ въ село Кушалино, Тверского уѣзда; окончившаго курсъ въ семинаріи, воспитанника Якова Малеина, учителемъ же въ село Сальково, Кашинскаго уѣзда, о чемъ объявить просителямъ и сообщить письмомъ г. управляющему Тверскою палатою Государственныхъ имуществъ.“ Слѣдуетъ подпись: „Гавріилъ, Архіеп. Тверскій и Кашинскій.“

Ну, прочитали резолюцію, давайте прошеніе сюда мнѣ, а теперь скажите, хорошо пишете, или худо, — спросилъ меня Марковъ. „Пишу хорошо,“ отвѣтилъ я ему. „Такъ садитесь вотъ на этотъ стулъ, я дамъ вамъ черновое письмо къ управляющему палатою Государственныхъ имуществъ, Поццо, и вы перепишите оное,“ проговорилъ столоначальникъ Марковъ и далъ мнѣ для переписки письмо.

Я началъ переписывать письмо самымъ тщательнымъ образомъ. Письмо было приблизительно слѣдующаго содержанія: „Ваше Превосходительство...., мною сего числа опредѣлены въ учителя: студентъ Малеинъ въ село Кушалино, Тверского уѣзда, и воспитанникъ Тверской семинаріи Яковъ Малеинъ въ село Сальково, Кашинскаго уѣзда. Сообщая объ этомъ для надлежащаго, въ чемъ слѣдуетъ, съ Вашей стороны распоряженія, имѣю честь пребыть Вашего Превосходительства.“ Дальше подписано было Архіереемъ собственноручно: „покорнымъ слугою Гавріилъ, Архіепископъ Тверскій.“ Марковъ одобрилъ мой почеркъ и сказалъ мнѣ: „а вашему Кушалинскому благочинному Судакову пошлемъ указъ объ опредѣленіи васъ въ учителя. Теперь ступайте съ Богомъ домой и учительствуйте!“ Писцы и сторожа также поздравляли меня. Пришлось и имъ давать на чаекъ.

2-го февраля 1857 г. я пріѣхалъ въ домъ отца своего и привезъ съ собою указъ благочинному объ опредѣленіи меня учителемъ въ село Кушалино.

Излишнимъ считаю распространяться, съ какою радостью встрѣтили меня отецъ, мать, тетка Анна, сестра и братья.

Въ тотъ же день я пошелъ съ указомъ къ благочинному о. Судакову, моему крестному отцу, жившему рядомъ.

О. Благочинный принялъ меня хотя и ласково, но, повидимому, былъ не совсѣмъ доволенъ моимъ опредѣленіемъ, такъ какъ, съ одной стороны, по слову Спасителя: „ни который пророкъ пріятенъ есть во отечествіи своемъ,“ а, съ другой стороны, у о. Судакова было не мало дочерей—невѣстъ, а я, какъ крестникъ его, не могъ быть зятемъ его, о чемъ онъ, о. Судаковъ, и говорилъ моему родителю, что раненько съ нимъ породнился.

Всѣ церковнослужители начали завидовать моему отцу, говоря: „чего теперь не жить Михайлу Ивановичу? Въ домѣ училище, сынъ учителемъ! Легкое мѣсто! 100 цѣлковыхъ жалованья будетъ получать сыночекъ!“ Насколько велики были въ то время деньги сто цѣлковыхъ, приведу, для примѣра, слѣдующій случай: поѣхалъ я какъ-то, вскорѣ по поступленіи на должность учителя, съ отцомъ въ дер. Тихарево купить дровъ; входимъ въ одну избу, въ избѣ нѣтъ никого, отецъ кричитъ: „Али нѣтъ никого? Данила, хозяйка!“ Голосъ съ печи: „кто тамъ пришелъ? Никого нѣтъ! Никакъ это ты, Михайло Иванычъ?“ Тутъ мы увидѣли, что на печкѣ за трубою сидитъ старуха. Отецъ отвѣчаетъ: „я, я!“—А это кто же съ тобою то пришелъ, Михайлушка?— „Это сынъ мой!“—Что же іонъ у цея, какъ живетъ?— „Да вотъ поступилъ въ

наше село учителемъ.“ — Стало быть, іонъ въ ученики поступилъ. — „Да, учителемъ,“ говоритъ отецъ. Что же, по найму штоли, али какъ иначе? — „Отъ царя изъ казны будетъ получать сто цѣлковыхъ въ годъ жалованья!“ Сколько? — спрашиваетъ старуха. „Сто цѣлковыхъ“, отвѣчаетъ отецъ. — Ну што ты, Михаилъ Иваныцъ, все смѣешься надо мною, нешто же вправду сто цѣлковыхъ получаетъ твой сынъ, да куда же іонъ деньги то дѣваетъ, небось обложился весь бумажками, да такъ и сидитъ надъ ними.

Глава восемнадцатая.

Начало учительства.—Знакомство съ учениками.—Первые уроки.—Разговоръ двухъ дьячковъ за ранней обѣдней.—Мнимое явленіе Богородицы въ Сутокахъ.—Мои заботы объ устройствѣ церковнаго хора.

Учитель Никольскій, уѣзжая въ Тверь, завѣдываніе училищемъ поручилъ отцу моему, а, получивъ священническое мѣсто, остался въ Твери для посвященія и изученія должности.

Поэтому, 3-го Февраля 1857 г., я съ отцемъ вошелъ въ училище. Когда мы вошли, отецъ сказалъ ученикамъ громко: „встаньте! вотъ вамъ новый учитель, сынъ мой Іустинъ Михайловичъ! Прошу васъ слушаться его, любить и стараться при немъ учиться прилежнѣе, а Алексѣй Андреевичъ вышелъ во священники. Слышите ли, ребятки, что я вамъ говорю?“ Весь классъ закричалъ: „Михаила Ивановичъ! будемъ, будемъ любить и слушаться І. М.“

Отецъ вышелъ изъ класса.

Я остался одинъ. Подхожу къ первому ученику, спрашиваю, какъ его зовутъ: „Терентій Никитинъ“, отвѣчаетъ тотъ. „Давно ли учишься?“—Третій годъ хожу по зимамъ.

Заставилъ я его читать, читаетъ хорошо. Попросилъ показать его письмо,—по одной строчкѣ написано хорошо. Спрашиваю у него, сколько всѣхъ учениковъ въ классѣ. Терентій Никитинъ подаетъ мнѣ списокъ, въ которомъ значится всѣхъ учениковъ болѣе 60, но нѣкоторые не ходятъ (въ этомъ числѣ 10 дѣвочекъ). Иду далѣе, спрашиваю другихъ, оказывается, что нѣкоторые тоже третій годъ учатся, а съ трудомъ разбираютъ по складамъ, а иные въ теченіи года едва выучили тройные слоги.

Ученіе происходило по старинному методу: азъ, буки, вѣди и т. д., по славянской азбукѣ. Послѣ буквъ изучали сначала двойные слоги, такимъ образомъ: буки, азъ ба, ба, вѣди, азъ ва, ва и т. д., далѣе тройные: буки, арцы, азъ, ра, бра... и т. д., какъ учили еще меня самого, о чемъ сказано выше. Каждый училъ свое: кто читалъ часовникъ, кто псалтирь, кто священную исторію, кто изучалъ азбуку, нѣкоторые писали складки изъ прописи, нѣкоторые цифры.

Просидѣлъ я въ классѣ до 12 часовъ, отпустилъ учениковъ на 2 часа для обѣда и самъ пошелъ позавтракать домой въ избу, смежную съ училищемъ; подкрѣпившись, перешелъ въ свою свѣтелку отдохнуть, но, едва прилегъ, какъ въ училище начали набираться ученики, и не прошло полчаса, какъ въ училищѣ поднялся такой шумъ и крикъ, что нельзя было выносить. Я стукнулъ кулакомъ въ стѣну и закричалъ: „не шумѣть! сидите смирно!“ Послышался въ училищѣ голосъ: „ребята, І. М. приказываетъ тише сидѣть!“ Притихли. Не прошло 5 минутъ, снова шумъ прежній! Опять стучу въ стѣну. Шумъ перестаетъ и черезъ минутъ 5—6 снова возникаетъ. Потерявъ терпѣніе, отворяю боковую дверку изъ свѣтелки и, заглядывая въ училище, говорю: „ребятки! посидите хоть немного посмирнѣе!“ Послушались и притихли.

Вскорѣ послѣ этого я опять пошелъ въ училище и пробылъ тамъ до 4 часовъ. Въ 4 часа отпустивъ учениковъ по домамъ, я сказалъ имъ, чтобы завтра приходили въ школу въ 8 часовъ утра.

Путру, чуть свѣтъ, слышу въ крыльцо стукъ. Идетъ отецъ отпирать крыльцо, видитъ нѣсколько мальчиковъ стоятъ съ азбуками и книжками. „Отопри

намъ, Михайла Ивановичъ“, говорятъ они. „Куда вы такъ рано пришли?“ спрашиваетъ отецъ. „Насъ изъ дома прогнали родители, говорятъ, будетъ вамъ баловать дома то, идите въ школу!“ Отецъ впустилъ ихъ, за ними начали прибѣгать еще и еще, и въ нѣсколько минутъ въ классѣ поднялся вчерашній шумъ. Спать въ свѣтелкѣ уже не было никакой возможности. Мало этого, начался стукъ въ дверь ко мнѣ; спрашиваю съ постели: „кто тамъ?“— Это я, I. М.!— „Какъ звать тебя?“—Несторъ Матвѣевъ“.--- „Что тебѣ?“—Я выучилъ урокъ, пусть прослушаетъ меня Григорій Михайловъ. -- „Ну ладно!“ отвѣчаю. Едва отошелъ этотъ, опять стукъ: „I. М.! у меня грифель сломался, нельзя писать!“—Погоди, вотъ встану, дамъ новый!—Ушелъ. Снова стукъ: „I. М.! я тройные слоги выучилъ; что мнѣ теперь учить?“—Вотъ приду въ классъ, укажу.—Ушелъ. Вдругъ въ классѣ послышался ревъ, и вслѣдъ за этимъ стукъ въ дверь; вскакиваю съ постели, надѣваю халатишко и высовываю голову въ классъ; вижу, у двери стоитъ ученикъ и плачетъ. „Что ты плачешь“, спрашиваю его.— I. М.! Я сидѣлъ за партою и обернулся назадъ, а Евдокимъ Матвѣевъ какъ фукнетъ меня по губѣ, ушибъ до крови.-- „Ну вотъ я скоро приду въ классъ и разберу васъ“, сказалъ я, а самъ перебрался въ избу и легъ на палаты, чтобы еще немного поспать, такъ какъ время было еще раннее. Только я улегся, прибѣгаетъ въ избу мальчишка и, увидѣвъ отца, спрашиваетъ меня; кричу съ палатей: „что тебѣ надо!“— I. М.! у меня вся тетрадка вышла, не на чемъ писать.— „Приду въ классъ, дамъ“, отвѣчаю съ палатей. На встрѣчу ушедшему бѣжить другой и также спрашиваетъ меня, говоря, что у него пера нѣтъ. Я прошу отца побыть пока въ классѣ до меня, общаясь и самъ придти скоро.

Отецъ пошелъ, и, какъ только вступилъ въ классъ, всѣ ученики закричали: „Михаила Ивановичъ, Михаила Ивановичъ!“ и моментально окружили его со всѣхъ сторонъ и стали дергать за рукава и полы: „М. И., прослушай меня! М. И., укажи мнѣ! М. И., очини мнѣ грифель!“ и пр. и пр. Вообще, всѣ ученики очень любили отца, да и онъ съ отеческою любовію относился къ нимъ.

Въ 9-мъ часу утра вошелъ и я въ классъ, велѣлъ прочитать молитву: „Царю Небесный“. Сѣлъ за столъ и спросилъ Евдокима Матвѣева, за что онъ фукнулъ по губѣ Григорія Михайлова.

Евдокимъ Матвѣевъ затрясся, заплакалъ и сказалъ: „виноватъ, І. М., простите!“ — Поди, стань на колѣна около парты, а, если еще будешь драться, будешь наказанъ розгами, — сказалъ я.

Потомъ началъ заниматься съ учениками и продолжать преподаваніе по старинному методу.

Пробовалъ я ввести звуковой методъ, но не могъ; надо мною только смѣялись, да одинъ я не могъ ничего сдѣлать, а въ ученіи по прежнему методу мнѣ много помогалъ мой незабвенный родитель.

На третій день, вижу, подходятъ къ училищу нѣсколько крестьянъ съ дѣтьми, малъ мала меньше, какъ говорятъ. Вотъ всѣ вошли въ сѣни, спрашиваютъ меня. Выхожу. Крестьяне кланяются мнѣ и говорятъ, что пришли къ моей милости. „Что нужно?“ вопрошаю ихъ. — „Да вотъ примите нашихъ ребятишекъ въ школу! — Теперь“, говорю имъ, „не время принимать, принимать буду одинъ разъ въ годъ послѣ Семенина дня, да притомъ же мальчики то очень малы и молоды“. Спрашиваю одного, сколько ему лѣтъ, отвѣчаетъ „семой годъ“, другого: „кажись шесть годовъ“, отвѣчаетъ, третьяго спрашиваю, а онъ, обра-

шаясь къ отцу своему, говоритъ: „бать! сколько мнѣ годовъ, я не знаю“. Отецъ его отвѣчаетъ: „въ Срѣтеніе исполнилось шесть годовъ“.—Ну вотъ видите ли, братцы, развѣ можно такихъ маленькихъ принять въ школу, вѣдь они не будутъ ничего понимать,—говорю я родителямъ мальчиковъ. „I. M., да намъ пока и не нужно ученія то ихъ, пусть только въ школѣ то сидятъ, не балуютъ, вѣдь изъ дома выживаютъ своимъ баловствомъ, нѣтъ съ ними никакого сладу, а то, по крайней мѣрѣ, на глазахъ не болтаются“, возражаютъ они.

„Братцы! кто поступить въ школу, не учить того нельзя, съ меня спросятъ, да посмотрите въ классъ то какая тѣснота, и посадить то вашихъ дѣтей негдѣ“, сказалъ я имъ и при этомъ отворилъ дверь въ классъ. Они вошли, посмотрѣли и сказали: „да, тѣсненько! Дѣлать нечего, пойдемъ домой!“ И ушли съ своими дѣтьми недовольные.

На слѣдующій день та же исторія. И такъ продолжалось нѣсколько дней.

Во всѣ воскресные и праздничные дни тетка Анна будила меня къ утренѣ, и я ходилъ, а потомъ ходилъ и къ обѣднѣ, иногда къ ранней, иногда къ поздней (въ праздники и воскресные дни служили двѣ обѣдни). За ранней обѣдней народу иногда бывало очень мало, и, пользуясь этимъ, дьячки бесѣдовали на клиросѣ о своихъ дѣлахъ.

Опишу одинъ подобный разговоръ.

Раннюю обѣдню долженъ былъ служить о. Николай Срѣтенскій, безъ дьякона. При немъ состоялъ дьячекъ Ив. Ст. Садиковъ и пономарь А. И. С.

Я пришелъ на правый клиросъ и стоялъ около Садикова. Когда Садиковъ пошелъ читать апостола, пришелъ и мой отецъ и поздоровался съ Садиковымъ.

Пономарь пѣлъ на лѣвомъ клиросѣ: „аллилуіа“.

Садиковъ тѣмъ временемъ спрашиваетъ отца, что его давненько не видать, гдѣ былъ? Отецъ началъ отвѣчать: „на мельницу“... — Погоди, М. И.!... И духови твоему!— поетъ Садиковъ. „На мельницу ѣздилъ“, докончилъ отецъ. „Некогда! Слава тебѣ Господи!“ опять поетъ Садиковъ.

Священникъ началъ читать евангеліе въ алтарѣ.

„На какую мельницу то ѣздилъ, Михайла Ивановичъ? На Михновскую, или на Бекетову?“ спрашиваетъ Садиковъ. „На Бекетову“, отвѣчаетъ отецъ. „Почему не на Михновскую? вѣдь та ближе“. Отецъ приготовился отвѣчать, но Садиковъ побѣжалъ къ южнымъ дверямъ алтаря и, просунувъ голову въ эту дверь, началъ слушать, читаетъ ли еще священникъ евангеліе, а потомъ вернулся на клиросъ къ отцу и говоритъ: „наказаніе это служба безъ дьякона, ничего не разберешь, что читаетъ о. Николай въ алтарѣ, алтарь большой, гулы расходятся по нему; кажется, уже кончилъ о. Николай“. Поетъ. Затѣмъ, во время чтенія священникомъ ектеніи, почти послѣ каждого прошенія Садиковъ подбѣгаетъ къ алтарной двери, слушаетъ чтеніе священника, потомъ поетъ... „Теперь молитва будетъ, скажи, М. И., почему ѣздилъ на Бекетову мельницу“. — Развѣ Михновскій мельникъ началъ пошаливать!— „Да вѣдь, Иванъ Степановичъ, и всѣ мельники то нѣтомъ живутъ“, отвѣчаетъ отецъ. „Какъ нѣтомъ? Погоди“... Садиковъ поетъ. „Теперь будетъ заупокойная ектенія, ну продолжай, М. И.“ — Вотъ видишь ли, И. С., началъ говорить отецъ: „пріѣзжаетъ на мельницу, примѣрно, нашъ Павелъ Денисовъ на двухъ лошадяхъ съ большими возами, наполненными хлѣбомъ. Выходитъ мельникъ, смотритъ на воза и спрашиваетъ: Павелъ Денисовичъ!

сколько мѣръ привезъ молоть то? 40 мѣръ. Ой, Павелъ Денисовичъ, больше, возражаетъ мельникъ. Нѣтъ, нѣтъ отвѣчаетъ П. Д. и начинаетъ божиться. Вотъ этотъ самый *нѣтъ* то и остается въ пользу мельника, нѣтомъ то этимъ они и живутъ. — „А ты много ли, М. И., смололъ?“ — Пять мѣшечковъ, И. Ст.! — „Житной то мучки смололъ ли?“ — Мѣшечекъ смололъ! — „То то теперь Марья Матвѣевна будетъ печь блины! Берегите сына то“, указывая на меня, говоритъ Садиковъ: „вѣдь учитель, учитель!“

Придя изъ церкви домой, я увидѣлъ, что мать моя Марья Матвѣевна что то дѣлаетъ у печи. На печкѣ лежитъ родная сестра ея Анна Матвѣевна, какъ больная.

Входитъ въ избу кр. д. Вѣднова тоже Анна, старая дѣвица, и, увидѣвъ на печкѣ мою тетку Анну, говоритъ: „пусти и меня, Аннушка, на печьку то, я очень озябла“. Тетка говоритъ: „иди! а мнѣ что то не здоровится“. Крестьянка Анна, влѣзши на печьку, легла рядомъ съ теткой и начала говорить: „послушай, Аннушка, што я тебѣ буду баять: ницово ты не знаешь, вѣдь я была въ Сутокахъ. *) Тамъ явилась Мать Пресвятая Богородица, а явилась то она, баятъ, одной вдовушкѣ. Баятъ, вдовушка то эта была хорошаго житья. Вотъ Мать Пресвятая Богородица явилась ей ночью и говоритъ: вдовица, баятъ, ты красная дѣвица, такъ, баятъ, и назвала ее, поди ты къ своему священнику и скажи ему, чтобы іонъ взялъ меня изъ старой церкви, давно я тамъ сижу подъ поломъ! Вдовица, баятъ, пошла къ священнику и рассказала ему все, а священникъ то, баятъ, не повѣрилъ. Извѣстно, говоритъ, вдовы, ложитесь вы, баятъ, рано. и снится то, баятъ, вамъ

*) Село Сутоки, Корчевского уѣзда, въ 25 верстахъ отъ Кушалина.

што ни попало. На слѣдующую ночь Мать Пресвятая Богородица, баить, опять явилась этой вдовушкѣ и говоритъ: вдовица, баить, ты красная дѣвица, поди, сходи къ священнику и скажи ему, чтобы іонъ взялъ меня изъ старой церкви. Вдовица, баить, опять пошла къ священнику и передала ему, что Мать Пресвятая Богородица и въ эту ночь явилась ей и повелѣла передать ему, чтобы іонъ взялъ ее въ старой церкви. А священникъ то, баить, и на этотъ разъ не повѣрилъ и сказалъ тоже, што и прежде: баить, вы, вдовы, ложитесь то рано, баить, и снится то вамъ што ни попало. На третью ночь Мать Пресвятая Богородица, въ грозномъ видѣ, явилась этой вдовушкѣ и говоритъ: вдовица, баить, ты красная дѣвица, третій разъ являюсь тебѣ: что же не берете меня изъ старой церкви. Вотъ, баить, вдовушка то пошла въ третій разъ къ священнику то и передала ему, что и въ эту ночь Мать Пресвятая Богородица являлась ей и велѣла непременно взять ее изъ старой церкви. На этотъ разъ священникъ то, баить, повѣрилъ и пошелъ со вдовушкою и сторожемъ въ старую церковь. Какъ отперли, баить, церковь и вошли въ нее, увидѣли, что одна половица сломана и одинъ конецъ ея приподнять. Взяли они эту половицу, вынули и увидѣли на землѣ лежащую икону Пресвятой Богородицы, подняли ее и внесли въ церковь, стали разсматривать и на другой сторонѣ иконы замѣтили надпись, что который живописецъ то писалъ эту икону, шесть недѣль не пилъ, не ѣлъ, такъ, баить, и подписано. И вотъ теперь туда народъ валомъ валить, а тамъ, на мѣстѣ, кишмя кишить, священники то, баить, не успѣваютъ обѣдни служить, до 40 обѣденъ, баить, служатъ въ день“. Тетка Анна набожно крестится и говоритъ: „какое чудо проявилось, а я ничего и не слышала

объ этомъ“. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго въ Сутокахъ не было.

Приближалось время къ Великому посту, и я началъ заботиться о томъ, какъ бы устроить хоръ пѣвчихъ. Спрашиваю своего отца, нѣтъ ли какихъ мальчиковъ, которые могли бы пѣть. Отецъ говоритъ, что при А. А. Никольскомъ, прежнемъ учителѣ, ходило на клиросъ нѣсколько мальчиковъ, и онъ мнѣ ихъ укажетъ. Дѣйствительно, дня черезъ два или три приходитъ ко мнѣ окончившій ученіе въ Кушалинскомъ училищѣ, сынъ волостного писаря Андрей Кирилловичъ Лашинъ (впослѣдствіи художникъ академіи художествъ, имѣлъ двѣ серебряныхъ медали), и говоритъ мнѣ, что ему мой отецъ передавалъ о желаніи моемъ устроить хоръ пѣвчихъ, и что онъ—Лашинъ—самъ поетъ на клиросѣ, знаетъ и другихъ мальчиковъ, которые тоже иногда становятся на клиросѣ и поютъ....

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Если, согласно латинской пословицѣ, у книгъ есть своя судьба, то она имѣется и у настоящихъ „Воспоминаній“. Въ 1908 г. отецъ нашъ, Іустинъ Михайловичъ Малеинъ, вышелъ въ отставку послѣ 38-лѣтней службы по акцизному вѣдомству. Привыкнувъ къ непрерывной и тяжелой канцелярской работѣ и утомительнымъ разѣздамъ, продолжавшимся иногда по недѣлѣ, отецъ вначалѣ, по выходѣ въ отставку, сильно тяготился своимъ бездѣйствіемъ. Тогда одинъ изъ насъ подалъ ему мысль записать главнѣйшіе факты его многострадальной и трудовой жизни. Основаніемъ для этого предложенія служило то, что отецъ любилъ вспоминать свою долгую жизнь и умѣлъ и трогательно, и увлекательно рассказывать грустные и веселые эпизоды ея. Наряду съ этимъ онъ до конца жизни отличался прекрасной памятью и большимъ даромъ наблюдательности. Поэтому его рассказы изъ своего прошлаго, мастерски произносимые съ интонаціями въ голосахъ дѣйствующихъ лицъ, вызывали большой интересъ не только въ тѣсномъ семейномъ кругу, но и за предѣлами его. Работа надъ „Воспоминаніями“ мало по малу увлекла отца, и онъ сталъ заниматься ими понемногу почти каждый день. Большимъ удовольствіемъ для него было дѣлиться написаннымъ прежде всего съ нами, а потомъ и съ близкими родными и знакомыми. Читая отрывки самъ и вполнѣ переносясь въ эпоху, современную рассказываемымъ событіямъ, отецъ обыкновенно заинтересовывалъ и увлекалъ своихъ слушателей, кругъ которыхъ все болѣе и болѣе расширялся... Наконецъ, 22-го августа минувшаго года, благодаря предложе-

нію Предсѣдателя Тверской Ученой Архивной Коммисіи, И. А. Иванова, и Правителя дѣлъ той-же Коммисіи, И. А. Виноградова, отецъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Тверь, чтобы прочесть отрывки изъ своихъ воспоминаній въ засѣданіи Коммисіи. Будучи человѣкомъ весьма скромнымъ, отецъ сильно волновался предъ засѣданіемъ въ ожиданіи, какъ-то сойдетъ его чтеніе, найдетъ-ли собраніе интересными тѣ воспоминанія, обработкой которыхъ онъ занимался съ такою любовью. И полный успѣхъ чтенія превзошелъ всѣ его ожиданія. Не только отецъ, сряду по прочтеніи, былъ избранъ единогласно въ члены Коммисіи, но тутъ же состоялось постановленіе и о напечатаніи „Воспоминаній“ полностью на счетъ Коммисіи. Кромѣ того, одинъ изъ участниковъ засѣданія напечаталъ глубоко тронувшій отца (за что мы искренно благодаримъ почтеннаго автора) сочувственный фельетонъ объ его „Воспоминаніяхъ“ въ газетѣ „Московскія Вѣдомости“ (№ 206, отъ 7 сентября). Тѣ похвалы, которыхъ удостоился отецъ за свое чтеніе, были однимъ изъ самыхъ отрадныхъ моментовъ, которые испыталъ онъ въ три послѣдніе года своей однообразной жизни, и мы священнымъ долгомъ считаемъ поэтому выразить сердечную признательность Преосвященному Алипію, Предсѣдателю Коммисіи и всѣмъ присутствовавшимъ въ засѣданіи 22 августа членамъ ея за то, что они такъ тепло и задушевно отнеслись къ воспоминаніямъ нашего дорогого и незабвеннаго родителя. Искренно жалѣемъ только, что ему не удалось дожидаться того, чтобы видѣть свои записки напечатанными. Какъ онъ нерѣдко говорилъ, ему хотѣлось довести свои воспоминанія до рожденія младшаго изъ насъ (1882 г.), но неумолимый рокъ судилъ иное. Записки обрываются на устроеніи отцомъ въ 1857 г.

церковнаго хора на его родинѣ, въ селѣ Кушалинѣ. О хорѣ этомъ, замѣтимъ, нерѣдко и до сихъ поръ еще вспоминаютъ съ удовольствіемъ тамошніе старожилы. Эти строки были написаны въ сентябрѣ минувшаго года, а съ начала октября отецъ сталъ чувствовать себя все хуже и хуже и 1-го декабря мирно скончался. Наблюденіе надъ печатаніемъ своей книги отецъ еще при жизни поручилъ старшему изъ насъ, предоставивъ ему полное право, какъ угодно, передѣлывать и измѣнять рукопись; но редакторъ старался возможно рѣже прибѣгать къ этому, не желая налагать общелитературный отпечатокъ на индивидуальное изложеніе, и въ этихъ видахъ оставилъ даже нѣкоторыя стилистическія неправильности, особенно же тѣсное переплетеніе прямой и косвенной рѣчи. Все же пришлось сдѣлать кое-какіе пропуски, какъ напр. наставленій дѣтямъ, глубоко цѣнныхъ для насъ, но мало интересныхъ для постороннихъ читателей; два-три мѣста оказались неудобными и въ цензурномъ отношеніи. Дѣятельную и всегдашнюю помощь редактору оказывалъ Правитель дѣлъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи, Иванъ Александровичъ Виноградовъ, принявшій на себя и тяжелый трудъ чтенія первой корректуры. Искренней благодарностью ему мы и позволимъ себѣ заключить настоящее послѣсловіе. *)

Александръ, Викторъ, Михаилъ и Николай Малевы.

*) Весьма признательны мы также А. Θ. Дресслеру, исполнившему портретъ отца за самую недорогую цѣну, и А. И. Мячкову, безвозмездно напечатавшему клише обложки, нарисованной младшимъ изъ насъ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ

ЛИЧНЫХЪ и ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

	Стр.
Алексѣевское, с. Тверск. у.	212
Андріановъ, И. А.	171
Анна Александровна, родственница помѣщиковъ Кегель	210
Антонъ Кузьмичъ, военный писарь	41, 101
Арсеній Феодоровичъ, дячокъ	183
Арсеньевъ, И. Ѳ., помощникъ ректора	188, 190, 191
Астраганцы, с. Тверск. у. .	78
Бекетова мельница, Тверск. у.	228
Бережай, с. Бѣж. у. . . .	5
Блохинъ, Тверской кулець	174
Богородскій, Е.	168
Богословскій, М. П., регентъ арх. хора	180, 181
Бойковъ, В. П.	205
Бутягинъ, И. П.	60
Бухолово, дер. Тверск. у. .	27, 28, 65
Бѣжецкъ, гор.	16, 17, 210
Бѣлостокъ, г.	210
Бѣльскій	121
Быковъ, А. С., учитель дух. училища 52—56, 58, 60—64, 78—80, 95, 103, 125	
Ванютино, д.	64
Варгазинъ, Тверской торговецъ	59
Васильево, д. Тверск. у. .	109, 110
Васильевскій, И. С., прот. .	192—195
Васильевъ, Т.	20
Введенскій, Е., свящ. . . .	56—58
Введенскій, И. Е.	56—58
Вельшино, д. Тверск. у. .	68, 214
Вельяшево, с-цо Тверск. у.	212
Виноградовъ, Н. И. . . .	196, 197
Владимірская церковь въ Твери	63

	Стр.
Воздвиженскій, А.	180
Волга 44, 48, 63, 94, 95, 125, 126, 130, 170, 174, 200, 201	
Волковъ, Д. П., инспекторъ дух. учил.	120—123, 126
Волковъ, И.	194
Волковъ, И., Тверской, первый	136, 137
Воскресенскій, И. А. . . .	121
Вышній Волочокъ, г. . . .	197, 206
Вѣдново, д. Тверск. у. . .	20, 65, 71, 73—75, 86, 229
Гавріилъ, архіеписк. Тверской 72, 199—203, 215, 216, 220	
Гавріилъ, еписконъ, ревизоръ	128
Глазково, д. Тверск. у. . .	93
Говядинка, А. В., крест. . .	20
Годуновъ, Борисъ, царь . .	17, 92
Городецкій, А. Т., учитель дух. учил. 103, 107, 111, 115, 119, 125, 128	
Городецкій, Т. И., прот. . .	151
Градницы, с. Тверск. у. . .	41
Григорій, митропол. Петербургскій.	58, 72, 98, 99
Григорій Андреевичъ, сапожникъ	104
Груздовъ, И.	102, 103
Дмитровскій, А.	180
Дмитровскій, Н. И., регентъ архіер. хора	113
Дуловское, дер. Тверск. у.	65
Дюковъ, П. А., психіатръ .	205
Евфимовъ, І., крестьян. . .	69
Еленевъ, Н.	180
Ермолай, сапожникъ, . . .	45, 111
Жигаренко, крестьян. воръ-рецидивистъ	31
Забѣлинъ, В. И.	205
Залазино, с. Бѣжецк. у. . .	197

	Стр.
Застолбье, с. Бѣж. у.	3, 21, 212
Звѣревъ, И. Л., преподаватель семинаріи	133
Зуевъ, художникъ	27
Ивановскій, дьяконъ	125
Иванъ Спиридоновичъ, крестьянинъ	73, 74
Изотовъ, А. Ѳ., преподаватель семинаріи	167—169
Исполатовскій, В. В.	140
Іерусалимскіе: Николай, Петръ и Иванъ	126, 127
Іоаннъ, архим., ревизоръ	198 201
Калишъ, г.	179
Каталымовъ, С. К., дьяконъ	126
Кашинъ, гор.	21, 31, 83, 84, 120
Кегель, А. Л.	210
Кегель, Л. Ф., майоръ помѣщикъ	68—70, 210, 211
Кегель, О. А.	68—70, 209—211
Кегель, Э. Л.	209
Кегель, Ю. Л.	209
Клементій Алексѣевичъ, пролавецъ гречневиковъ	105—107
Климентъ, архим., ректоръ семинаріи	170, 171
Козлово, с. Вышнезол. у.	56
Козыревъ, П.	66, 79
Колычева, Н. С.	189
Кононъ Гавриловичъ, свящ.	6
Коняевъ, Тверской купецъ	83
Котанскій, авторъ латинск. грамм.	118
Кревскій	3
Критскій, А. И.	3, 31, 113
Кушалино, с. Тверск. у.	3, 5, 8—10, 12, 16—18, 21, 43, 45, 47, 49, 68, 71, 92, 110, 111, 124, 125, 174, 206, 209, 212, 214—216, 218, 220, 221
Кушалка, р.	17, 18, 27, 35, 75, 85, 100, 101
Лашинъ, А. К., художникъ	231
Лебедева, А. М.	5, 25, 47, 201, 227, 229, 230
Лебедева, М. М., см. Маленна М. М.	
Лебедева, Н. М.	5

	Стр.
Лебедева, Ѳ. Я., 5—10, 14, 25, 64, 81, 92	
Лебедевъ, І., свящ.	3
Лебедевъ, М. Ф., свящ.	5—10
Лебедевъ, П. И., преподаватель семинаріи	132, 133, 167
Левшинъ, А.	180, 189, 192—196
Лисицынъ, В. Ѳ., инспекторъ семинаріи	147, 162, 195—198, 201, 202, 211
Ловягинъ, І. Я., прот., ректоръ дух. училища	50—52, 97
Лука, семинарскій сторожъ	141, 188, 189
Ляхово, д. Тверск. у.	65
Мавра Григорьевна, Тверская мѣщанка.	102
Макарій, архим., ректоръ семинаріи	171, 179, 180, 195, 201, 202
Маленна, Е. М.	25, 36, 37, 39—41, 45—47, 66, 80
Малеина, М. М. passim.	
Малеина, О. М.	25, 113, 123, 126, 206
Малеинъ, А., дьяконъ	217
Маленнъ, А. М.	10
Маленнъ, І. М., свящ.	10
Маленнъ, М. И., дьячокъ, passim.	
Малеинъ, П. М., свящ.	10, 100, 130
Малеинъ, Я. А.	217—220
Маливинъ, І. М.	63
Манеановскій, И.	180, 181
Марковъ, И. И., столонач. консисторіи	218—220
Матвѣевъ, Е.	225, 226
Матвѣевъ, Н.	225
Машка, крѣпостная горничная	213
Меньшагинъ, И.	128
Миловскій	3
Милорадовъ, И. П., волостной писарь	214, 215
Митропольскій, свящ.	78
Митропольскій, М. И.	205
Михайлова Гора, с. Тверск. у.	130
Михайловскій, В. Я., прот.	206
Михайловъ, Г.	225, 226
Михновская мельница, Тверского у.	228

	Стр.		Стр.
Моревъ, А. В.	134, 138	Нилова пустынь, Осташк. у.	207—209
Моревъ, А. С., преподава- тель семинаріи	178	Ниль Столобенскій, св. . .	207—209
Моревъ, В. Е., преподава- тель семинаріи	132, 144	Новый Іерусалимъ	170
Морковинъ, М. Е., діаконь . .	68, 83, 86, 152	Нѣмцовъ, Ф. И., художникъ	72
Морозовъ, свящ.	130	Оболянинова, М. С.	212
Мощанскій	193	Оболявиновъ, В. П.	212
Наденское, д. Тверск. у. . . .	68, 214	Оболяяиновъ, Н. П.	212
Наквасино, д. Тверск. у. . . .	65	Оболяяиновъ, П. Н., помѣ- щикъ	212, 213
Настасино, д. Тверск. у. . . .	65	Озеровъ, М. В., прот. . . .	219
Невскій, И. Ѳ. 179, 180, 183, 188, 190		Озеровъ, С. С., преподава- тель семинаріи	197
Нектарьевскій, А. К., учитель	115	Орловъ	121, 122
Нензбергъ, И. Е., врачъ	186—188	Орловъ, Д. С., архіер. секре- тарь	218
Нечаевъ, дьяконь	130	Осташковъ, г.	151
Нечаевъ, М.	130	Осѣчино, с. Вышневол. у.	206, 207, 209
Никитинъ, Т.	223	Отрочъ монастырь въ г. Тве- ри 49, 63, 79, 95, 169—171, 179, 181, 185, 186, 189, 199, 201	
Никитская церковь въ Твери	95		
Никитскій, И. А., учитель дух. учил.	122	Павла, дочь священника . . .	41
Никодимъ, архим., ректоръ семинаріи	142, 143, 147, 148, 169, 170	Пановъ, Г. И.	118
Николаевская, А. В.	34	Пашка, крѣпостная горничная	213
Николаевская, Н. А.	41	Первитино, с. Тверск. у. . . .	8
Николаевскій, А. А.	35	Первухинъ, Г. П., прот., пре- подаватель семинаріи	125, 176
Николаевскій, А. В. 17, 26, 34, 35, 47, 68, 77, 78, 93, 114, 148		Перелогі, с-цо Тверск. у. . . .	68, 69, 209
Николаевскій, В. А., 35, 178—181, 183		Петербургъ:	4, 58, 198
Николаевскій, И. А. 35, 41, 43, 47, 48, 53, 54, 59, 63, 67, 68, 75, 77, 78, 80—82, 100, 102, 103, 108—110, 112—114, 122, 123, 125, 139, 140, 148, 150, 178, 180, 181, 183, 188—191, 201, 205, 210, 211		Петровъ, П. И., частн. приставъ	192
Никольскій, свящ.	130	Петръ Григорьевичъ, цер- ковный староста	70, 71
Никольскій, А.	149	Петръ Могила.	133
Никольскій, А. А., сельскій учитель 206, 213, 214, 216, 223, 231		Пирогова, А. Г.	49
Никольскій, И.	130	Платонъ, архим. Желтикова монастыря	72
Никольскій, И. Д., пономарь 42, 68, 72, 83, 86, 89		Плетневъ, А.	121, 122, 128
Никольскій, П.	130	Плетневъ, В.	128
Никольскій, П.	164	Плетневъ, И. А.	163
Никольскій, Ѳ.	115, 116	Поддубская, М. И.	207, 209
		Поддубскій, В. И., прот. . . .	207, 209
		Поццо, управл. палатою го- суд. имущества	220
		Предтеченскій, А. А., при- четникъ	113, 123, 206
		Преображенскій	166
		Прудово, с. Тверск. у. . . .	212

Стр.	Стр.
Прутенскій, В. П., врачъ 205	Старковъ, В. П., пом. Одес-
Пѣвцовъ, В. Г., прот. 206	скаго градоначальника 205
Пѣвцовъ, Гр., свящ. 9, 10	Страхово, д. Тверск. у. 65
Пѣшехоновы, А. Е. и П. С. 174, 175	Судаковъ, І. Ѳ., свящ. 10, 14, 36, 43,
Пыпина, О. А., см. Кегель,	45, 67, 68, 72, 76, 82—84, 86—91,
О. А.	102, 152, 171—174, 218, 220, 221
Радикорскій, Я. Я. 163—165	Сутоки, с. Корч. у. 229—231
Рамешки, с. Тверск. у. 212	Сухумъ, г. 168
Рахманинъ, А. 180, 181	Тверца, р. 93—96, 123, 130, 192
Рахманинъ, Ѳ. 180	Тверь 16, 17, 27, 28, 43—45, 47, 48,
Рождество, с. Тверск. у. 125	57, 71, 76, 83, 91, 92, 97, 103, 111,
Рубцовъ, И. А., прот., пре-	123—125, 130, 148, 199, 202, 213,
подаватель семинаріи . 176, 177,	215, 216, 218, 223
178, 200	Терентій Васильевичъ, кре-
Рубцовъ, И. Г., свящ. 125	стьянинъ 75, 87—89
Рубцовъ, С. А., секретарь	Терликовъ, Н. В., Кашинскій
семина. правл. 177, 178, 202	купецъ 83, 84
Русиново, дер. Тверск. у. 27, 28	Титовъ, И. М., преподава-
Рѣшетовъ, Тверской купецъ . 124	тель семинаріи 133—144, 166, 167
Садиковъ, И. С., дьячокъ . 13, 49, 67,	Тихарево, д. Тверск. у. 69, 70, 221
68, 227—229	Толмачи, с. Бѣжецк. у. 171
Садиковъ, Л. И. 49, 55, 67,	Травинъ, Н. 180, 192—194
68, 108—110, 152	Троицкая, что за Волгой въ
Садиковъ, П. И. 49, 67, 68, 152	г. Твери, церковь 49, 63, 102, 174
Садиковъ, С. Д., преподава-	Троицкій, В. И., свящ. 151
тель семинаріи 168	Троицкій, С. А., свящ. 171, 172—175
Сальково, с. Кашинск. у. 218, 220	Трубниковы, помѣщики. 21
Самара, гор. 58	Тьмака, р. 130, 184
Севастополь, г. 209	Устряловъ, авторъ учебника . 166
Серафимъ, архіеписк. Твер-	Филосеей, митроп. Кіевскій. . 57, 58
ской 3—5	Хвостовы, помѣщики 65
Серафимъ, монахъ 169, 170	Холопово, д. Тверск. у. 77
Симаковъ 121	Храмцова, А. Д., помѣщица 69, 70, 72
Симеонъ Бекбулатовичъ, царь 17, 92	Храмцовъ, шт.-ротм., помѣ-
Синицынъ, свящ. 125	щикъ 70
Синицынъ, П. И. 205	Христорождественскій жен-
Синицынъ, Ѳ. И., докторъ. . 205	скій монастырь въ гор.
Славново, с. Тверск. у. 18	Твери 203
Смирновъ, А. И., прот., препо-	Чернево, дер. Тверск. у. 65
даватель семинаріи 178, 181—184	Черниговъ, г. 169
Соколовъ, И. 168	Шавровъ, Н. И., преподава-
Соколовъ, П. П. 197, 208	ватель семинаріи 132
Соловьевъ, А. А., прот. 210, 211	Шевелевъ, А. 180
Сороки, д. Осташк. у. 209	Шреккъ, авторъ учебника 132
Спридоновъ, И. 20	Щепинъ, А. П., прот. 206
Срѣтенскій, Н. І., свящ. 67, 68	Яковъ Кононовичъ, свящ. 5, 6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава первая. Время и мѣсто моего рожденія.—
Печальная судьба отца.—Дѣдъ мой по матери М. Ф.
Лебедевъ.—Отдача священника въ солдаты.—Бѣдность
моихъ родителей.—Тяжелая работа отца. 3— 13

Глава вторая. Ласка и баловство бабушки.—
Новыя бѣдствія отца.—Уколъ глаза.—Странный слу-
чай съ коровой.—Пожаръ въ селѣ Кушалинѣ.—Отчая-
ніе жителей.—Безвыходное положеніе нашего семей-
ства.—Еще несчастіе съ отцомъ 14— 22

Глава третья. Новая изба.—Зимнее освѣщеніе.—
Спички.—Опредѣленіе времени по пѣтухамъ.—Поимка
вора.—Паренье въ печи.—Часто ли отецъ пилъ чай.—
Стѣсненія въ Великій постъ.—Говѣльщики.—Красна.—
Мой другъ дѣтства И. А. Николаевскій.—Лакомство
глиной 23— 35

Глава четвертая. Обученіе грамотѣ.—Слоги
двойные и тройные.—Слова подъ титлами.—Знаки
надстрочные и строчные.—Часовникъ и псалтырь.—
Обученіе письму.—Хожденіе въ церковь.—Твердое
усвоеніе славянскаго языка 36— 44

Глава пятая. Сборъ въ духовное училище.—
Прощаніе съ родными.—Первыя впечатлѣнія въ Твери.—
Зданіе училища.—Квартира.—Визиты къ ректору и
учителю.—Первое посѣщеніе класса.—А. и Б.—Урокъ
чистописанія.—И. Е. Введенскій 45— 58

Глава шестая. Жизнь въ Твери.—Варгазинскіе
калачи.—Классъ пѣнія.—Розги.—Очередные уче-
ники.—Мой неудачный дебютъ 59— 65

Глава седьмая. Первыя Рождественскія вака-
ціи.—„Славленіе“ вмѣстѣ съ отцомъ.—Помѣщики
Кегели.—Помѣщица Храмцова.—Петръ Григорье-
вичъ.—Жизнь крестьянъ зимою.—Игры у проруби.—
Занятія пѣніемъ съ отцомъ.—Деревня Холопово. 66— 77

Глава восьмая. Возвращеніе въ Тверь.—Петръ Козыревъ.—Первая Пасхальная вакація.—Службы Страстной недѣли.—Опять хожденіе по приходу.—„Мускатель“.—Хороводы.—Угощеніе у крестьянъ.—Трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ.—Отъѣздъ въ Тверь.—Волга въ разливѣ.—Ученые послѣ Пасхи 78—96

Глава девятая. Приготовленія къ публичному экзамену.—Цвѣты.—Торжество.—Лѣтнія каникулы.—Новая квартира.—А. Т. Городецкій.—Кривая колодка.—Клементій Алексѣевичъ.—Обвалъ потолка въ училищѣ.—Путешествіе домой пѣшкомъ на Пасху . 97—112

Глава десятая. Третій классъ.—Ваня Николаевскій поступаетъ въ архіерейскіе пѣвчіе.—Я избираюсь въ аудиторы и подвергаюсь сѣченію.—Древніе языки.—Глаголь τὸ πτω.—Инспекторъ Д. П. Волковъ.—Каюта.—„Купались, мальчики, купались“.—„Когтливый духъ“.—Что мнѣ было за игру въ цари.—Переходъ въ семинарію 113—129

Глава одиннадцатая. Поступленіе мое въ семинарію.—Первыя впечатлѣнія.—Нижнее отдѣленіе.—Учителя В. Е. Моревъ, Н. И. Шавровъ, П. И. Лебедевъ, И. Л. Звѣревъ.—Учитель латинскаго языка И. М. Титовъ.—Шумъ и безпорядки на его урокахъ.—„Сарію—ловлю, edo—ѣмъ“ 130—143

Глава двѣнадцатая. Сказаніе о томъ, какъ я пожелалъ учиться нѣмецкому языку, но не учился, и что изъ этого вышло 144—151

Глава тринадцатая. Мое участіе въ сельскихъ хороводахъ 152—161

Глава четырнадцатая. Поступленіе мое въ среднее отдѣленіе (философію).—Инспекторъ В. Ѳ. Лисицынъ.—Я. и Я. Я. Радикорскій оказались какъ бы двумя евангелистами.—Наказаніе воспитанниковъ.—„Вьюга“.—Опять И. М. Титовъ.—Преподаваніе естественныхъ наукъ.—Смѣна ректоровъ.—Видѣніе архимандриту Никодиму.—Третій братъ мой Иванъ посту-

паеть въ духовное училище.—С. А. Троицкій.—Въ домѣ отца нанято помѣщеніе для училища.—О. Иванъ Судаковъ.—Борьба съ тараканами 162—175

Глава пятнадцатая. Высшее отдѣленіе (Богословіе).—Преподаватели И. А. Рубцовъ и А. И. Смирновъ.—У меня появился басъ.—Поступленіе въ семинарскій хоръ.—Мои успѣхи въ пѣніи.—Ополченіе 1854 г.—И. Е. Нензбергъ и способъ его лѣченія.—Какъ я праздновалъ свои именины.—Злоключенія баса А. Левшина.—Воспитанники Н. И. Виноградовъ и П. П. Соколовъ.—Воспитанники-актеры.—Пріѣздъ ревизора.—Посвященіе въ стихарь.—Окончаніе курса. 176—201

Глава шестнадцатая. Полученіе аттестата.—Безвыходность положенія окончившихъ курсъ семинаристовъ.—Жены, назначаемыя архіереемъ.—Наиболѣе замѣчательные изъ моихъ товарищей.—Путешествіе въ В.-Волочокъ и въ Нилову пустынь.—Взятіе Севастополя.—Мои неудачныя „кондиціи“ въ семействѣ Кегеля и Обольянинова.—Кушалинскій учитель А. А. Никольскій выходитъ въ священники 202—213

Глава семнадцатая. Мои хлопоты о полученіи учительскаго мѣста въ Кушалинѣ.—Полученіе одобренія отъ крестьянъ.—Поѣздка къ архіерею.—„Малець-то больно ражъ“.—Визитъ въ консисторію.—Пѣнзяи.—Однофамилецъ и соперникъ.—Полученіе мѣста.—Отзывъ старухи о моемъ жалованьѣ 214—222

Глава восемнадцатая. Начало учительства.—Знакомство съ учениками.—Первые уроки.—Разговоръ двухъ дьячковъ за ранней обѣдней.—Мнимое явленіе Богородицы въ Сутокахъ.—Мои заботы объ устройствѣ церковнаго хора 223—231

Послѣсловіе 232—234

Указатель именъ личныхъ и географическихъ 235—238

